

CONAN

THE
VALIANT
BY
ROLAND
GREEN

Death and power
wait in the mountains.
and the sword
shall decide.

Annotation

Капитан Конан тайно покидает Аграпур и становится телохранителем волшебницы Ильяны, хранительницы одного из легендарной Камней Курага. Его миссия отправиться в Ильбарские горы, с тем чтобы разыскать там некроманта и колдуна Мастера Эремиуса и похитить у него второй таинственный кристалл, охраняемый демонами.

- [Роланд Грин](#)
    - [ПРОЛОГ](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
    - [21](#)
    - [22](#)
    - [23](#)
-

Роланд Грин

Волшебные камни Курага

ПРОЛОГ

Заходящее солнце позолотило снега Повелителя Ветров, владыки Ильбарских гор. Нижние склоны тонули в тени, в ущельях уже царила тьма.

Бора, сын Рафи, укрывшись за валуном, изучал лежавшие перед ним долины, тремя лучами отходившие от подножья каменного великанна. Туман сплетал над ними немыслимые формы; плотные облака его походили на тела чудовищных тварей, вышедших на ночную охоту. Бора не обращал на них ни малейшего внимания — он вырос в горах, и потому все здесь было привычно и знакомо ему. Еще бы! Его предки пасли в этих местах скот еще тогда когда прародители великого царя Йалдиза Турнского были жалкими князьями.

С недавнего времени об этих долинах стали ходить странные слухи. По ночам в одной из них вспыхивали диковинные зеленые огни, природа которых была неведома горцам, ибо из всех смельчаков, отправившихся туда, удалось вернуться лишь одному, — понять же что-либо из его рассказов было невозможно — бедняга тронулся умом и говорил разве что о демонах.

Через какое-то время из деревень стали исчезать люди. Вначале это били дети — девочка, отправившаяся за водой к источнику, мальчик, несший обед работавшему в поле отцу, младенец, на минуту оставленный в колыбельке. Разыскать разбойников горцам так и не удалось, однако замечены были следа странного существа с длинными, как пальцы, когтями. Затем стали исчезать и взрослые — как женщины, так и мужчины. Деревни опустели: люди боялись выходить из своих домов в одиночку и старались держаться вместе даже днем. Поговаривали, что среди пропавших были и-воины царя Йалдиза, посты которых стояли на перевалах.

Мугра-Хан, полководец армии Йалдиза, не верил этим историям. Происходящее слишком уж походило на смуту, которая в любой момент могла распространиться и на другие уделы.

Он был не настолько глуп, чтобы арестовывать людей наудачу, — поступи он так, и все семнадцать его наместников тут же почувствовали бы себя бунтовщиками, ибо были они ничуть не глупее его самого. Мугра-Хан повел себя иначе: он ввел строжайшую дисциплину, арестовал недовольных и стал ждать, когда же враг выдаст себя.

Надеждам его не суждено было сбыться. Люди продолжали пропадать, как и прежде, но считать их исчезновение проявлением бунтарского духа он уже не мог, — изуродованные трупы воинов, найденные на заставе, свидетельствовали о том, что у царя Йалдиза действительно появился неведомый грозный враг. Наличие внешнего врага никоим образом не означало того, что внутреннего врага не существует. Мугра-Хан послал в Аграпур нарочных, которые должны были вернуться с подмогой, сам же решил остаться в горах.

Бора не знал дальнейшей судьбы посыльных полководца, но она его особенно и не интересовала. Куда больше заботила его судьба собственного отца. Рафи, его отец, обвинил солдат в том, что они уввели его овец. На следующий день он был арестован как опасный смутьян.

Бора знал, как поступает царь с бунтовщиками, но он знал и о том, что Йалдиз Турнский умеет быть и благодарным. Именно по этой причине Бора пришел сюда — если ему дастся раскрыть тайну демонов, царь может освободить его отца.

Хорошо, если Рафи вернется домой еще до свадьбы Аrimы. Конечно, Аrimа не так хорошо как ее младшая сестра Карайя, но в том, что она принесет плотнику из Сухого Лога прекрасных сыновей, можно было не сомневаться.

Бора лег поудобнее. За этим валуном он мог провести и всю ночь.

Мастер Эремиус властным жестом подозвал к себе слугу, сжимавшего в руках резные серебряные сосуды, — в которые была налита кровь. Слуга подбежал к нему и застыл в низком

поклоне. Руки у него были грязными.

Эремиус положил сосуды в шелковый кошель, висевший на его алом кожаном поясе, ударил посохом оземь и выбросил ладонью вперед свою левую руку. Из скалы забили водные струи, сбившие неряшливого слугу с ног и отмывшие его добела.

— Это будет для тебя уроком, — процедил Эремиус сквозь зубы.

— Такого больше со мной не повторится, мой Мастер! — ответил насмерть перепуганный слуга и тут же юркнул за скалу.

Быстрым шагом Эремиус стал спускаться в долину. Длинные пальцы его ног находили опору на самых крутых местах. Внизу его ожидали двое слуг с факелами. Факелы были сделаны из обычного тростника, однако пламя их имело странный красноватый цвет.

— Все в порядке, Мастер.

— Вот и прекрасно.

В сопровождении слуг Эремиус стал взбираться на противоположный склон, туда, где находился Алтарь Трансформации. Судя по всему, дела там шли гладко, хотя из объяснений слуг можно было понять лишь то, что Алтарь не был утащен грифами, и то, что ни одной из сегодняшних Трансформ не удалось убежать.

Будь Ильяна и поныне его союзницей, он сумел бы забрать у нее и второй Камень Курага. Прежде чем она смогла бы напасть на него, он, завладевший всем Сокровищем, стал бы непобедимым.

Эремиус почувствовал, что им овладевает гнев, и тут же подавил этот импульс. Магия, используемая им в Трансформации, требовала предельной концентрации. Однажды во время Трансформации ему довелось чихнуть, вследствие чего одному из существ удалось покинуть Алтарь. Для поимки и умерщвления этой частично трансформированной твари ему пришлось прибегнуть к помощи прочих Трансформ.

Алтарь казался частью склона и являлся таковым на деле. Эремиус воплотил его в ничем не примечательной каменной плите, доходившей человеку до пояса и имевшей двенадцать шагов в поперечнике. На боковых стенах плиты были вырезаны руны древнего охранительного заклинания. Они — так же как и руны, вырезанные на золотом кольце, украшавшем левое предплечье Эремиуса были древним Ванирским переводом Атлантийской сакральной формулы, ведомой лишь единицам. Камни Курага и все, с ними связанное, казались пустой выдумкой не только людям обычным, но и велемудрым магам, и это не могло не нравиться Эремиусу, — во что не верят, того не ищут.

Он приблизился к Алтарю и стал наблюдать за процессом Трансформации. Пред ним лежала молодая деревенская женщина, которую — занимай Эремиуса эта сторона жизни — можно было бы счесть крайне привлекательной. Она была совершенно нагой. К рукам и ногам ее были пристегнуты серебряные цепочки, на голову надет серебряный обруч. Цепочки были натянуты достаточно туго, не позволяя жертве шевельнуть ни ногой, ни рукой. Несмотря на ночную прохладу, женщина обливалась потом. Глаза ее то становились черными, как эбеновое дерево, то вдруг начинали отсвечивать серебром.

Пока все шло нормально — можно было не волноваться. Этой же ночью должно было произойти еще восемь Трансформаций, — армия Эремиуса таким образом должна была пополниться сразу девятью воинами.

В скором времени сила его должна была существенно возрасти, недовольных при дворе туранского властителя было немало, опереться же он собирался именно на них. Своих новых союзников он намеревался послать на поиски второго Камня. Уйти далеко Ильяна не могла, и потому Сокровище рано или поздно должно было оказаться у него. Тогда мир потеряет свою власть над ним, и он, мастер Эремиус, станет полновластным его, мира, владыкой.

Волшебник поднял свою левую руку и стал читать заклинание. Камень Курага тут же вспыхнул изумрудным светом, озарившим собой всю долину.

Бора замер. Туман над западной долиной засиял зеленым светом. Туда он мог добраться и за час, но спешить сейчас не следовало. Волею Митры Бора превратился из пастушка в охотника-волка, выслеживающего добычу, — волку же надлежит быть осмотрительным.

Бора сел и снял с себя прашу. Кожаные ремни ее были целы, на них не было ни трещинки. Удовлетворенно хмыкнув, Бора подвязал ее к поясу и стал осматривать прихваченные с собою пять гольщих. Сколов на них не было. Мальчик вернул их в суму, сшитую из козлиной шкуры, легко поднялся на ноги и направился к долине. Кроме камней в суме его лежали кусок сыра да краюха хлеба.

Больше всего Камень Курага походил на огромный, размером в детский кулак, изумруд. Люди, видевшие его, таковым его и считали. Однако изумрудом сей камень не был. Никто из людей не знал, чем он является на деле — порождением оккультных сил или естественным образованием. Тайна его покоилась на дне морском — среди поросших кораллами развалин древней Атлантиды. Мастера Эремиуса она не интересовала — с него достаточно было и того, что ему ведомы секреты онного Камня.

Он пропел первую часть заклинания и тут же ощутил тепло, исходившее от сосудов с кровью. Теперь когда защитные чары были сняты, он мог обратить эту кровь в орудие Трансформации.

Он поставил первый сосуд рядом с распятой на камне женщиной, рот которой был заткнут кляпом. Глаза ее округлились от ужаса, когда она увидела, что кровь, налитая в сосуд начинает светиться. Она еле слышно застонала.

Эремиус произнес нараспев три слога, и крышка сосуда, взлетев вверх, исчезла во тьме. Он пять раз ударил своим посохом по алтарному камню и повторил эти слоги еще дважды.

Сосуд взлетел в воздух и повис над женщиной. Эремиус поднял свой посох. Свет, излучаемый камнем, сошелся в тончайший луч, блеском своим походивший на солнце. Легким движением кисти Эремиус направил его на сосуд. Тот дрогнул и, перевернувшись, залил тело молодицы кровью. Эремиус провел посохом над ее телом так, что изумрудный луч прошелся по нему от головы до пят. Отступив назад маг стал наблюдать за Трансформацией.

Кожа молодицы стала темнеть на глазах, еще через — минуту она обратилась в чешую, покрывавшую тело иссиня-черной кольчугой. Изменилось и-само тело: теперь на камне лежала не женщина, но грозный исполин, на лапах которого поблескивали длинные острые когти. Глаза у исполина были кошачьими, уши — заостренными, зубы — тонкими и острыми, словно иглы.

Эремиус снова взмахнул посохом, и тут же цепи, сковывавшие исполина, распались. Чудовище неуверенно стало на четвереньки и, понурив голову, приблизилось к магу. Эремиус возложил руку ему на голову и легким движением смахнул с нее и длинные косы, и серебряный обод.

Трансформацию можно было считать законченной.

Из-за Алтаря вышли три Трансформы, некогда бывшие мужчинами. Они помогли своему новому товарищу встать на ноги, на что тот ответил им грозным рыком; Одна из Трансформ ударила новобранца по щеке и тоже оскалила зубы. Эремиус хотел уже было вмешаться, но тут новая Трансформа пришла в себя. В чудищах, стоявших рядом с нею, она узнала таких же, как она сама, слуг Мастера Эремиуса. Отныне единственным ее повелителем и господином был только он — Эремиус Владыка Камня.

Для того чтобы заметить стражей, охранявших вход в долину, не нужно было обладать слишком острым зрением. Присутствию их Бора нисколько не удивился, — демон, живший там, вряд ли обрадовался бы гостям.

Бора взобрался на южный склон долины и, стараясь держаться чуть пониже гребня, направился к тому месту, от которого, как казалось, изливался свет. Источник его, судя по всему, находился на открытом месте, а не в одной из пещер, как думал до недавнего времени Бора.

Мальчик стоял над круто уходящей вниз скалой, на которую не осмелились бы ступить и горные козлы. Однако Бору это не пугало — в уменье лазать по скалам с ним не мог сравниться никто. Конечно, по таким крутым склонам он еще не ходил, но прежде в этом не было и надобности. Теперь же от его мужества и ловкости зависели и жизнь отца, и его собственная судьба. Мугра-Хан был известен своей суворостью и нетерпимостью к малейшим проявлениям непослушания — семейство Рафи ожидало либо изгнание из страны, либо — смерть.

Бора хорошенько рассмотрел скалу и, стараясь не спешить, полез вниз. К тому времени, когда половина пути была пройдена, с ним стало происходить что-то странное: члены его стали дрожать, ладони внезапно вспотели. Устать так быстро он не мог, вызвать эту слабость могли только колдовские чары.

Он тут же отогнал от себя эту мысль, понимая, что страх лишит его и остатка сил. Нащупав ногою опору, Бора остановился и перевел дух.

Изумрудный свет то вспыхивал, то погасал. Мальчик ясно видел луч, выхватывавший из мрака неясные фигуры, стоявшие вокруг огромного камня. На людей они не походили.

Бора спустился еще ниже и оказался на достаточно широкой каменной полке. Справа от него скала отвесно уходила вниз, слева же кругой спуск сменялся полого спускавшимся склоном. Откуда-то несло падалью. Мальчик поморщился и стал всматриваться во тьму. У основания скалы расхаживал дюжий страж, вооруженный коротким луком и тонкой изогнутой саблей.

Бора осторожно снял пращу с пояса. Стражника следовало убить. Если ему и удастся каким-то чудом проскочить мимо этого грозного воина, он, этот воин, станет на пути, когда Бора пойдет обратно.

До стража было добрых сто пятьдесят шагов, однако и в метании из пращи Бора не имел равных. Воин рухнул наземь так и не узнав, откуда же к нему пришла смерть. Сабля его со звоном упала на камни.

Бора застыл, ожидая, что товарищи убитого поднимут тревогу. Но те, похоже, ничего не заметили. Мальчик пополз дальше вниз.

Вонь становилась все сильнее. К зловонию, источаемому падалью, примешивалось что-то настолько тошнотворное, что дышать становилось решительно невозможно. Мальчик вновь вспомнил о колдовских чарах.

Возможно, именно эта мысль в спасла ему жизнь — чувства его напряглись, и он увидел выходящих из пещеры демонов. Не заметить их было нельзя: они светились тем же изумрудным светом, который и привел его в эту долину. Демоны были куда крупнее людей — выше и шире в плечах, — тела же их были покрыты крупной чешуей.

Они беззвучно шли прямо на него, однако он слышал обращенные к нему слова, что звучали где-то внутри.

ПОСТОЙ, МАЛЬЧИК! ТЫ МОЖЕШЬ СТАТЬ СЛУГОЙ СЛУЖИТЕЛЕЙ МАСТЕРА!
ПОСТОЙ, НЕ УХОДИ!

Бора прекрасно понимал, что задержись он хотя бы на мгновенье, и место его собственной воли займет чужая — воля служителей Мастера. Праща закружилась вновь, и через мгновение демон, шедший впереди, зашатался и повалился наземь, увлекши за собою и одного из своих собратьев.

Третий демон легко перепрыгнул через их тела и посмотрел прямо на мальчика. Бора вновь услышал властный бесплотный голос.

ПОДЧИНИСЬ МНЕ, И ТЫ УДОСТОИШЬСЯ МИЛОСТИ САМОГО МАСТЕРА!

Боре ничуть не хотелось быть съеденным заживо. С проворством ящерицы он стал взбираться наверх.

Демон зашипел по-змеиному и испустил столь гневливый импульс, что мальчик едва не сорвался со скалы. Чудовище тоже стало карабкаться наверх, но ловкости для этого ему явно недоставало — уже через минуту оно со страшным грохотом упало вниз.

Бора остановился только на самом гребне горы. С выражением "бежать так, словно за тобой гонится тысяча чертей" он встречался и раньше, но лишь теперь он мог понять истинный его смысл.

Если ему удастся вернуться домой, он попытается убедить людей в том, что в долине и в самом деле поселились демоны.

Изумрудный свет померк. Горы вновь были объяты непроницаемой тьмой.

Прикрыв глаза, Эремиус недвижно стоял перед Алтарем. Звона упавшей сабли он не услышал. Из задумчивости его смогли вывести лишь призыванья Трансформ, с которыми они обращались к кому-то неведомому. Не прошло и минуты, как он услышал сдавленный крик одного из своих воинов, за которым последовали страшный грохот и стук каменьев.

Эремиус поежился. На сей раз Трансформация ему явно не удалась. На камне извивалось могучее, исполненное неистовства и безумия тело.

Первыми не выдержали ножные кандалы. Трансформа задергалась еще яростнее и вскоре уже стояла на четвереньках, грозно рыча. Эремиус вздохнул и коснулся посохом ее переносицы.

Трансформа беззвучно завизжала, метнулась в сторону и, упав с Алтаря, растеклась по земле зеленоватой желеобразной массой, вязкость которой уменьшалась с каждым мгновением. Вскоре от нее осталось лишь несколько темно-зеленых пятен, но и те быстро таяли. От камней понесло таким смрадом, что поморщился и видавший виды Эремиус.

Маг отвернулся от Алтаря. О какой-то концентрации уже не могло идти и речи, и потому продолжать Трансформацию он не мог.

К нему подбежал начальник охраны. Упав на колени перед своим господином, он забормотал:

— О Великий Мастер, Кюри погиб! Со скалы сорвался камень, который угодил ему в голову. Погибли и две Трансформы — одна сорвалась со скалы, вторую тоже убило камнем!

"Камнем?!" От удивления Эремиус не мог вымолвить ни слова. Трансформы погибли, преследуя неведомого врага, — в этом можно было не сомневаться. И для чего только здесь выставлена стража?

Своим посохом он ударил капитана по плечу. Тот скривился от боли, но не издал ни звука.

— Пошел вон! — закричал Эремиус.

Оставшись в одиночестве, он воздел к небу руки и разразился проклятьями. Он проклинал магов древней Атлантиды, магические Камни которых были так сильны в паре и так бессильны поодиночке. Он проклинал и сам Камень Курага, вынуждавший его прибегать к помощи таких бестолковых слуг, какими являются люди. Разумными этих людей могло сделать лишь служение ему, в противном же случае они являли собой нечто до такой степени жалкое, что о них не стоило и говорить. Более же всего он проклинал Ильяну. Почему она ослушалась его? Почему она бежала так внезапно? Если бы ему удалось завладеть тем, на что он имел все права...

Эремиус затряс головой. Что было, то было, — и ничего с этим поделать нельзя. Прошлое так же незыблемо, как Ильбарские горы. Думать следует не о нем, но единственно о будущем.

В родной Горячий Ключ Бора вернулся еще до рассвета. Деревня еще спала. Он подошел к родительскому дому и замер. Изнутри доносился плач.

Бора тихонько постучал в дверь. Она тут же приоткрылась, и перед ним появилось

заплаканное лицо его сестрички Карайи.

— Бора! Ты где это пропадал?

— Я был в горах. Скажи мне сразу, Карайя, что случилось? Неужели они казнили...

— Нет, нет! Отец здесь ни при чем! Демоны похитили Аrimу!

— Демоны?

— Ты что — спиши? Я же ясно сказала — демоны похитили Аrimу! — Карайя вновь разразилась ревом.

Он ласково потрепал ее по головке и завел в дом. Невесть откуда взявшийся Якуб прикрыл за ними дверь. Во второй комнате тоже плакали.

— Это твоя матушка печалится, — сказал Якуб. — Детей я отвел к соседям.

— Кто позволил тебе здесь хозяйничать? — возмутился Бора. Он никогда не любил Якуба, который был слишком уж воспитан и предупредителен, что, впрочем, не мешало ему исправно пасти овец. Он появился в Горячем Ключе два года тому назад объясняя свой переезд тем, что в Аграпуре у него было слишком уж много врагов. Дело свое он знал хорошо, и потому встретили его здесь радушно, тем более что он свято чтил обычай предков.

— Ты здесь тоже не хозяин! — вмешалась Карайя. — Так что прикуси свой язык!

Бора беспомощно развел руками. Кузнец Ископ был прав, говоря о том, что в этом мире нет ничего острее женского языка.

— Прости меня, Кара. Я не спал всю ночь, да и устал немало.

— Ты действительно выглядишь усталым, — сказал Якуб, улыбнувшись. Надеюсь, твоя избранница стоила этого.

— Если ты был у этой девки... — начала было Карайя, но Бора тут же перебил ее:

— Эту ночь я провел в горах. Я пытался разгадать тайну долины.

Карайя тут же успокоилась и даже помогла своему брату омыть лицо и тело. Якуб внимательно слушал рассказ мальчика.

— Верится в это с трудом, — наконец сказал он.

Бора чуть не подавился куском хлеба.

— Ты что — считаешь меня лжецом?

— Ни в коем случае. Но я говорю о вещах достаточно серьезных. Твоему рассказу никто не поверит.

Бора готов был расплакаться. Он и сам думал об этом, понимая, что рассказ его настолько необычен, что скорее походит не на правду, а на пустые бредни.

— Не расстраивайся, мальчик. Я отправлюсь в Аграпур и попробую разыскать своих приятелей. Кто-кто, а они-то должны нам поверить.

Бора собрался с мыслями. Он не доверял Якубу и поныне, но рассчитывать на иных союзников ему не приходилось. Помимо прочего, Якуб был вхож во многие дома Аграпура, великого города, о котором другие знали лишь понаслышке. Войско можно было собрать только там: деревенский люд был слишком напуган и предпочитал отсиживаться дома.

— Клянусь хлебом и солью, съеденными мною в этом доме, — возгласил Якуб, — клянусь Эрликом и Митрой, клянусь моей любовью к твоей сестре Карайе...

Бора вздрогнул и недоуменно посмотрел на сестру. Та улыбалась как ни в чем не бывало.

— Прости меня, Бора, — вновь заговорил Якуб. — Я не мог сделать ей предложения до той поры, пока Аrimа не выйдет замуж. Теперь же думать об этом и вовсе не приходится. Нас ждет долгий и трудный поход. И я клянусь сделать все от меня зависящее для того, чтобы освободить твоего отца и отомстить за твою сестру.

И в ответ он услышал храп. Бора забылся крепким сном.

Славный город Аграпур называли и великим, и блестательным, и сказочным, однако ни одно из этих определений не заключало в себе всей истины. Лучшее и справедливейшее из всех имен ему было дано заезжим кхитайцем, назвавшим его "Градом, в котором сошлась вся Поднебесная". Имя это, при всей его тяжеловесности, как нельзя лучше подходило Аграпуру, не знавшему недостатка ни в чем и способному утомить разве что свойственным ему разнообразием.

Солнце уже зашло, но черепичные крыши и камень мостовых все еще пылали жаром... Улицы были почти пусты — на них можно было встретить лишь дозорных да тех, кому срочные дела не позволяли сидеть дома. Последние в большинстве своем были людьми вполне определенной профессии. И днем, и ночью в Аграпуре можно было найти все, что угодно, но для темных дел — а ими-то эти люди и занимались — ночь, как водится, подходила куда как лучше.

Конан-киммериец, офицер армии наемников, ничего противозаконного совершать не собирался. Он спешил в таверну "Красный Сокол", где его ждали отборное вино, отменное жаркое и юные прелестницы. В их обществе тяготы ратной службы забывались, и жизнь становилась такой, какой она, по его глубокому убеждению, и должна была быть.

Конану вспомнился его недавний разговор с капитаном Хаджаром.

— Ты сопровождаешь королевских особ в Кхитай и считаешь себя важной птицей. Но ты ошибаешься, парень. Твое место среди воинов. В том твой удел и состоит.

— Капитан, ты хочешь сказать, что я такой же вор и прощелыга, как и мои подчиненные?

— Ты посмотри на воинов Ицхака. Вот уж сброд так сброд! Клянусь бородой Черного Эрлика, Конан, — нет человека, которому я доверял бы больше, чем тебе! Я не знаю ни одного командира, у которого была бы такая же дисциплина! Твоим людям не страшны ни козаки, ни иранистанцы. Пей, Конан, пей — да только не забудь заплатить за нас обоих.

Конан покорно подчинился своему командиру. Он уважал Хаджара, пусть тот и разговаривал с ним, словно с рекрутом. Именно Хаджар способствовал его продвижению по службе, именно он давал ему поручения, выполнение которых позволило ему снискать известность и славу.

Киммерийцы не склонны к подчинению. Их ведут в бой не походные командиры, но доблесть и отвага. Суровый климат Киммерийских гор отпугивал чужеземцев почище любой армии, и потому дисциплина и порядок, свойственные иным из них, так и не прижились на скучной киммерийской почве. Конан уважал в Хаджаре мужчину, муштра же и казарменные порядки, насаждавшиеся им повсюду, вызывали у него разве что отвращение. Приучать же к дисциплине других — все равно что чистить конюшни.

Таверна "Красный Сокол" находилась на вершине Маданского холма, к которой вела улица Двенадцати Ступеней. Конан с грациозностью пантеры взобрался на холм. Парочка грабителей, укрывшихся за кустами, решила не трогать его — с таким громилой им было явно не совладать.

Ранг Конана позволял ему разъезжать повсюду на паланкине, но он прибегал к этому лишь в особо торжественных случаях, ибо не доверял ни ногам, ни языкам рабов. Он знал, что представляют собой эти люди, тем более что по дороге в Аграпур и сам побывал в шкуре раба.

На дорогу вышел патруль.

— Привет, капитан. Не заметил ли ты чего подозрительного?

— Нет.

Конан был не только офицером туранской армии. Помимо прочего, он занимался и воровским помыслом, и потому дозорных и стражей киммериец недолюбливал.

Патруль скрылся во тьме, внезапно спустившейся на город. В два прыжка Конан преодолел все двенадцать ступеней лестницы, омыл лицо в прохладной воде фонтана и распахнул двери таверны.

— Кого я вижу! Конан, что это с тобой? У тебя такой вид, будто ты поменял золотой на медяк!

— Моти, ты, похоже, перебрал лишнего! Или это у тебя от усталости? Скажи честно, сколько рекрутов ты набрал в свое воинство?

Отставной сержант, некогда командовавший кавалерийским взводом, ухмыльнулся:

— Я полагаю, в скором времени я дослужусь до награды.

Конан перешел на другой край залы, в центре которой танцевала под звуки тамбурина и бубна светлокожая иранистанка. На ней не было ничего, кроме черной набедренной повязки, пояса, набранного из медных монет, и легкой прозрачной вуали, надущенной маслом жасмина.

Моти сунул в руку Конану массивную серебряную чашу ванирской работы. В "Красный Сокол" ее принес бывший ее владелец, изрядно задолжавший хозяину таверны. Оный владелец сложил свою жизнь где-то на Гирканских берегах, так и не узнав о том, что чаша его стала одной из достопримечательностей самой популярной таверны Аграпура.

— За достойных противников! — провозгласил Конан, подняв наполненную вином чашу. Опорожнив ее, он указал рукой на танцовщицу и спросил: — Это что — новенькая?

— Оставь ты ее, Конан. Как ты насчет Пилы?

— Если она свободна...

— Я никогда не бываю свободной, — послышался сверху нежный голосок. Цену ты знаешь, все остальное зависит только от тебя.

— Прекрасная Пила, как всегда, любезна, — буркнул Конан и поднял чашу, приветствуя спускавшуюся по лестнице темноволосую женщину. Она была одета в алые шелковые шальвары, на высокой груди ее мерцало перламутровое ожерелье. Пышные формы выдавали в ней женщину не первой молодости.

— Я и сама удивляюсь — жеманно надула губки Пила. — Эти болваны относятся ко мне так, словно я какая-нибудь портовая шлюха.

— Успокойся, Пила. Ты стоишь большего, — усмехнулся Моти. — Но послушай, что я тебе скажу: если бы ты не назначала таких высоких цен, ты была бы куда богаче. Ты теряешь большую часть клиентов именно по этой причине.

Моти внезапно замолчал. В таверну вошли пятеро мужчин. Четверо из них были одеты в кожаные туники и штаны. На груди и руках их поблескивали стальные доспехи, на широких поясах с бронзовыми бляхами висели тяжелыми мечи и короткие дубинки.

Пятый человек был одет иначе: его шелковые одежды были расшиты золотом, золотою была и рукоять его меча. Конан решил, что перед ним стоит знатный вельможа, решивший немного поразвлечься. Ничего необычного в этом не было, и киммериец тут же успокоился.

Моти и Пила повели себя достаточно неожиданно. Пила мгновенно испарилась, прихватив с собой и прекрасную танцовщицу. Моти же извлек из-под одежд тяжелую дубину и, приставив ее к нот, дрожащею рукой налил вина себе и другу.

Судя по всему, гостей этих здесь уже знали. Конан опорожнил чашу и встал так, чтобы видеть сразу всю комнату.

— Ты что, решил вернуться к ратному делу? — вполголоса спросил он у владельца таверны Моти.

— Жизнь заставит — вернусь. Одно плохо — позабыл я все то, чему меня учили.

— Ты запишишь добровольцем к Хаджару. Он и из барана воина воспитает, — улыбнулся Конан.

— Что верно, то верно. Вон он тебя как гоняет.

— Он сказал мне однажды, что за это я буду благодарен ему по гроб жизни. Впрочем, может быть, это и так. — Конан подлил себе вина. Скажи-ка мне, хозяин, неужто в твоем доме плохо со снедью? Или повара твоего черти унесли? Лошадям и тем сена дают...

В то же мгновенье в зале появилась Пила и танцовщица, что несли в руках подносы, полные всевозможных яств. Они были одеты в широкие платья, доходившие им до пят. Женщины не сводили глаз с гостей. Моти проследил за тем, как будет накрыт стол, и облегченно вздохнул.

— Можешь в этом не сомневаться, — сказал он наконец. — Если за тебя взялся сам Хаджар, значит, боги благоволят к тебе. И щедроты их кажутся мне излишними, — ты же чужеземец, Конан, верно?

— Все правильно, Моти, я здесь такой же чужеземец, как и ты. Не зря ведь говорят, что родился ты в Вендии, а материю твоей была танцовщица. Конан внезапно почувствовал, что в скором времени здесь может произойти что-то неладное. По спине его легким паучком пробежала дрожь.

— Моя мать была величайшей танцовщицей своего времени, — ответил Моти. — Хаджар же — величайший воин. — Он посмотрел на киммерийца. Сколько тебе лет?

— Двадцать два.

— Ха. Ты одного возраста с сыном Хаджара; правда, дожил тот только до двадцати... — Может быть, Хаджару ты кажешься сыном? У него нет ни родни, ни друзей. Был только сын, да и того не стало. Говорят, что он...

Дверь распахнулась, и в комнату вошла женщина. Даже явясь она в клубах пламени, большего внимания к себе она не привлекла бы. Эта высокая статная женщина явно была северянкой: об этом говорили и широко посаженные серые глаза, и веснушки на загорелом лице. Сложена была незнакомка на удивление ладно — таких форм Конану еще не доводилось видеть, — прелести девиц Мотилала казались ему теперь чем-то донельзя жалким.

Все мужчины смотрели теперь только на незнакомку, но она не обращала на них ни малейшего внимания, так, словно была здесь одна. Конану вдруг подумалось, что она держала бы себя так же уверенно и без одеяний.

Приблизившись к стойке, незнакомка сказала с сильным акцентом:

— Достопочтенный Мотилал, у меня к тебе есть дело. — В зале раздался хохот, но женщина словно и не заметила этого. — Я куплю кувшин вина, хлеб, сыр и копченое мясо. Меня устроит даже конина.

— Вы зря обижаете Моти, чем-чем, а кониною-то он не торгует! вмешался Конан. — Если ваш кошелек пуст, я готов...

Женщина холодно улыбнулась:

— Как же я расплачусь с тобой?

— Присядьте за мой столик — только и всего.

Незнакомка походила на сошедшую с небес богиню, для которой он, офицер наемной армии, был чем-то слишком уж вульгарным. Но с киммерийца было достаточно и того, что он сможет лицезреть ее...

— Если твой кошелек пуст, голубка, мы беремся наполнить его до рассвета, — пробасил один из телохранителей под дружный хохот своих товарищей. Засмеялся и Конан. Незнакомка посмотрела на него с презрением.

Моти ударил своей дубинкой по стойке бара, и музыкант тут же стал выбивать на своих бубнах чувственный заморский ритм.

— Пила! Заря! — заорал хозяин таверны. — А ну-ка, за работу!

Женщины выбежали на середину залы и сбросили с себя платья. Человек в зеленых,

отороченных золотом шелках подхватил своим клинком одеянья Зари, ни на минуту не сводя глаз с северянки.

"Не иначе — хлыщ", — подумал Конан о незнакомце.

Из кухни выбежала девушка с полной корзиной снеди и большим кувшином аквилонского вина. Моти передал — товар северянке, пересчитал предложенные ему деньги и, хлопнув служанку пониже спины, буркнул:

— Фебия, закругляйся с готовкой. Теперь нам нужны танцовщицы.

Конану почудилось, что в голосе Моти зазвучали неведомые ему доселе нотки, — казалось, командир приказывает своим солдатам любой ценой удержать завоеванный рубеж. Паучок тревоги вновь пробежал по его спине. Он положил руку на рукоять своего меча.

Пила сбросила с груди перламутровое ожерелье, вызвав в зале массу восторгов. Северянка направилась к выходу, но тут же со своего места поднялся одетый в шелка вельможа. Конан сделал пару шагов вперед, в этот же миг один из телохранителей выставил в проход свою толстую ногу.

Северянка, пытаясь удержать равновесие, отбросила от себя и кувшин, и корзину. Однако это ей уже не помогло — дна упала на пол, и в тот же миг выхватила из сапога кинжал и, изогнувшись по-змеиному, приготовилась к отражению атаки.

Вельможа протянул ей руку, не снимая второй руки с рукояти висевшего у него на поясе клинка. Незнакомка взялась за нее едва ли не с благодарностью, но тут же резко дернула ее на себя. Вельможа повалился на залитый красным вином пол.

Конан услышал шепот северянки:

— Простите меня, мой повелитель. Я хотела...

Пара телохранителей стала лицом к киммерийцу. И тут терпение его лопнуло — он выхватил из ножен свой меч, повинуясь необоримому инстинкту, скрывавшему себя за тончайшим налетом цивилизованности.

Вельможа несколько мгновений созерцал расплывавшиеся по его роскошным одеяниям темные пятна, затем перевел взгляд на женщину. Голос его внезапно перешел в визг:

— Эта дрянь напала на меня! Она испортила мой лучший костюм! Стража взять ее!

Телохранитель, стоявший за спиной северянки, занес над ее головой дубинку, однако завершить удар ему помешал подставленный клинок Конана. Вместо того чтобы сокрушить череп незнакомки, дубинка легко скользнула по ее плечу, не причинив северянке ни малейшего вреда. Женщина легко откатилась в сторону, освобождая место для Конана. Необходимости в этом пока не было. И телохранители, и их господин замерли от изумления. Конан взглянул на Моти. Бедняга обливался потом, сжимая свою дубину так, что костяшки пальцев его стали белыми, словно снег.

"Ох, не пить мне больше здешнего вина", — подумал Конан. Этот князек запугал Моти настолько, что тот позволяет ему нападать на честных людей. Причина этих страхов киммерийца не интересовала — трусость есть трусость, чем бы она ни вызывалась.

— Эта женщина и не думала нападать на тебя! — прохрипел Конан. — Я видел, как один из твоих людей поставил ей подножку.

Северянка одарила Конана улыбкой и тут же едва не поплатилась за это. Один из воинов пришел в себя и изо всех сил рубанул мечом лежавшее у его ног тело. Незнакомка метнулась в сторону, чудом избегнув неминуемой смерти. Туника ее окрасилась кровью.

Конан схватил тяжелый табурет и метнул его в воина с такой силой, что тот рухнул на пол. Не давая ему опомниться, киммериец опустил свой тяжелый сапог ему на живот.

Таверна вмиг опустела. Один из воинов отступил к стене. Двое других, возглавляемых своим господином, стали наступать на дерзкого киммерийца. Северянка их теперь нисколько не

занимала.

Незнакомка вскочила на стол, заставив одного из воинов повернуться к ней лицом.

— Не вздумай убить ее, идиот! — заорал князек.

Воин грязно выругался, вызвав у Конана известную симпатию. Нет ничего труднее, чем пленить раненую разъяренную львицу. Такую команду мог отдать только крайне недалекий человек — уязвленное самолюбие, похоже, лишило вельможу остатков ума.

Женщина выхватила из сапога второй кинжал и спрыгнула вниз. Теперь она стояла так близко к воину, что воспользоваться своим мечом он уже не мог. Кинжал вошел ему в горло.

— Оглянись назад! — закричал Конан.

Воин, отступивший было к стене, решил воспользоваться тем, что незнакомка в пылу сражения забыла и думать о нем. Помочь ей Конан уже не мог — на него наступало сразу двое: князек и его раб. Судя по всему, ратного опыта им было не занимать — они вели себя уверенно и спокойно.

Предупреждение киммерийца было запоздалым. Но, к счастью, воин исполнился решимости выполнить приказ своего господина, сохранив жизнь возмутительнице спокойствия. Одной рукой он схватил ее за горло, другой выкрутил ей правую руку. Извиваясь, словно змея, северянка попыталась нанести удар левой рукой, но кинжал лишь скользнул по кольчуге воина и упал на пол. Воин мертвой хваткой схватил ее за запястье, заставив выпустить и второй кинжал.

Конану тоже приходилось непросто. Помимо прочего, ему мешали и танцовщицы, продолжавшие кружить по зале. Пила и Заря уже разделились донаага, на Фебии же оставалась только юбка, готовая в любую минуту упасть на пол.

— Кром! Или расступитесь, или помогите мне! — вскричал киммериец.

Юбка свалилась с бедер кухонной девки, заставив споткнуться и налететь на вельможу, грубо оттолкнувшего ее в сторону. При этом клинок его задел за ее ягодицу; оставил на ней длинный разрез, из которого тут же хлынула кровь.

Девица завизжала и зажала ладонью рану. Истошный визг заставил вельможу вздрогнуть, чем не замедлил воспользоваться Конан: ударом немыслимой силы он отхватил воину, стоявшему против него, руку и тут же бросился на его соратника, так и не выпускавшего северянку из своих объятий. На подмогу киммерийцу неожиданно пришел Моти. Своей тяжелой дубиной он ударили воина по спине, отчего тот ослабил свою хватку. Незнакомка двинула его локтем в живот и отскочила в сторону. Воин, пытаясь уйти от второго удара дубины, попятился назад и, налетев на стул, упал к ногам игравшего на бубнах музыканта. Тот опустил ему на голову тяжелый кушитский бубен, после чего воин затих.

— Ну что, сукин сын, довольно с тебя? — обратился Конан к вельможе. Тот ошарашенно посмотрел на киммерийца, швырнул свой клинок на пол и выскочил за дверь. Северянка тоже не стала задерживаться в таверне подобрав свои кинжалы, она тут же покинула залу. Нагие Пила и Заря принялись хлопотать над раной Фебии.

— Далеко он не уйдет, — сказал Конан. — Его или северянка нагонит, или стража прихватит.

Моти мрачно покачал головой. Теперь он был так же бледен, как и иранистанка. Дубина выпала из его внезапно ослабевших рук.

Конан нахмурился. Его слова почему-то смущили хозяина таверны — он уже был бледен, как снег.

— Я что-то не так сказал? — спросил киммериец. — Или, может быть, этот тип — наследный принц?

— Ты недалек от истины, — еле слышно пробормотал Моти. — Это сын Правителя Хаумы. Имя это было ведомо и Конану. Хаума был одним из наместников, командовавшим

гигантским воинством.

— Правителю следовало бы заняться воспитанием своего сыночка. Первым делом я бы его кастрировал — иначе толку от него все равно не будет.

— Конан, мы не должны были ссориться с ним! Лучше такие дела решать миром.

— До той поры, пока он не стал приставать к этой женщине, его никто не трогал! — взорвался Конан. — То же самое я и самому царю Йалдизу могу сказать! Если бы не Фебия, я этого подонка уже прикончил бы.

Моти тяжело вздохнул.

— Девочка сделала это намеренно. Она хотела, чтобы в драку ввязался и я.

Он гневно засопел и продолжил совсем другим тоном:

— Клянусь Хануманом, — после того, что случилось, ты у меня вмиг на улице окажешься! Ну а ты, Пила? Неужто ты думаешь, что я настолько глуп? Ведь без тебя эта дурочка и шагу не может сделать!

Конан поднял с пола дубину и поднес ее к самому носу хозяина таверны.

— Моти, дружище, — твоя судьба в твоих руках: или я всажу эту дубину тебе в зад или ты выполнишь мою маленькую просьбу.

Моти облизнул губы:

— Просьбу?

— Да, просьбу. Отныне и впредь ты будешь предоставлять в мое распоряжение свою лучшую комнату и достаточное количество вина и снеди. Вино может быть любым, главное, чтобы его было много. И еще: ни с меня, ни с женщин, которых я приглашу к себе, ты не будешь брать ни гроша.

Моти было заскулил, но суровый взгляд киммерийца и смешки женщин заставили его замолчать. Руки его сильно тряслись.

— Ну? — грозно спросил Конан.

— Будь по-твоему, разрушитель дома моего и осквернитель моего имени! Особой радости эта тебе не доставит — люди Хаумы могут прийти сюда в любую минуту!

— Я думаю, Хаума куда умнее, чем ты о нем думаешь, — ухмыльнулся Конан. — Ну а теперь, коль скоро договор наш вступил в силу, отведи меня в комнату для почетных гостей и приготовь вина на...

Конан задумался и стал разглядывать женщин.

— На нее, — наконец указал он на Пилу и тут же, кивнув на Зарю, добавил: — И на нее.

Фебия улыбнулась и, покачивая бедрами, подошла к киммерийцу. Конан удивленно посмотрел на нее и, не долго думая, кивнул головой.

— Спорить не стану. Ты тоже пойдешь со мной.

— Хорошо, что эта подруга отсюда улизнула, — хрипло засмеялась Пила. — А то бы ты и ее с собой прихватил!

— Это лук, а не змея! — закричал Конан. — Он тебя не укусит! Если же ты сейчас из него не стрельнешь, тебе и небо с овчинку покажется!

Долговязый юноша побледнел и с тоской посмотрел на лазурные небеса, словно моля богов о помощи. Конан объяснил все еще раз. Юноша сглотнул и вновь попытался натянуть тугой лук.

Выстрелить из круто изогнутого туранского лука должен был каждый. С иными из воинов заниматься стрельбой было бессмысленно, другие же, напротив, знали все то, чему хотел научить их Конан.

О том, где они обучились стрельбе из лука, Конан не спрашивал прошлое наемников здесь никого не интересовало. Обычай этот был по-своему мудр и в известном смысле способствовал пополнению туранской армии новобранцами.

Конан сплюнул и косо посмотрел на солдат.

— Хотел бы я встретиться с теми, кто присоветовал вам пойти в солдаты. Но вы уже здесь, и я вынужден поступить так, как велит мне мой воинский долг. Хотите вы того или нет, но солдатами вы станете! Сержант Гарсим! Десять кругов вокруг лагеря!

— Вы слышали, что сказал капитан? — заорал сержант так, что голос его был слышен и во дворце царя Йалдиза. — Бегом марш!

Кивнув Конану, он закрутил над головой палку и понесся на рекрутов. Многим из новобранцев Гарсим годился в дедушки; но он легко обогнал бы любого из них.

Стоило взводу исчезнуть за воротами, как Конан почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. В то же мгновение он услышал голос Хаджара.

— Сдается мне, что такие же слова я уже где-то слышал.

— Вы правы, капитан. Стрельбе из лука меня учил сержант Никар, у него-то я все и перенял.

— Так твоим учителем был сам старик Никар? Ну, тогда с тобою все понятно! Кстати, что же с ним самим стало?

— Он отправился в отпуск, но назад уже не вернулся. Примерна в то же самое время исчезла и банда разбойников. Думаю, эти негодяи имели глупость напасть на него.

— Давай посмотрим, кто из нас стреляет точнее. Три круга, в каждом круге по пять стрел — идет?

— Даже не знаю, что вам и сказать, капитан...

— Давай, давай, дамский угодник. Я о твоих подвигах в "Красном Соколе" уже наслышан. Подумать только — он вступил за плясунью!

Конан едва не разинул рот от изумления, но тут же взял себя в руки и, пожав плечами, указал:

— Ну и что из этого? К тому же вначале я заступился не за плясунью, а за некую неизвестную мне даму. Я мог бы и не делать этого — северянка оказалась превосходным воином...

Хаджар от души рассмеялся.

— Как же, как же... Надеюсь, северянка твоя как-то отблагодарила тебя?

— Не знаю. Я во всяком случае этого не заметил, — ухмыльнулся Конан. — Вот кто был действительно благодарен, так это плясунья! Я до сих пор в себя прийти не могу!

— Конан, что я слышу? Неужели три девицы смогли лишить тебя сил? Если это так, то лучше возвращайся в свои горы: ты слишком стар для наших мест!

— Берите лук, капитан! Сейчас мы посмотрим, кто из нас стар!

— Митра! Кто ее сюда пропустил? — неожиданно воскликнул Хаджар.

Конан резко обернулся. От ворот к ним шла таинственная северянка. Она выступала так же уверенно, как и в тот памятный вечер; глядя на ее походку, невозможно было поверить в то, что всего два дня тому назад она была ранена в бок.

На незнакомке были уже знакомые киммерийцу туника и штаны. На поясе ее висел широкий меч и выжал такой длины, что его можно было назвать будь он пошире — вторым мечом. Лицо ее было скрыто тончайшей шелковой вуалью.

— Похоже, ты с этой девкой уже знаком, — насмешливо сказал Хаджар.

— Это не девка, капитан. Это и есть та самая женщина.

— Ну и ну! Чудеса да и только! Спроси-ка у нее, зачем она сюда пожаловала, а я пока разберусь с этими олухами, что стоят у ворот.

Конан снял тетиву, с лука и вновь посмотрел на незнакомку. Едва она подошла к нему, как плац огласился руганью Хаджара.

— Сейчас он узнает о том, что же я им показала, — спокойно сказала женщина и, раскрыв сжатую в кулак руку, показала киммерийцу золотую монету, отчеканенную во времена царя Ибрама. На лице бородатого Ибрама были выгравированы три заморанских руны.

Подобные монеты были отличительным знаком слуг Мишрака, ведавшего всеми тайными службами Турана. В подлинности монеты Конан нисколько не сомневался, но его сильно смущало то, что монету эту держит в руках именно эта женщина. Ослушаться приказов Мишрака не смел никто: отказ от их выполнения означал верную смерть.

— Стало быть, тебя послал сам Мишрак... Но зачем?

— Чтобы привести тебя, капитан Конан.

— Куда привести?

— К Мишраку — куда же еще?

— И ты мне больше ничего не скажешь?

— Я не вижу в этом смысла.

Возможно, незнакомка и не могла сказать большего — вряд ли Мишрак посвящал слуг в свои тайны.

В этот момент к ним — подошел Хаджар. Его не успокоил вид монеты. Взревев помедвежьи, он показал рукой на ворота.

— Иди, Конан. Я не такой дурак, чтобы спорить с Мишраком. Гарсим справится с рекрутами и без тебя.

— Как скажете, капитан. Ну а теперь женщина, скажи мне — могу ли я умыться и взять с собою оружие?

— Ты волен делать все, что угодно, капитан Конан. Но не забывай и о том, что Мишрак ждет тебя.

— Ждет? — усмехнулся Конан и вновь пробежал взглядом по телу незнакомки, лишний раз уверившись в том, что нагота шла бы ей как нельзя лучше.

— Да, именно так, — ответила незнакомка, внезапно смутившись.

— Много времени это у меня не займет, — сказал Конан, думая о том, куда бы ему спрятать парочку кинжалов.

— Мы идем в Квартал Шорников, — сказала Конану его спутница, когда они вышли за ворота. Конан был на голову выше северянки, однако едва поспевал за нею. Наверное, она горянка, подумалось ему вдруг.

Вскоре они достигали Бондарной Площади, от которой Конан хотел пойти на юг, но северянка тут же остановила его:

— Капитан, Квартал Шорников находится на севере, а не на юге.

— Вот как? А я и не знал.

— Это дело поправимое.

— Ну что ж, тогда я отдаюсь в твои руки. Веди меня куда хочешь, проворчал киммериец.

Квартал Шорников действительно находился на севере; единственное, чего хотел Конан, это пойти по другим, менее людным улицам, но теперь ему оставалось лишь одно — покорно следовать за своей провожатой. Гневать ее попусту ему не хотелось — ее гнев мог обернуться гневом Мишрака.

— Постой, — сказала северянка, направившись к фонтану, стоявшему в центре площади. Утолив жажду, она поспешила к одной из уочек, отходивших на север.

Они вошли в Квартал Шорников, в котором размещалось по меньшей мере полсотни мастерских по выделке кожи и производству седел. На улицах стоял невообразимый шум: стучали молотки, скрипели блоки, визжали пилы, шорники кричали на своих подмастерьев. Конан следовал за своей спутницей, держась справа от нее и не выпуская из руки рукоять своего меча.

Поворот следовал за поворотом. Конан стал разглядывать диковинный кинжал северянки. Рукоять его заканчивалась массивным посеребренным шаром, клинок же выглядел донельзя странно: он был четырехгранным, с глубокими выборками меж лезвиями. Хотелось бы увидеть его в действии, подумал Конан и тут же понял, что такая возможность ему сейчас представится. Из-за строения, стоявшего слева от них, — выбежало несколько воинов, еще двое выпрыгнули из окна справа. Всего противников было шестеро. Конан выхватил меч из ножен и принял боевую стойку. Один из воинов показался ему знакомым — он мог видеть его в "Красном Соколе". Киммериец отступил на шаг назад и покосился на свою спутницу — испуг, похоже, совершенно парализовал ее.

"Она, конечно, не союзник, — подумал Конан, — но, с другой стороны, она и не противник". В тот же миг он толкнул выпрыгнувшего из окна воина и ударил его сапогом с такой силой, что тот, взлетев в воздух, сбил с ног своего соратника. Не успел последний упасть, как киммериец опустил ему на голову свой тяжелый меч.

Северянка тоже не стояла без дела. Испуг ее был деланным: едва три воина приблизились к ней, она вонзила свой диковинный кинжал в горло одному из них и с проворством кошки отскочила назад. Неприятели, не ожидавшие от нее такой прыти, раскрыли рты от изумления и тут же поплатились за это — одному из воинов Конан отрубил голову, второму северянка пронзила стальным жалом грудь. На улице появилось еще несколько противников, но сладить с Конаном было уже невозможно: не прошло и минуты, как все враги, кроме одного, лежали на мостовой.

— Этот — мой! — закричала северянка, изготовившись к поединку.

— Будь по-твоему! — буркнул Конан и опустил свой меч.

Противник, однако, повел себя достаточно неожиданно: вместо того чтобы напасть на стоявшую перед ним воительницу, он отпрыгнул назад и пустился в бегство.

— О боги! Женщина, что же ты наделала?

— Еgo еще можно догнать.

— В этом-то лабиринте? Да в своем ли ты уме?

— Если ты боишься... — начала было женщина, но тут же осеклась и заговорила совершенно иным тоном: — Прости меня, Конан. Я могла бы заколоть его, но разить противника в спину я как-то не привыкла.

— Забудь об этом — мы не где-нибудь, а в Туранском царстве! Если ты не веришь мне, поговори с Мишраком.

— Я знаю об этом, он скажет мне то же самое. Но я учились у мастера Барафраса, он же

считал, что бой никогда не должен превращаться в бойню. Впрочем, что я говорю? Ты и сам ведешь себя не по-турански. С какой это стати ты решил вступиться за меня в таверне?

— Я боялся, что эти молодчики испортят мне весь вечер. Если бы не это, я бы и пальцем не пошевельнул. И в итоге я оказался прав: я получил от Моти то, на что я, признаться, и не рассчитывал.

— И что же ты получил, если это не секрет?

Конан почел за лучшее умолчать о своих недавних победах и, пожав плечами, ответил:

— Об этом я расскажу тебе как-нибудь в другой раз. Пока же нам стоит поскорее покинуть это место — не ровен час, этот прохиндей вернется с подмогой.

— Я думаю, этого не произойдет.

— Ты можешь думать что угодно, но чем скорее мы окажемся у Мишрака, тем лучше.

Северянка согласно кивнула и, оттерев свой клинок об одежду одного из воинов, вернула его в ножны. Конан внезапно нахмурился. В одном из погибших он узнал солдата Ицхака. Этого человека он частенько видел в "Красном Соколе" — там он обычно играл в карты. "Что же заставило его заняться разбоем? — задумался Конан. — Долги или нечто иное, мне неведомое?"

Северянка была уже далеко впереди. Конан прибавил шагу. Вот уже дважды он сражался с этой женщиной бок о бок, а имя ее все еще было ему неизвестно.

— Кто там? — услышали они тихий голос. Казалось, он слетал откуда-то сверху, из-за высокой беленой ограды.

— Капитан Конан и та, что была послана за ним, — ответила северянка.

Через минуту за воротами залязгали затворы и заскрипели пластины замков. Ворота раскрылись, и знакомый голос раздался вновь:

— Входите.

Они оказались в коридоре, больше походившем на туннель. Стены дома Мишрака были выложены камнем. В дальнем конце коридора виднелась массивная деревянная дверь, сделанная из вендинского тика и украшенная резными изображениями драконов и тигров.

За вторыми воротами находилось караульное помещение. Оба стоявших здесь стражи были неграми: один, судя по всему, был выходцем из Ванахейма, второй — уроженцем Шема. Шемит был едва ли не крупнее самого Конана, оружия же, висевшего у него на поясе, хватило бы и на то, чтобы справиться с целым полком.

Гости и стражи обменялись взглядами. Конан решил, что они имеют дело с немыми. В то же мгновенье один из негров кивком головы указал на дверь, обшитую полированным серебром. Дверь беззвучно отворилась.

Конан нахмурился. Он был киммерийцем, а значит, как и все киммерийцы, относился к волшебству с неприязнью. С магами ему доводилось встречаться уже не раз, и он знал, что волшебство разъедает человеческую душу куда быстрее, чем сребролюбие и жажда плотских утех. Все волшебники рано или поздно кончали одним — они стремились к неограниченной власти над миром, тех же, кто не желал покориться им, они просто-напросто уничтожали. Конан, как и все киммерийцы, не был склонен к подчинению, что делало его непримиримым врагом магов.

И тут ему в голову пришла достаточно разумная мысль: будь Мишрак волшебником, ему бы не потребовалась ни слуги, ни стражи, ни стены неимоверной толщины.

Конан и его спутница шли бесконечными коридорами, переходя с лесенки на лесенку, с этажа на этаж. То тут, то там взглядам их открывались дивные красоты, которые были свезены в эту крепость буквально со всего мира: здесь были и аквилонские gobelены, и вендинские статуэтки из слоновой кости, и кхитайские ковры, и многое-многое другое.

Время от времени на их пути встречались обитые железом двери, утопленные в глубокие ниши. Конан тут же решил, что вести они могут только в царство смерти, и потому каждый раз, когда им приходилось проходить мимо этих дверей, он ускорял Шаг.

Они вышли в широкий коридор, все стены которого были завешаны яркими тонкими шелками. Миновав его, они оказались в большой комнате, заканчивавшейся широкой аркой, из-за которой слышались звуки флейты и плеск воды.

— Кто вы? — обратился к ним грозный страж.

Всего стражей было шестеро: двое были иранистанцами, остальные уроженцами Шема. Кольчуги и шлемы их были покрыты серебром, в руках же они держали самые что ни на есть обычные туранские мечи.

— Капитан Конан, подданный царя Йалдиза Туранского, и дама, которой было приказано доставить его к Мишраку, — ответил Конан, не дожидаясь; пока спутница его соберется с мыслями.

Северянка вздрогнула.

— Я, слава Крому, не немой, — обратившись к ней, сказал Конан. — Я киммериец и солдат

и потому, вправе отвечать за себя сам. Кстати, я не привык общаться с человеком, имя которого мне не известно. Не знаю, как у вас, а у нас принято представляться при первой же встрече.

Северянка неожиданно покраснела и, потупив глаза, сказала:

— Я — Раина, и прежде я жила на Каменной Горе посреди Боссонских Топей. Теперь же я служу госпоже Илльяне.

Конан задумался. Ничего нового узнать ему так и не удалось, тем более что имя госпожи Раины ему ничего не говорило. Прежде чем киммериец успел задать новый вопрос, из-за арки послышался низкий хриплый голос, походивший на рев быка:

— Сколько вас можно ждать? У нас есть дела и по: важнее!

Конан взял Раину под руку и направился к покоям Мишрака.

Конан ожидал встретить здесь то же великолепие, что и на пути ко внутренним покоям дома-крепости. Покои же оказались совсем иными — чисто беленые потолки и стены были совершенно голы, единственным украшением комнаты были цветастые краинстанские ковры, брошенные на пол, да гирканское руно, разложенное вокруг находившегося в самом центре комнаты фонтана.

На скамьях, стоявших вокруг бассейна, сидели мужчина и пять женщин. Четыре юные красавицы были едва ли не наги, на них были лишь набедренные повязки, высокие сандалии и украшенные топазами широкие серебряные пекторали, прикрывавшие им грудь. Конан тут же заметил, что и сандалии, и набедренные повязки сокрывают в себе короткие ножи; судя по всему, какое-то оружие было скрыто и под пекторалями.

Пятая женщина скорее походила на гостью, а не на стражницу. Она была старше других, и одета она была не столь легкомысленно: на ней было длинное белое платье. В руке женщина держала кубок с вином.

Бычий рев раздался вновь:

— Ну что, капитан Конан? Не хочешь ли ты вновь заняться воровством? Хорошенько подумай — ведь воровать тебе придется женщин! Ты слышишь Конан? Женщин!

Голос этот принадлежал мужчине сидевшему на скамье. Без посторонней помощи человек этот вряд ли смог бы подняться — ноги его ниже колен были изуродованы шрамами настолько, что казались чем-то чужеродным телу. Само тело было широким, словно бочонок, руки же походили на корни могучего столетнего дуба. Лицо Мишрака было прикрыто черной кожаной маской, из-под которой выбивались пряди седых волос.

Конан усмехнулся.

— Прятать украденное — непросто, если же у товара вдобавок ко всему почему есть и ноги, то дело становится почти безнадежным. Неужели я похож на идиота, ваша светлость?

— В каком-то смысле — да. Ты глазеешь по сторонам так, словно появился на свет минуту назад.

— Тому есть объяснение, ваша светлость. Я поражен увиденным. Теперь я понимаю, как вы, имея такое количество врагов, столь превосходно справляетесь со своими обязанностями.

— Это уже интересно. И каким же чудом мне это удается?

— Чудеса здесь ни при чем. Вы не даете своим врагам возможности быть смелыми. Отвагу питает надежда — надежда на жизнь или победу. Лиши человека надежд, и он обратится в труса.

— Ты и о себе говоришь, киммериец?

— На то у меня нет причин, Мишрак. Я вам не враг и портить с вами отношения не собираюсь и впредь. Вы же вызвали меня не для того, чтобы убить на месте, — будь это так, здесь не было бы ни ковров, ни женщин.

— Тебе не откажешь в проницательности, варвар. Но не спеши называть меня союзником — ты еще не знаешь, зачем ты понадобился мне.

— Я с удовольствием выслушаю все, что угодно.

— Удовольствие это будет непродолжительным, — усмехнулся Мишрак. Если же ты откажешься от моего предложения, краткой будет и твоя жизнь.

— Смерть всегда приходит слишком рано, — ответил Конан. — Это закон нашего мира. Человеку не дано выбирать. — Он выразительно посмотрел на Раину, отчего та вновь смущалась. — И откуда же придет ко мне смерть?

— Ее жаждет правитель Хаума.

Известие это нисколько не удивило Конана.

— Он, похоже, привык печься о своем сыночке, хотя тот этого совершенно не заслуживает. Когда мы шли сюда, на меня и на Раину напали его люди. Мы уложили всех, кроме одного, — этот подлец позорно бежал.

Раина посмотрела на киммерийца с благодарностью, чувствовалось, что она крайне призательна ему за то, что он не стал говорить о ее промахе.

— Это еще цветочки. Самое страшное ждет тебя впереди. Спору нет воитель ты отменный, но одного этого мало. Кто будет охранять тебя, когда ты, к примеру, заснешь?

Раина едва заметно вздрогнула. Конан удивленно посмотрел на нее и пожал плечами.

— Я могу на время исчезнуть. Вспыльчивость редко уживается с памятливостью, ваша светлость. Бывают, конечно, и исключения из этого правила, но, как видите, до сих пор мне удавалось как-то совладать и с ними.

— Если ты будешь отствовать слишком долго, ты нарушишь присягу, данную тобой царю. Разве ты способен на это?

— Чтобы я из-за какого-то Хаумы нарушил свое слово? Я прошу не оскорблять меня так, ваша светлость!

— Да, Конан, я не прав. Ты слишком глуп, чтобы бояться его. Конечно, Хаума прежде был куда сильнее, но и сейчас ты ему не соперник, киммериец, — поверь мне на слово.

Кому-кому, а Конану об этом можно было и не говорить. Он знал о том, что прежней своей силой Хаума был обязан Культу Судьбы, распространению которого онный правитель всячески содействовал. Именно Конану суждено было расправиться с посвященными этого культа, что не могло не привести к его, культа, исчезновению. Произошло это два года назад. Теперь же...

— Ну хорошо. Предположим, что вы правы. И что же вы можете предложить мне взамен?

— Если ты не просто оставишь Аграпур, а отправишься выполнять мое задание, я изыщу способ настроить Хауму на иной лад. На выполнение задания у тебя уйдет примерно месяц. К этому времени правитель о тебе и думать забудет.

— И что же это за задание?

— Минуточку терпения. Я позабочусь не только о тебе, я стану защищать и тех, кто останется в Аграпуре. Ведь ты не хочешь, чтобы со старым Мотилалом случилось что-нибудь неладное? А что ты скажешь, если лицо Пилы станет походить на мои ноги?

Киммериец чертыхнулся про себя. И зачем только он ввязался тогда в драку? Неужели он не понимал того, что рано или поздно Хаума отомстит и ему, и его друзьям? Он-то себя защитит, но что будут делать женщины?

— Мне бы этого не хотелось — буркнул Конан. Заметив, что Раина смотрит на него едва ли не с ненавистью, он горько усмехнулся. До чего же эти женщины ревнивы...

— Если вы обещаете защитить их, я готов выслушать вас, — добавил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Вот о чем я сейчас подумал. Хаума, судя по всему, занимает вас и сам по себе. Неужто ему есть дело до каких-то там девок? Нет, я думаю, у него есть дела и поважнее...

В комнате установилась гробовая тишина. Конан услышал, как где-то рядом взвели арбалет, и рассмеялся:

— Посоветуйте своему стрелку заряжать арбалет загодя.

Женщина в белом платье улыбнулась и, томно вздохнув, изрекла:

— Мишрак, я же тебя предупреждала. Слушая вчерашний рассказ Раины, я рассматривала ауру этого человека. Так просто его не проведешь. Единственный способ направить его в нужную сторону — возвратить к его чести. В противном случае у тебя ничего не выйдет.

Из-под кожаной маски послышалось гневное сопение. Гнев Мишрака явно был направлен не только на киммерийца. Раина, прижав лицо к колонне, еле сдерживала себя от смеха.

— Ничего более похвального в свой адрес мне еще не доводилось слышать, госпожа, — обратился к незнакомке Конан. — Вас зовут Илльяна, не так ли?

— Ты не ошибся, варвар.

Женщина эта, скорее всего, тоже была северянкой, пусть волосы ее и имели золотисто-каштановый цвет. Она была одета в белое шелковое платье, отороченное узкой шафрановой лентой. Широкое это платье совершенно скрывало ее тело, однако можно было с уверенностью сказать, что сложена Илльяна прекрасно. Глядя на ее лицо, можно было понять, что ей уже за тридцать.

Илльяна посмотрела в глаза киммерийцу и, улыбнувшись, обратилась к нему:

— С позволения Мишрака я расскажу тебе о том, в чем же будет состоять твоё задание. Но прежде позволь мне поблагодарить тебя за спасение Раины от позора и смерти. Она пришла ко мне прислугой, но уже через пару лет мы стали духовными сестрами.

Конан нахмурился. "Духовная близость" и «аура» были понятиями из чуждого ему лексикона жрецов и магов. Кем же была Илльяна?

— Я хочу, чтобы ты помог мне разыскать один из Каменьев Курага. Эти магические предметы пришли в наш мир из древней Атлантиды. Камень, о котором идет речь, украшает собою браслет ванирской работы...

Она стала рассказывать историю Камней Курага со времени появления их в мире — историю долгую и страшную, ибо Камни эти и сами по себе были страшны настолько, что к помощи их отваживались прибегать редкие маги.

— Но зачем они вам? — изумился Конан.

— Даже взятые каждый в отдельности, Камни эти обладают великою силой. Если же соединить их, мощь того, кто станет их обладателем, будет воистину безграничной.

Конан старался не пропустить ни слова, понимая, что все это говорится ему не случайно.

Илльяна стала рассказывать о том, как магические каменя попали к ее господину Эремиусу, решившему завладеть с их помощью миром. Именно тогда она и бежала от него, прихватив с собою один из Камней. Сказания о демонах, поселившихся в Ильбарских горах, появились не случайно, сказала она напоследок. — Мастер Эремиус живет теперь именно там.

— Люди боятся Эремиуса, сила же его растет день ото дня. Он ищет себе помощников, и лучших союзников, чем Хаума и ему подобные, Эремиусу не найти. Достаточно ему будет продемонстрировать свое могущество, и они тут же примут его сторону, ибо сила в нашем мире означает власть. Ни один из этих глупцов не понимает того, что стальные оковы — ничто в сравнении с оковами магии...

"...Оковами магии..." — повторил про себя киммериец, погрузившись в тягостные раздумья. Мишрак хочет, чтобы он, капитан Конан, тайно покинул Аграпур и стал телохранителем волшебницы, решившейся на крайне рискованное и, похоже, не очень-то чистое дельце. Конан был не настолько глуп, чтобы поверить в то, что Илльяна была до конца искренней, — об истинных ее намерениях он мог только гадать.

Дело это его особенно не привлекало, но отказаться от него он тоже не мог, — от этого могли пострадать и Пила, и Заря, и юная Фебия...

И зачем только боги создали женщин! Как искусно расставляют они свои силки, как умело они пленяют мужчин, принимающих это бремя едва ли не радостно...

— Клянусь Хануманом! — проворчал Конан. — Если вы прикажете принести вина для меня и для Раины, я соглашусь прогуляться и на Луну!

Две телохранительницы Мишрака, не дожидаясь приказа своего господина, исчезли в соседней комнате. Скрестив ноги, Конан уселся на ковер и извлек свой меч из ножен. Хорошо бы заточить его вновь, подумал он, с тоской разглядывая покрытое многочисленными зазубринами притупившееся лезвие. Все в комнате смотрели теперь только на него. Он хохотнул.

— Кажется, я начинаю что-то понимать! Вы хотите, чтобы я отправился в Ильбарские горы в компании этих милых дам, с тем чтобы разыскать там вконец обезумевшего колдуна и похитить у него некий таинственный кристалл, охраняемый демонами. Хорошенько дельце! Выходит, мне опять придется сражаться с магами!

Мишрак рассмеялся:

— Конан, как жалу что ты служишь не мне! Тебе еще ничего толком не сказали, а ты уже все понял! Переходи ко мне!

— Скорее я дам себя кастрировать!

— Одно другому не мешает. Если ты станешь евнухом, я пошлю тебя в прекрасную Вендию! Ты только представь, как ты тогда заживешь!

Райна фыркнула и, обняв киммерийца, рассмеялась, — смеялась же она так, что слезы потекли из ее прекрасных глаз.

Стражницы внесли в комнату огромную бутыль с вином и несколько бокалов. Когда вино было разлито по кубкам, Мишрак испытующе посмотрел на киммерийца и тихо спросил:

— Ну и что же ты ответишь мне, Конан?

— План ваш мне не нравится. Я не люблю ни волшебников, ни волшебниц. Но я не настолько глуп, чтобы ответить вам отказом, — тут уж никуда не денешься. Придется мне немного потерпеть.

Райна вновь обняла Конана. Судя по выражению лица ее госпожи, можно было с уверенностью сказать, что Илльяна с радостью поменялась бы с ней местами. Из-под черной маски вновь раздался хриплый смех.

— Таких жеребцов вы еще не видели! — быстро заговорил торговец. — Вы только посмотрите на его ноги. А грудь? Вам когда-нибудь доводилось видеть такую грудь? А его благородная...

— Не страдает ли твой конь одышкой? — перебила торговца Раина.

— Он; конечно, не жеребенок, нет, он куда выносливее. Сильное умное животное, которое смогло бы нести на себе вас обоих, хотя на карликов вы не очень-то походите. В лошадях я разбираюсь куда лучше чем в людях, и потому вы можете поверить мне на слово...

Уже не слушая торговца, Раина стала разглядывать жеребца. Животное скосило на нее глаза и, тряхнув головой, тихонько заржало.

— Это действительно не жеребенок, — сказала Раина. — Ему бы только на солнышке греться.

— Да как у вас язык поворачивается! — возмутился торговец. — Он еще и вас переживает.

— Все может быть! Но он не стоит и половины тех денег, которые ты за него запросил.

— Госпожа, вы оскорбите и меня и моего коня. Если я отда姆 его задешево, он тут же почувствует это. Видит Митра, это так.

— Я и не знал, что обед для грифов стоит теперь так дорого, вмешался в разговор Конан. — Митру же на вашем месте я бы не поминал.

Киммериец никак не мог понять, почему Раина остановила свой выбор именно на этом жеребце, преклонный возраст которого тут же бросался в глаза. Впрочем, в сами торги вмешиваться он не хотел.

Раина и торговец никак не могли сойтись в цене. Конану неожиданно вспомнилась игра, виденная им в Иранистане: всадники длинными деревянными колотушками гоняли по полю голову теленка (поговаривали, что порой игра ведется головой убитого врага).

Торговец поднял руки и закивал головой, при этом он выглядел так, словно с минуты на минуту покончит с собой.

— Когда вы увидите, как я прошу подаяние на Главной Площади, вы вспомните о том, как несправедливо вы обошлись со мной. Вы ничего не смыслите в конях, но почему же страдать от этого должен я? На вашем месте я бы чуточку добавил.

Раина облизнула высохшие губы.

— Клянусь Четырьмя Ключами! Я и на площади не дам тебе ни гроша! Для того чтобы расплатиться с тобой, мне пришлось бы торговать собой!

Торговец ухмыльнулся:

— На уличных девок вы ничуть не походите, госпожа, к тому же и законов их вы не знаете. Лучше обратитесь прямо ко мне — я отведу вас к себе, и тогда...

— А жены своей ты не боишься, приятель? — нахмурился Конан. — Шутки шутками, но на вашем месте я бы лучше помолчал. Оставь свои остроты при себе.

— Это все, что у меня есть, — печально вздохнул торговец. — Одна уздечка стоит больше того, что вы мне предлагаете.

Конан пожал плечами. Торги эти были совершенно бессмысленными: Мишрак дал им столько денег, что они могли покупать каких угодно коней, сколько бы те ни стоили. Подобная щедрость нисколько не удивила киммерийца грозный Мишрак хотел, чтобы он поскорее покинул город. Больше всего Конана расстраивало то, что друзья могут счесть его трусом, бежавшим от гнева властителя Хаумы. Но что он мог поделать?

Под причитания торговца Конан и Раина вывели жеребца со двора. Едва они оказались на

улице, северянка, взявшись за гриву коня, запрыгнула ему на спину.

— Что-то я тебя не пойму, — проворчал Конан. — Неужели ты не понимаешь, что в горах эта кляча и недели не протянет?

— Я это знаю, Конан, — спокойно ответила Раина.

— Тогда зачем тебе нужен этот конь?

— Путь до гор неблизкий, горские же лошадки быстро скакать не могут, верно? Этот же конь, пусть он и стар, в скорости не уступит и молодым. Ты только посмотри на него — это же настоящий иранистанский скакун! И еще. Если мы купим лошадок у горцев, враги наши тут же поймут, куда мы собирались. Ты забываешь о том, что неприятель может следить за нами.

— Я это знаю. Взять хотя бы вон того торговца фруктами, — ты только сразу не оглядывайся, — вчера он был одет в платье красильщика и целый день ходил за нами.

— Почему же ты не сказал мне об этом раньше?

— Кром! Неужели ты сама этого не заметила?

Раина покраснела.

— Может быть, ты скрываешь от меня не только это?

Конан засмеялся.

— Зачем? Просто я знаю Аграпур и его нравы куда лучше, чем ты. Разве мы не союзники, Раина?

— Я очень благодарна тебе, Конан.

— И в чем же твоя благодарность состоит?

Раина потупила глаза, но тут же улыбнулась:

— Разве тебе мало того, что я сказала? Что до Аграпура, то я знаю его только со слов Мишрака, хотя учитель этот мне не очень-то нравится.

— Будем считать, что отныне твоим учителем становлюсь я.

Опершись на плечо киммерийца, Раина спрыгнула с коня. По-мужски сильная рука ее коснулась его плеча едва ли не с нежностью.

Какое-то время они шли молча. На ходу Конан угтолил жажду, достав из дорожной сумы флягу с водой. Отерев губы рукавом, он сплюнул и сказал:

— Сдается мне, Мишрак хочет использовать нас как приманку. Как ты считаешь?

— Так оно и есть — ответила Раина. — Он знает о том, что Илльяна ненавидит Эремиуса. Моя госпожа хочет не просто лишить его Сокровища Курага — она хочет и отомстить ему. Знал бы ты, как она настрадалась!

Конан понял, что ничего более внятного он не услышит, и потому заговорил вновь:

— Неужто твоя госпожа собирается путешествовать пешком, мы ведь не на прогулку собрались?

— В искусстве верховой езды моей госпоже нет равных! Кто скверный наездник, так это я: Боссония — страна гор и болот, и кони там редкость.

Конан кивнул, довольный тем, что он с первого взгляда узнал в Раине горянку.

Голос его спутницы окреп:

— Отец Илльяны владел обширными землями, и коней у него было больше, чем у царя!

Конан приготовился было выслушать долгий рассказ, но Раина внезапно замолчала и отвернулась в сторону.

Киммериец решил перевести разговор на иную тому:

— А ты не боишься того, что, попав в одни руки, Камни станут куда опаснее? Может быть не стоит их трогать?

Раина вспыхнула:

— Илльяне я верю, как себе!

— Ей-то я тоже верю, — сказал Конан не слишком-то уверенно (жизнь приучила его относиться к магам с подозрением). — Я говорю о колдунах и самых обычных воришках. Впрочем, это уже не наше дело, пусть с ними разбирается Мишрак.

— Тсс! Ранис! — прошептал Якуб.

— Тамур! — Страж назвал Якуба тем именем, под которым его знали в Аграпуре.

— Тише, тише! Ты здесь один?

Ранис пожал плечами:

— Нас здесь двое. Поодиночке в это время суток не ходят.

— Ты прав. — Якуб исподлобья посмотрел на спутника Рани. Особой опасности тот для него не представлял.

— Скажи мне, Ранис, что привело тебя сюда? О том, что ты потерпел неудачу, я уже знаю.

Ранис не сумел скрыть своего изумления, однако у него хватило ума не спрашивать горца о том, откуда же он знает о поединке в Квартале Шорников, — ведь Тамур мог услышать об этом не только от людей Хаумы.

— Я этого так не оставлю — это дело чести.

Якуб ничего не стал говорить о чести того, кто, бросив своих истекающих кровью товарищей, спасается бегством. Вместо этого он улыбнулся своей очаровательной улыбкой и тихо прошептал:

— Я всегда знал, что ты человек благородный. Но скажи мне — как же ты хочешь совладать с киммерийцем? Люди говорят, что встреча с ним означает верную смерть!

— Они говорят так неспроста. Я видел его в бою уже дважды. Но, клянусь богами, этот варвар — такой же человек, как и мы с тобой; стало быть, справиться можно и с ним! Ты только подумай — он уже дважды оскорбил и меня, и моего господина!

"Вон оно как выходит, — подумал Якуб, — он не считает зазорным бежать с поля боя, сам же оскорбляется на каждом шагу". Он взмахнул своим посохом и с одного удара пересиб шею соратнику Раниса. Возвратным движением он хотел подсечь самого Раниса, но тот, успев подпрыгнуть, отскочил влево. Якуб подставил посох под удар меча и, не дав сопернику опомниться, опустил окованый железом наконечник ему на череп. Ранис зашатался, отступил к стене и медленно осел наземь.

Присев на корточки, Якуб прикрыл веки поверженным врагам и вложил им в руки оружие, оказав им тем самым последнюю честь. Был у него на это и иной резон: теперь все выглядело так, будто воины убили друг друга в пьяной драке.

Вне всяких сомнений, случай этот привлечет внимание Мишрака. Но к тому времени, когда трупы будут доставлены к нему, они уже начнут разлагаться, и понять что-либо по их виду будет уже невозможно. Сам же он задерживаться в Аграпуре не собирался. В горах его будут встречать как героя.

— Что делать, вы теперь знаете, — сказал Конан. — Вопрос у вас может быть только один: когда и где я буду с вами расплачиваться.

Все четверо мужчин улыбнулись. Старший покачал головой и смущенно сказал:

— Это нас особенно не беспокоит. Ты лучше ответь мне на такой вопрос: должны ли мы убивать тех, что позарятся на твое имущество?

— Господин, которому я сейчас служу, предпочитает живых свидетелей мертвым. Мертвому языку развязать непросто...

— Ну, тогда все понятно, — с облегчением вздохнув, сказал тот же мужчина. — Мертвому языку не развязешь живого же человека всегда можно превратить в мертвеца. Как ты думаешь, твой господин поручит нам и эту работу?

— Чего не знаю, того не знаю. Я постараюсь рассказать ему обо всем, решать же все равно

придется ему. Еще вопросы будут?

— Городская пища не по нам, — заговорил молодой. — Мы ведь не женщины и не дети.

— Придется потерпеть. Если же эти припасы закончатся, я позабочусь о том, чтобы вам привезли что-нибудь поосновательнее. Клянусь тем, что ведомо душе моей, но недоступно устам!

Мужчины поклонились Конану, и он, подхватив крайне заинтригованную спутницу под руку, вышел из стойла. Когда они оказались на площади перед гостиницей, Раина с интересом посмотрела на киммерийца.

— Если не ошибаюсь, это были гирканцы?

— Ну и что из этого?

— А то, что не пройдет и дня, как они расташат все наши вещи.

— Ты ошибаешься, Раина. С этим племенем меня связывают особые узы: некогда мы сражались на одной стороне.

— Говорят, что гирканцы никогда не предают своих друзей. Это правда?

— Да, это так.

Дальнейших расспросов не последовало, и Конан вздохнул с облегчением. Борьба с Культом Судьбы, в которой ему помогало гирканское племя, давно закончилась, но рассказывать о ней прислужнице Мишрака, пусть она и была на удивление мила, ему не хотелось.

Раина пересекла площадь и, гордо выпрямив спину, вошла в гостиницу. Поднимаясь вслед за ней по лестнице, Конан услышал звон монет в ее кошельке.

— Сколько у тебя денег осталось? — спросил он. Услышав ответ Раины, он покачал головой и пробормотал: — Совсем немного. Боюсь, коней в горах нам уже не купить.

— Мишрак говорит, что мы сможем найти их на заставах.

— Ты хочешь сказать, что его люди есть и там! Впрочем, для нас это дела не меняет. Заставы лучше обходить стороной. Если там есть люди Мишрака, то почему там не может быть людей Хаумы?

— Конан, ты меня поражаешь.

— Просто я не хочу умирать до срока, Раина. Кстати говоря, будь Мишрак пощедрее, нам не пришлось бы рисковать жизнью. Можешь сказать об этом и своей госпоже.

Они стояли у дверей в комнату Илльяны. Золота Мишрака хватило не только на то, чтобы купить коней и сбрую, но и на то, чтобы снять отдельные комнаты в одной из лучших гостиниц Аграпура. Вне всяких сомнений, враг знал, что они находятся здесь, но для того, чтобы проникнуть в гостиницу, ему пришлось бы преодолеть сопротивление стражей, денно и нощно несших службу у входа, что придало бы делу ненужную огласку. Да и к чему нападать на зверя в его логове, если ты знаешь, что в скором времени он покинет его?

— Доброй ночи, Раина, — сказал Конан, глядя, как спутница его открывает свою дверь. Его вновь бросило в жар. Раина, словно почувствовав это, взяла его за руку и повлекла за собой.

— Ты пожелал мне доброй ночи, Конан. Не так ли?

— Во имя Митры, войди! — сказал Иврам.

Жрец распахнул перед Борой дверь и вслед за ним вошел в комнату. В центре ее стояла сложенная из кирпича печь. Бора почувствовал запах свежевыпеченного хлеба и мясной похлебки, напомнивший ему о том, что он не ел с самого утра.

Вокруг печи были разложены черные овечьи шкуры и неброские, мастерски сработанные ковры. Еще несколько ковров висело над резным шкафом, на котором стояла небольшая фигурка Митры.

Из внутренних покоев доносились нежные звуки флейты. Это играла Мариам, «племянница» жреца, совершившая вечернюю службу. Называя ее «племянницей», обитатели Горячего Ключа не могли удержаться от улыбки. Игре на флейте Мариам, скорее всего, выучилась в тавернах Аграпура.

— Сядь, сын Рафи, — сказал Иврам. Он хлопнул в ладоши, и флейта тут же замолкла. — Мариам, у нас гость.

Женщина, появившаяся из второй комнаты, была вдвое моложе жреца. В руках она несла медный поднос, накрытый льяным полотенцем, на котором лежали медовые булочки и нарезанная тонкими ломтиками копченая баранина. Мариам поставила поднос перед Борой. Кожа ее была смуглой и нежной...

— Может быть, ты хочешь вина?

Ее низкий голос был исполнен меда. Бора почувствовал, что еще минута, и он забудет о том, зачем пришел в этот дом, и, кашлянув, обратился к хозяину:

— Простите меня за дерзость, но прежде я хочу посоветоваться с вами именно за этим я к вам и шел.

— Уши и сердце мое открыты для тебя, — торжественно произнес Иврам. В его устах эта ритуальная фраза казалась чем-то естественным. Селяне прощали ему и обжорство, и «племянницу» именно за то, что он умел слушать их, как никто другой. Советы он давал не часто, но людям становилось легче уже потому, что они могли раскрыть перед ним свою душу.

— Мне ведома тайна горных демонов, — сказал Бора. — Но я боюсь, что люди не поверят моему рассказу. Я уже пробовал говорить с ними. Одни считают меня вралем, другие — безумцем. Нашлись и такие, что стали обвинять меня в намеренном запугивании нашего люда. Они рассуждают так: чем больше они будут знать об этой пагубе, тем скорее она посетит их дом.

— Глупцы! — засмеялся Иврам. — Они не могут простить тебе того, что ты — мальчишка — опередил их, взрослых мужчин.

— Так, значит, вы мне верите?

— Нечто действительно поселилось в наших горах. Нечто грязное и страшное. Любые сведения об этом, сколь бы странными они ни казались пойдут нам на пользу, — ответил жрец, взяв с подноса очередную булочку.

Поднос опустел уже наполовину.

— Мариам, — сказал Бора, — теперь я не откажусь и от вина.

— Вот и прекрасно, — ответила та, широко улыбнувшись. От улыбки этой у мальчика закружилась голова, словно он уже был пьян.

“Наконец-то мне повезло, — подумал Бора, — наконец-то нашелся человек, который мне верит, и не просто человек, но сам жрец”.

Запасы вина в доме Иврама никогда не иссякали — его хватало и на то, чтобы утолить жажду хозяина, и на то, чтобы напоить гостей допьяна. К тому времени, когда Бора опорожнил

второй кубок, недавние страхи его улетучились совершенно. Мариам смотрела на него с восторгом, широко раскрыв свои прекрасные глаза, отчего мальчику становилось как-то не по себе.

— Если рассказ твой правдив хотя бы наполовину, значит, мы имеем дело с куда более страшным противником, чем я предполагал прежде, мой мальчик. Я хорошо понимаю тех людей, которые не хотели слушать тебя. Кстати, ты говорил об этом только с деревенскими?

— Да, то есть нет. Один из этих людей пришлый. После того как я рассказал ему о демонах, он отправился в Аграпур... — Язык Боры стал заплетаться. Но мешало ему не только это — он не хотел, чтобы об отношениях его сестры Карайи и Якуба знали в деревне.

— Я полагаю, ты говоришь о пастухе Якубе, не так ли? — тихо спросил Иврам. Мальчик молча кивнул головой, не поднимая глаз от пола.

— Ты не доверяешь ему?

Бора отрицательно покачал головой.

— Ты ошибаешься, мой мальчик. Тебе мог поверить только он, и только он может хоть как-то помочь тебе. Твоего отца арестовали люди Мугра-Хана, Якуб же с подобным сбродом не водится. Нельзя сказать, что его аграпурские товарищи — люди благородные, но вот в честности и порядочности отказать им нельзя. Якуб — единственная твоя надежда.

— Не моя, а наша! — едва не закричал Бора. Вино, выпитое им на пустой желудок, ударило ему в голову по-настоящему. Вспомнив о том, что он находится в доме жреца, мальчик зачем-то обернулся на фигурку Митры и прошептал: — Прошу прощения.

— Ты ни в чем не виноват. Боги помогают лишь тому, кто помогает себе сам. Что до Якуба, то он...

— Иврам! Скорее! На юге зажглись дьявольские огни!

Голос Мариам дрожал. Она стояла перед открытой дверью, глядываясь в ночь. Бора подошел к ней и увидел, что склоны Повелителя Ветров озарены зловещим изумрудным светом, яркостью своей сравнимым со светом луны.

Иврам обнял Мариам и что-то прошептал ей на ухо. Тут же успокоившись, она положила голову ему на плечо и вздохнула. Взгляд жреца был устремлен куда-то вдаль — казалось, он взирал на то, что происходит совсем в иных мирах, лежащих по ту сторону мира земного.

Голос его звучал не менее странно. Когда он заговорил, Бора почувствовал, как по спине его поползли мурашки.

— Это свет роковой, Бора. Мы должны подготовиться ко встрече с ним.

— Но не могу же я поднять народ!

— Не можешь или не хочешь?

— Посмотрите на меня — я же еще мальчишка!

— Ты ошибаешься, Бора. Мужчиной человека делают не прожитые годы. Говори с людьми так же, как сегодня ты говорил со мной, и они пойдут за тобой.

Бору неожиданно посетила достаточно странная мысль. Интересно, дадут ли ему еще вина?

Эремиус простер руки к ночному небу, и звезды затмились изумрудным сиянием. Он смотрел вверх, словно зачарованный. Если такую силу ему даровал один Камень, то что же будет, когда он завладеет всем Сокровищем Курага?

Этой ночью он сделает важный шаг, который будет иметь далеко идущие последствия — этой ночью Трансформы покинут горы и отправятся в разные концы Туранского царства.

На небесах загремел гром, отразившийся эхом от горных склонов. Земля под ногами Мастера Эремиуса задрожала.

Он набрал в легкие побольше воздуха и с явным сожалением усмирил вышедшие было из-под его контроля силы. Когда-нибудь он обратит эти горы в пыль и тем докажет миру свое

могущество! Когда-нибудь, но только не сегодня.

— Мастер! Мастер! Послушайте меня! — это говорил капитан охраны.

— Замолчи! — Эремиус поднял руку в предупредительном жесте.

— Мастер! Люди боятся! Если им придется идти за Трансформами...

— Боятся? Боятся? — Эремиус схватил в руки посох и занес его над головой капитана, грозя обратить того в горсть пепла. Тяжело вздохнув, он вновь обуздал вышедщую на свободу силу. Безмозглые людишки пока были нужны ему — без них он не смог бы найти второй Камень Курага. Без него, Мастера Эремиуса, Трансформы не могли сделать и шага. Когда спал он, спали и они. В это время охранять его должны были именно люди.

Если он завладеет и вторым Камнем Курага, он сможет властвовать над людьми, не лишая их разума. Пока же в его подчинении были единственно полудурки и недоумки.

Эремиус вновь вспомнил об Илльяне. Его посох заплясал в воздух рисуя образ нагой волшебницы. Перед ним возникла прежняя юная Илльяна, смотревшая прямо перед собой немигающими глазами.

Посох дрогнул. Фантом закрыл глаза и слегка приоткрыл рот. Руки его обратились в звериные лапы, заканчивавшиеся длинными острыми когтями, что тут же задвигались в поисках жертвы.

Эремиус давал команду за командой, чувствуя странное удовлетворение от того, что собственное его творенье послушно ему во всем.

Капитан облизнул пересохшие губы и попятился назад. Лицо его стала заливать смертельная бледность. Наконец он охнул, закатил глаза и, потеряв сознание, рухнул на землю. Эремиус усмехнулся и, коснувшись посохом головы капитана, вернул его к жизни. Тот стал на колени, посмотрел окрест совершенно обезумевшим взором и поцеловал землю у ног Эремиуса.

Мастер решил, что слуга надолго усвоит полученный урок, и жестом приказал ему подняться на ноги.

— Отправь своих людей к выходу из долины, — сказал Эремиус. — Вы должны охранять ее до той поры, пока ее не покинет последняя Трансформа. Люди и лошади пойдут сразу вслед за ними.

Люди — не Трансформы. Помимо прочего, они требуют и пищи. До ближайших деревень идти было не близко, и потому без выочных животных человечьему воинству было не обойтись; Эремиусу пришлось позаботиться и о том, чтобы лошади утратили свой запах, в противном случае их тут же сожрали бы Трансформы.

— Слушаюсь и повинуюсь, — низко поклонившись, сказал капитан. Недавний испуг, казалось, только придал ему решительности: в следующее мгновенье капитана уже и след простыл — он носился по долине, собирая людей и отдавая приказы. Эремиус сокрушенno покачал головой. Неужели в его войске никогда не будет настоящих воинов, таких, как капитан Хаджар или его сын Якуб?

Эремиус поднял глаза к небу — на востоке оно уже начинало сереть.

— Да будет так! — мысленно произнес он. Только глупец может отказаться от такой власти, которая сможет даровать ему власть Над миром.

Эремиус сосредоточился и мысленно обратился к своим страшным слугам.

Я, ГОСПОДИН ВАШ, ПРИКАЗЫВАЮ ВАМ ПОКИНУТЬ ДОЛИНУ. МЫ ОТПРАВЛЯЕМСЯ В ПОХОД.

Колонна Трансформ направилась к выходу из долины. Запах падали стал казаться едва ли не осязаемым. Эремиус скривился и пробормотал заклинанье, очистившее вокруг него воздух и напитавшее его ароматом духов Илльяны.

Трансформы шли мимо него нестройной колонной, спотыкаясь на каждом шагу, — видно

было, что они с трудом владеют своими телами. Вели они себя именно так, как было задумано их господином: приближаясь к нему, они теряли контроль над собственным телом, удаляясь от него — сполна обретали все свои силы, позволявшие им обгонять самых быстрых коней и бороться с любым неприятелем.

Чешуйчатые тела Трансформ светились изумрудным светом. У некоторых из этих полулюдей-полужеров были дубины, другие же не имели при себе никакого оружия. Характер у Трансформ был разным, одни считали себя достаточно сильными для того, чтобы обходиться без оружия, другие-понимали, что оно им в любом случае не помешает. Вскоре Трансформы уже скрылись в ночи. Эремиус произнес заклинание, налагавшее на них узы его воли, и облегченно вздохнул.

Теперь дела должны были пойти быстрее. Если бы у него и появился серьезный противник, он в два счета доказал бы ему, что с ним, Обладателем Камня Курага, лучше не связываться. Впрочем, противник вряд ли пережил бы и первый преподанный ему урок.

На востоке сплошной стеной вставала громада Ильбарских гор. Где-то там брала начало река Шаймак, превращавшаяся из звонкого ручейка в ревущий грозный поток по мере того, как в нее впадали все новые и новые ручейки и речушки. На Туранской равнине Шаймак разливался широкой полноводной рекой, сливавшейся с не менее полноводным Ильбарам, прежде чем исчезнуть в безбрежности моря Вилайет. О том, чтобы перейти Шаймак вброд, не могло идти и речи, — единственным средством переправы здесь были плоты и лодки.

Паромщик дал сигнал к отправлению, затрубив в огромный рог, вырезанный из слоновой кости. Трижды хриплые трубные звуки оглашали окрестные земли; трижды кони начинали храпеть и прядать ушами.

Раина спешилась, чтобы хоть немного успокоить животных. Конан стоял рядом со своим жеребцом, не обращая на него ни малейшего внимания, Илльяна же, так и не покидая седла, думала о чем-то, ведомом лишь ей одной. Она была настолько погружена в свои думы, что со стороны производила впечатление ненормальной.

Как и обещала Раина, Илльяна оказалась прекрасной наездницей. Она не утруждала себя ни разговорами, ни какими-то занятиями, но этому киммериец был только рад, — волшебница вела себя так, что о присутствии ее можно было и забыть. Конан же, при всем своем расположении к слабому полу, терпеть не мог людей, связавших свою жизнь с магией.

Илльяна одевалась так, что вообразить ее женщиной, и тем более красавицей, было решительно невозможно. Некие мистические соображения заставили ее принять обет безбрачия, который свято соблюдался ею. Лишь узнав об этом, Конан наконец-таки понял, зачем она взяла себе в спутницы женщину. Раина надежно охраняла свою госпожу от посягательств мужчин (в данном случае самого Конана). После ночи, проведенной с нею, об Илльяне Конан даже не вспоминал, и это, несомненно, входило в намерения северянки.

Паром отчалил от дальнего берега, находившегося в трехстах шагах от них. Он представлял собой широкий плот, в центре которого стояли люди и скот, а по бокам — рабы, приводившие плот в движение.

Прибытия парома дожидались не только Конан и его спутницы. Рядом с ними стояли селяне, изнывавшие под тяжестью многочисленных корзин, лоточник со своим старым мулом и юным слугой, а также шестеро солдат под началом бравого сержанта. Глядя на селян, становилось понятно, что расплатиться за переправу они не смогут. Судя по всему, все надежды их были связаны с содержимым корзин.

Паром подошел к берегу, и Конан тут же запрыгнул на причал.

— Попрошу не отставать — обратился он к своим спутницам. — Иначе нам придется плыть последними...

Раина помогла своей госпоже спешиться и по широким доскам сходней завела на плот пятерку жеребцов, из которых три были под седлами. Конан стоял возле сходней, следя за тем, чтобы северянке никто не помешал.

Илльяна села под навес, Конан же и Раина так и остались стоять посреди плота. Солдаты и лоточник поглядывали на северянку с явным интересом.

Конан и его спутницы выдавали себя за вдову недавно умершего купца, ее младшую сестру и капитана, командовавшего охраной каравана. Легенда эта выглядела достаточно нелепо, и потому какие-то дорожные знакомства в любую минуту могли обернуться для них крупными неприятностями. Киммериец надеялся на то, что люди, стоявшие на причале, будут ждать следующей поездки. Однако надеждам его не суждено было сбыться: вначале на плот взошли

нагруженные корзинами селяне, за ними последовали лоточник и его слуга, и, наконец, к сходням направились солдаты, ведшие под уздцы своих коней. Хозяин парома побледнел и громко запротестовал:

— Нет, нет! Вам придется немного потерпеть! Плот такой тяжести не выдержит!

— Мои ребята отступать не привыкли, — проревел сержант в ответ и, повернувшись к солдатам, скомандовал: — На плот, мальчики!

Конан встал на сходни и испытующе посмотрел на сержанта, стоявшего на краю доски. Тот был немного пониже киммерийца, однако шириною своих плеч нисколько не уступал ему.

— Сержант, паромщик дело говорит.

— Вот и прекрасно. Ты можешь сойти и прогуляться по бережку. Дамочек своих можешь оставить с нами — мы за ними присмотрим. Правда, ребята?

Солдаты ответили ему дружным ревом. Конан вздохнул и развел руками.

— Слушай, сержант, ты умеешь плавать?

— Что-что?

— Я хочу научить тебя плавать. Ты ведь и сам понимаешь — на реке всякое может случиться...

Побагровевший от гнева вояка грозно засопел, и в ту же минуту Конан изо всех сил ударили ногой по сходням, так, что сержант закачался и, не удержавшись на скользкой доске, полетел головой вниз в воду. Конан схватил сержанта за лодыжки и, извлекши его из воды, стал ждать, когда тот откашляется. Стоило кашлю смениться проклятьями, как Конан вновь сунул голову сержанта под воду.

— Тебя надо еще учить и учить, сержант. Иначе ты так ничего и не поймешь. Жаль, что ты так груб, иначе я препоручил бы тебя младшей сестре моей госпожи.

Сержант вновь разразился проклятьями, на этот раз поминая и "младшую сестру госпожи". Конан нахмурился.

— Сержант, если дурь твоя не смывается водой, я попытаюсь отскоблить ее саблей. Теперь скажи, когда же ты намерен плыть — сейчас или немного позже?

С этими словами он выпустил ноги сержанта из рук, и тот скрылся под водой. Через мгновенье голова его вновь появилась над поверхностью. Громко сопя и пофыркивая, он выбрался на причал и присел на его краю.

— Паромщик, — сказал Конан, — я думаю, пора трогать.

Паромщик, ставший еще бледнее, согласно кивнул головой и подал знак барабанщику, сидевшему на корме. Тот замахал своей колотушкой, отбивая ритм для гребцов, тут же налегших на весла.

Плот еле полз. С тоскою во взоре паромщик смотрел на удалявшийся берег, на солдат, оставшихся на нем... Теперь он уже был бледен как смерть. И тут на корме закричали.

Конан резко обернулся и увидел, как одно из весел, выскоцив из уключины, упало в воду. Гребец хотел было броситься за ним, но паромщик окриком остановил его.

— Вендиjsкий тик ничуть не легче железа, — объяснил паромщик пассажирам. — Ох, ну и денек сегодня выдался! Такого и врагу не пожелаешь! Мне остается надеяться, что вы особенно не спешите.

Слова эти звучали естественно, однако Конан почему-то насторожился.

— Как ты думаешь, когда мы окажемся на том берегу? — спросила у него Илльяна.

— Это ведомо одним лишь богам. Богам и паромщику, — ответил ей киммериец.

— Вот и спроси у него об этом!

— Как вы того пожелаете, моя госпожа.

Конан вновь обернулся к корме, на которой стояли хозяин плота и незадачливый гребец, но

тут же почувствовал, как ему на плечо легла рука Раины. Северянка зашептала ему на ухо:

— Будь осторожен, Конан. Я бы помогла тебе, но мне придется защищать мою госпожу.

— Защищать? — изумился Конан. — Хотелось бы знать, от кого именно.

— Пока не знаю. Но мне очень не понравился тон паромщика. Мне кажется, что подобные сцены он разыгрывает достаточно часто.

— Каждую третью переправу, — ухмыльнулся Конан. — Кто знает, может бы, ты и права.

— Что значит "может быть"? — возмущенно зашипела Раина. — Если я тебе что-то говорю, значит, так оно и есть!

— Не надо так кипятиться, девонька! Если этот тип действительно что-то замышляет, я ему не завидую.

— Как прикажешь тебя понимать?

— Ты одна стоишь двух мужчин, — улыбнулся Конан. — О себе я уж и не говорю.

— Поживем — увидим, — рассмеялась Раина и, сняв руку с его плеча, направилась к своей госпоже.

Конан задумался. Похоже, Раина действительно права, непонятно лишь то, на кого же рассчитывает паромщик. Не на давешних же солдат, в самом деле? Положив руку на рукоять меча, Конан направился к паромщику.

Двое гребцов спускали на воду ялик. Паромщик молча следил за ними, сжимая рукоять висевшего у него на поясе кинжала. Конан обратил внимание и на то, что соседи их странным образом преобразились: былое тупое безразличие сменилось напряженным ожиданием, с каким кот может взирать на беспечно щебечущих пташек.

Конан встревожился не на шутку. На плоту и в самом деле происходило что-то неладное.

Ялик с плеском опустился на воду. Один из гребцов тут же забрался в него, второй же стал привязывать к корме лодки линь.

— Ребята выведут плот на течение, и тогда река сама вынесет нас к берегу, — сказал паромщик, обращаясь к киммерийцу.

Причал остался далеко позади. Берега становились все выше, все круче. Дальше по течению, если Конану не изменяла память, должны были начаться пороги, пройти которые в это время года невозможно было не только на плоту, но даже и на лодке.

В ялик забрался и второй гребец. Паромщик на минуту зашел под навес и вернулся оттуда с тугим кошельем в руках. Женщин лицо которой было скрыто под капюшоном, шагнула вперед и вытянула руки в молящем жесте.

В тот же миг Конан извлек свой меч из ножен и поднял его рукоятью вверх. По этому сигналу Раина должна была приготовиться к бою.

Прижимая к груди кошель, паромщик понесся к корме и, добежав до края плота, прыгнул в лодку; одновременно обладательница черной накидки бросилась на Конана. Капюшон упал ей на спину, и киммериец увидел, что, помимо прочего, у нее есть и борода. Он отскочил назад, даже не пытаясь отражать удар вражеского кинжала, и перебросил меч так, что рукоять его оказалась у него в ладони.

С кормы послышался треск дерева и истошные крики. Дно лодки проломилось не выдержав тяжести грузного паромщика.

— Никак и ты искупаться решил? — прокричал Конан и тут же прикусил язык. Троє «селян», стоявших перед ним, судя по всему, были отменными воинами, привыкшими сражаться вместе. В том, что ему удастся одолеть их, киммериец нисколько не сомневался, проблема заключалась в другом — в том, что за время, потребное ему для этого, разбойники могли расправиться с его спутницами.

Нельзя было медлить ни минуты.

"Сначала этого. Потом тех двоих."

Конан вновь отпрыгнул назад, взмахнув перед собой мечом, дабы исключить возможность мгновенной атаки. Прием его сработал — вся троица застыла. Затем один из противников, взяв в руки два кинжала, медленно пошел на него. Конан, не раздумывая, опустил меч ему на голову, понимая, что удара воин отразить уже не сможет. Тот подставил под удар кинжал и попытался уйти в сторону, что позволило сберечь голову, но привело к тому, что меч отсек ему руку по плечо. Кровь хлынула из раны рекой. Воин зашатался и повалился навзничь. Соратники его тут же оказались за спиной киммерийца. Он прыгнул вперед недобрый словом помянув того, кто научил их ратному делу, и, побежав по краю плата, выбил из рук перепуганных рабов еще два весла. Раина, воспользовавшаяся минутным замешательством его противников, убила одного из них ударом кинжала в спину и стала теснить второго к корме.

— Я справлюсь с ним сама! — прокричала она Конану. — Помоги Илльяне!

На другом конце плато творилось что-то невообразимое: Илльяна вопила, кони ржали и били копытами, мул протяжно ревел, пытаясь перегрызть веревку, которой он был привязан к столбу. Волшебница стояла, прижавшись спиной к одному из столбов, в руке она держала длинный тонкий кинжал. Трое ее противников никак не решались обойти кусающегося и лягающегося мула, защищавшего Илльяну почище любого стража.

Конан бросился вперед и сильнейшим ударом снес одному из неприятелей голову. Второй, ловкий и гибкий, словно змея, не только умудрился уйти от клинка киммерийца, но своим коварным ударом едва не лишил его жизни.

Третий разбойник изловчился проскользнуть мимо мула. Меча у него не было, но Илльяна явно не могла защитить себя и от его кинжалов. Разбойник не спешил лишать ее жизни, играя с ней так же, как кошка играет с мышью.

Конан выбранился и позвал Раину. В такой ситуации сам он помочь Илльяне не мог.

— Заколдуй его! — закричал он волшебнице. — Неужели ты не можешь и этого?

— Ты меня недооцениваешь, киммериец! — прокричала в ответ Илльяна и, отразив очередной удар кинжала, схватила разбойника за руку.

Конан понимал, что сил ее надолго не хватит. Если он не успеет расправиться со своим противником...

— Так чего же ты ждешь?

— Зачем... спешить... я... — Договорить Илльяна не смогла. Разбойник высвободил свою руку и, схватив ее за волосы, приставил кинжал к горлу.

В тот же миг Конану удалось уложить своего противника. Он хотел было броситься на помощь Илльяне, но, увидев, в каком положении та оказалась, застыл на месте. Жить волшебнице оставалось считанные секунды.

Вокруг ноги разбойника неожиданно обвилась железная цепь. Он скосил глаза вниз и попытался отбросить ее в сторону, но в ту же минуту почувствовал, как невидимая рука потянула цепь к себе. Разбойник раскинул руки в стороны, пытаясь сохранить равновесие, и тут, наконец, его настиг клинок киммерийца.

Илльяна стояла, опираясь рукой о столб. Другой рукой она ощупывала свою шею, на которой виднелась еле заметная царапина. Кинжал лежал у ее ног. Конан поднял его и, подав Илльяне, сказал:

— Оружие требует к себе иного отношения.

Волшебница облизнула свои полные губы, что-то прошептала и, неожиданно зарыдав, припала к широкой груди киммерийца. Он осторожно высвободил руку с мечом и нежно, словно котенка, прижал ее к себе. Волшебница оказалась удивительно похожей на очных людей — она была так же слаба и так же беззащитна. Впервые за все это время Конан почувствовал к ней

симпатию.

— Успокойся! — сказал он наконец. — Мы еще не со всеми врагами покончили. — Он отстранил ее от себя и попытался заглянуть вниз, туда, где сидели гребцы.

Раб, метнувший цепь в разбойника, поднялся на ноги.

— Друг мой, — обратился к нему Конан, — и какой же ты ждешь награды?

Раб поднял на него глаза и совершенно бесстрастным голосом ответил:

— Мне все равно. Спроси об этом у своей женщины.

— Я вовсе не его женщина! — воскликнула Илльяна и неожиданно громко рассмеялась. Улыбка еще не успела сойти с ее лица, как у столба появилась Раина, вытиравшая свой клинок о полу плаща.

— Конан, я уложила обоих. Один из них еще жив; если хочешь, можешь задать ему парочку вопросов. Что до паромщика, то он, похоже, в последний момент струхнул — иначе неприятностей у нас было бы побольше.

— Но куда же он подевался?

— Он так и болтается на лине, — сказала Раина с усмешкой. — Матросы выбросили его за борт и поспешили к берегу. Впрочем, им тоже не повезло лодка вскоре затонула, выплыть же удалось только одному из них. Я видела, как он взбирается на кручу.

Конан бросил взгляд на корму и увидел за бортом раскрасневшегося паромщика, из последних сил державшегося за линь.

— Ради всего святого, пожалейте меня! — взмолился тот. — Я не умею плавать!

— Боги не любят предателей, — буркнул в ответ Конан. — Не любит их и господин Мишрак.

Паромщик от изумления едва не выпустил веревку из рук.

— Так, значит, вы служите Мишраку?

— Да. И ты, похоже, заинтересуешь его. Запомни, паромщик, теперь твоя судьба будет зависеть только от тебя самого.

— Пощадите меня! Неужели вы отدادите на растерзание Мишраку и меня, и мою семью? Молю вас, не делайте этого!

— Я бы утопил тебя, не раздумывая, — грозно прорычал киммериец. Домашних же твоих мне действительно жаль. Теперь послушай, что я тебе скажу. Если ты поведаешь мне все, что ты знаешь об этих людях, я, быть может, сохраню тебе жизнь. Ты понял меня?

Долго упрашивать паромщика не пришлось. Он тут же выложил все то, что было известно ему, и выразил готовность ответить на любые интересующие господина вопросы.

Как и предполагал Конан, разбойники оказались людьми Хаумы. О Мастере Эремиусе и Камнях Курага паромщик слышал впервые.

Больше говорить с ним было не о чем. Конан выбрал линь и, схватив паромщика за загривок, втащил его на плот. Когда он стал связывать ему руки, тот внезапно запротестовал:

— Но ведь вы клялись...

— Я ни в чем не клялся, приятель. Руки тебе сейчас не понадобятся. Если же ты будешь болтать лишнее, я живо укорочу твой язык. Река-то совсем рядом, приятель. Верно?

Паромщик вновь стал бледным как смерть. Продолжать разговор ему тут же расхотелось.

Плыть им пришлось долго. Паромщик молча сидел на корме. Лоточник же и его мальчик занялись своим драгоценным мулом.

— Разрази вас гром! — не выдержал Конан. — Может быть, вы все-таки поможете грести, или вы так и будете возиться с этим поганым ослом?

— Как только Лотосу станет лучше, мы тут же придем вам на помощь, спокойно ответил лоточник. — И пожалуйста, не кричите так громко. Животное и так запугано.

— Госпожа, прошу вас, — заговорил мальчик, — помогите своим волшебством бедному Лотосу. Смотрите, как он зашиб ножку. Мы вам за это заплатим.

Конан хотел было сбросить за борт к успевшего осточертеть ему мула, и дерзкого мальчишку, но тут он увидел, что Илльяна заулыбалась.

— Мое волшебство вряд ли поможет вам, — ответила она. — Но вы можете обратиться к моей сестре. Она выросла среди коней и знает о них куда больше моего.

Конан выругался и вернулся к гребцам, боровшимся с течением своенравного Шаймака. Теперь ими командовал Масуф — тот самый раб, который спас жизнь Илльяне. В кошельке паромщика кроме золотых монет Конан нашел и ключи от цепей, которыми рабы были прикованы к плоту. Он тут же освободил Масуфа, оказавшегося не только искусным воином, но и умелым капитаном. Под его началом рабам удалось подвести плот к берегу и сравнительно легко причалить.

— Мы опять в долгу у тебя, — сказала Илльяна, выбравшись на берег. Свободу мы тебе уже даровали. Теперь ты можешь просить у нас денег.

— Говорите потише, моя госпожа, — отозвался Масуф. — Уши могут быть даже у камней. Что до денег, то я вряд ли стану отказываться от них. Мне самому они не нужны, но если вы сможете выкупить рабыню Дессу у Кимона, что живет в Гале, я согласен стать вашим рабом по гроб жизни.

— Кто она тебе? — изумилась Раина.

— Мы были помолвлены с ней, но тут волею судеб мы обратились в рабов. Нас продавали порознь, при этом я отвечал за нее, а она — за меня. Если бы не это, мы или сбежали бы, или покончили бы с собой.

Конану, прошедшему рабство, настроения эти были знакомы.

— Почему же ты решил пойти против своего хозяина? Если Десса рабыня и поныне...

— Это ничего не меняет, — перебил его Масуф. — Десса — рабыня, и это значит, что Кимон может сделать с ней все, что угодно: захочет — убит, захочет — помилует. Разве ты сам не понимаешь этого?

— Мишрак послал нас в поход вовсе не для того, чтобы мы вызволяли рабов, — проворчал Конан.

— Но он не предполагал и того, что жизнью своей вы будете обязаны рабу, — ухмыльнулся Масуф. — Ты должен считать это знаком судьбы.

Конан показал Масуфу кулак и спросил:

— А как ты отнесешься к этому? Или, по-твоему, это тоже знак? Мы заедем в Галу и освободим твою Дессу, заплатив за нее золотом твоего бывшего хозяина. Только не подумай, что больше нам делать нечего. Дел у нас — хоть отбавляй. Ты и сам это скоро поймешь.

Они подъехали к Гале, когда небо на западе уже начинало альять. Таверна "Три Монеты", в которой работала Десса, была заколочена. Запустение царило и в саду, поросшем высокими травами. Вторая гостиница, носившая название "Рогатый Волк", находилась на другом краю деревни. Путникам не оставалось ничего иного, как только проследовать в нее. Илльяна, завидев издали это уродливое строение, поморщилась.

— Неужели мы не сможем найти ничего лучшего?

— Лучшее — враг хорошего, — ответствовал ей киммериец. Известие о битве на перевозе уже могло дойти и до Галы, и потому следовало вести себя так, как предписывали принятые ими в этом маскараде роли.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Лучше уж спать на гнилом матрасе, чем не спать совсем.

— Как вы смеете? В моей гостинице гнилых матрасов нет!

Из ближайшего окна показалась голова дородной седовласой женщины. Она погрозила Конану кулаком и приготовилась к отражению новых выпадов дерзкого чужеземца.

— Госпожа, — процедил Конан сквозь зубы, — мы ведь можем найти и другое место для ночлега.

Хозяйка гостиницы в одно мгновение переменилась в лице.

— Что вы, что вы! Я и не думала обижать вас! Поверьте, лучшего места вы не сыщете во всей округе!

— И сколько же вы запросите за ночлег? — поинтересовалась Раина.

Конан не стал участвовать в торгах, вместо этого он решил получше осмотреться. Подошедшему к нему Масуфу он сказал:

— Вел бы ты себя спокойнее, парень. Если ты не перестанешь дергаться, мы покинем эту деревню сию же минуту. То-то твоя невеста будет рада!

Масуф попытался взять себя в руки, однако так и не смог унять дрожи в коленках. Раина и хозяйка гостиницы окончили торги. Судя по сияющему лицу последней, можно было сказать, что на сей раз Раина решила не утруждать себя излишними спорами. Впрочем, причиной ее щедрости могло быть и некое неведомое киммерийцу обстоятельство.

Они отужинали своею собственною снедью, запивая ее гостиничным вином, больше походившим на уксус. Подали это вино две женщины, годившиеся Пиле в матери.

Прошло немного времени, и занывший желудок вывел киммерийца из задумчивости.

— Хозяюшка, — обратился он к содержательнице таверны. — В прошлый раз я останавливался в "Трех Монетах". Там у них была премилая плясунья по имени Десса. Я бы дорого заплатил, чтобы увидеть ее танец вновь.

— Значит, вы были там одновременно с правителем Ахмаем. Он-то, конечно, никакой не правитель, но вот Крепость у него самая что ни на есть настоящая. Он тоже положил глаз на Дессу. Когда Кимон умер, родня его распродала все его имущество, включая и рабыню. Дессу купил Ахмай.

Что было с ней потом, никто не знает.

Конан, не обращая внимания на зубовный скрежет Масуфа, спокойно спросил:

— Что это еще за «Крепость»? Никогда о такой не слышал.

— Вы о ней и не могли слышать. Он отстроил ее совсем недавно. На месте древних развалин теперь стоит дворец. Ахмай, построив его, стал называть себя правителем наших мест. Он и ведет себя соответственно...

Теперь уже заскрипел зубами и сам Конан. В этой части Туранского царства было множество заброшенных фортов, в которых прежде жили разбойники. С недавних пор они стали возвращаться в свои старые жилища, для чего им приходилось подкупать чиновников и наместников.

С их возвращением к землям этим вернулась и их прежняя дурная слава.

Ахмай рано или поздно должен был погореть на одном из своих темных делишек — Мугра-Хан со своим воинством расправился бы с ним в два счета. Впрочем, для Дессы это ничего не изменило бы — она погибла бы в любом случае.

— А не отправиться ли нам в гости к правителю Ахмаю? — задумчиво пробормотал Конан. — После того как я доставлю мою госпожу и ее сестру к их родне, я буду свободен, как птица. Может быть, мне стоит наняться к этому достойному господину?

— Я полагаю, от услуг твоих он не откажется, — сказала хозяйка гостиницы. — У него в услуженье одни старики, что годятся тебе в отцы, ты же вон какой молодой да статный.

— Чего же вы стоите? — неожиданно громко сказал Масуф. — Ведь с Дессой в любую минуту может приключиться...

Конан схватил недавнего раба за ворот и, подняв в воздух, тряхнул его так, что тот надолго лишился дара речи.

— За мной! — проревел киммериец и скорым шагом вышел из гостиницы. Масуф и женщины спешали за ним.

Масуф рухнул на колени и застонал. Ноги отказывались повиноваться ему. Конан и его спутницы остановились.

Илльяна посмотрела на темное беззвездное небо.

— Не знаю, стоит ли нам обременять себя этим делом.

Масуф тут же вскочил на ноги и воскликнул:

— Госпожа, заклинаю вас именем богов...

— Оставь богов в покое, — перебила его волшебница. — Единственное, что я сделала, так это выразила сомнение. В отличие от тебя, я прежде думаю и только потом говорю.

— Мне не нравится то, что вы говорите, — понурив голову, сказал Масуф. — Можете превратить меня за это в жабу.

— Именно так в следующий раз я и поступлю, — тут же отозвалась волшебница. — Ты похож на безумца, Масуф. Похоже, женщины лишили тебя и той толики разума, которая досталась тебе при рождении. Если бы ты думал о Дессе, ты бы не стал мешать нам, тем более что в одиночку освободить ее ты не сможешь — Посмотрев на Конана, она добавила: — Мне нужно взять одну вещицу. Подождите меня здесь.

Конан кивнул головой и отошел к стене, откуда были видны и подступы к гостинице, и безрассудный Масуф, и стойло, в котором их ждали кони. Последние могли понадобиться им в любую минуту.

Становилось все темнее. Деревня уже спала, единственными звуками, которые слышал Конан, были тихое ржание коней и редкий стук копыт.

— Раина! — тихо прошептал киммериец.

— Что случилось?

— Тебе не кажется, что Илльяны нет уж слишком долго? Может быть, наша хозяйка не так проста, как это кажется?

— И где же ее воинство, Конан? Кроме тех двух женщин, в гостинице никого нет.

Дверь гостиницы распахнулась, и на пороге появилась девица, одетая в короткое шелковое платье, не прикрывавшее ей и колен. Она стала спускаться по лестнице легкой танцующей походкой, выдававшей в ней куртизанку.

Масуф охнул и действительно стал очень похож на жабу. Он протянул навстречу незнакомке руки, но та, засмеявшись, отбежала в сторону.

— Ох, Масуф, Масуф! Быстро же ты забыл свою Дессу!

Масуф сглотнул:

— Я не забыл ее, красавица. Просто теперь она живет в неприступной Крепости, ты понимаешь? Может быть, ты поможешь мне забыть о ней?

— Масуф, друг мой, я поступлю иначе, — ответила незнакомка с улыбкой. — Я помогу твоей избраннице бежать от Ахмая.

— Кром! — воскликнул Конан, внезапно узнавший в незнакомке Илльяну. Неужели это вы, госпожа?

— Я смотрю, тебя действительно не проведешь, киммериец! Надеюсь, Ахмай и его люди будут не такими сметливыми, как ты.

— В этом вы можете не сомневаться, — ответил Конан. — Я и сам смог узнать вас только по голосу. Но объясните мне, глупому, — что нам даст этот маскарад?

— Конан, ни ты, ни я не знаем, что нас будет ждать в Крепости. Я очень сомневаюсь, что тебе удастся похитить Дессу.

— Вы считаете, что сможете помочь мне? С большим удовольствием я бы взял в напарницы Раину. Она, во всяком случае...

— Она тоже станет помогать тебе. Мы с тобой постараемся попасть в покой Ахмая. Я стану морочить ему и его слугам голову, ты же в это время должен будешь найти рабыню и вывести ее за пределы Крепости. Раина и Масуф будут ждать нас в условленном месте. В случае необходимости они прикроют нас.

Раина открыла рот и хотела было возразить своей госпоже, но тут Масуф рухнул Илльяне в ноги.

— Простите мне мое неверие, госпожа! Простите меня!

— Я прошу тебя лишь тогда, когда ты станешь вести себя по-мужски. Встань же!

Масуф медленно поднялся на ноги.

— Ничего более глупого в жизни своей не слышал! — сказал Конан. Если ты действительно хочешь помочь мне, превратись в воина!

— С этим я пока подожду. Мне не хочется прибегать к помощи Камня до времени.

— Мне остается поверить тебе на слово, — развел руками Конан. — Вот уж в чем я не разбираюсь, так это в магии. Теперь слушайте меня все. Сейчас я отправлюсь на разведку и постараюсь разыскать ту самую Крепость; Вернусь я к утру. Если бы мы знали обо всем заранее...

— Ты зря волнуешься, Конан, — улыбка Илльяны была исполнена такой чувственности, что ее нельзя было приписать одному только эффекту магии.

— Что ты хочешь этим сказать? Ты что — прочла мысли нашей хозяйки?

— Ты попал в точку, Конан. Когда я вернулась в наши комнаты, она тут же стала интересоваться тем, что мы собираемся делать. Я попросила ее выйти из комнаты и стала прислушиваться к ее мыслям. Услышала же я следующее: она собирается известить Ахмая о скором нашем появлении. Мне пришлось несколько подправить ее планы — она доложит ему только о тебе и обо мне. Что касается местонахождения Крепости, то оно уже известно мне.

— Здорово!

Подобной прыти Конан от волшебницы не ожидал. Что и говорить — она поработала на славу, пусть для этого ей и пришлось прибегнуть к магическим средствам. Но разве придет кому-нибудь в голову жаловаться на свой меч лишь потому, что отковал его распутный человек?

— Спасибо тебе, Илльяна. Нам осталось договориться о месте встречи. Как только мы

определимся и с ним, я отправлюсь в Крепость...

— В этом нет необходимости, Конан. Хозяйка уже побывала там. Все, что знает она, знаю и я. Теперь я могу показать тебе и замок, и его обитателей.

Конан вздрогнул, представив, как сознание его, подпавшее под магические чары, наполняется чужими мыслями и таинственными странными образами...

— Это мои чары, Конан. Неужели ты до сих пор не доверяешь мне? Нет, нет, успокойся. Я не читала твоих мыслей, просто ты стал размышлять вслух. — Волшебница улыбнулась.

— Капитан Конан, если позволите... — начал было Масуф, но Конан тут же резко оборвал его:

— Не позволю!

Масуф рассмеялся:

— Вы зря отказываетесь капитан. Она покажет вам всех ваших врагов, и тогда вы сможете правильно рассчитать свои силы. Зачем спорить?

— Тебе нужно стать советником царя Йалдиза, — проворчал Конан. — В твоих словах был бы смысл, умей она отличить крепость от конюшни!

— Доверься Илльяне, Конан, — сказала Раина. — Ты увидишь Крепость так же ясно, как видела ее наша хозяйка. После этого ты сможешь спокойно заснуть.

Конан понимал, что правы все трое, однако не спешил соглашаться с ними. Освобождение Дессы и так было достаточно безумным предприятием, осложнять его еще больше ему не хотелось.

Улыбающаяся Раина встретилась с ним взглядом. Киммериец не умел читать мысли, но ее он понял и без этого. О его сне она заботилась не случайно.

Под копытами коней загремел гравий. Конан и Илльяна подъехали ко входу в Крепость Ахмая. Широкие брусья ворот еще не успели потемнеть, массивные железные петли были покрыты едва заметным налетом ржавчины. Воротам этим не было и года, стены же, судя по их виду, простояли по меньшей мере пару веков. Конан уже видел подобные твердыни главарей разбойничих банд, но он и не представлял, что они могут быть такими огромными.

Их окликнули с башни, стоявшей справа от ворот.

— Кто вы?

— Воины, ищащие встречи с владыкой Ахмаем.

— С чего вы взяли, что он захочет встречаться с вами?

— Разве не нужны ему новые люди?

— Вы хотите наняться к нему на службу?

— Если нас устроят его условия.

Из-за стены свесились сразу две головы. В глазах Илльяны промелькнуло беспокойство. Волшебница была одета в мужской костюм, делавший ее похожей на стройного юношу.

— Ты говоришь неразумно, — прошептала она. — Создается впечатление, что своей службой мы окажем Ахмаю честь.

— Именно так и должен вести себя настоящий воин, — улыбнулся Конан. Говори я иначе, и они тут же заподозрили бы обман.

Не успела Илльяна ответить киммерийцу, как сверху прозвучало:

— Вы можете войти!

Размеры внутреннего двора говорили о том, что они оказались в самой настоящей Крепости. То тут; то там виднелись полуразвалившиеся строения, которые хозяин, похоже, и не думал восстанавливать. В исправном состоянии содержались только главная башня Крепости и господский замок.

К Конану и его спутнице подошло сразу шестеро воинов, одетых в изрядно изношенные, но чистые одежды.

— Мы позаботимся о ваших лошадках, — сказал один из них, шемит с малой толикой ванирской крови.

— Покажите нам, где находятся стойла, и мы отведем их туда сами, ответил Конан, которому ничуть не хотелось, чтобы незнакомцы обчистили его подсумки.

Бородатый шемит на миг задумался и, пожав плечами, сказал:

— Воля ваша.

Столь быстрое согласие насторожило киммерийца. Он подал знак Илльяне, чтобы та не спешила покидать седло. Ворота были открыты, и отступление пока все еще было возможным.

Он спешился и повел своего жеребца под уздцы. Однако не успел он сделать и пары шагов, как на рукоять его меча легла чья-то рука.

Конан выпустил из рук поводья и резко обернулся, одновременно схватив дерзкого вора за руку. Не раздумывая ни минуты, он изо всех сил ударил безбородого наглеца по лицу, отчего тот взмыл в воздух и пролетел добрую дюжину шагов.

— Не зарься на чужое, мой юный друг, иначе тебе сломают не только челюсть.

Только тут киммериец заметил, что Бородатый и его спутники с интересом наблюдают за ним. Он уже хотел выхватить меч из ножен, но Бородатый неожиданно засмеялся.

— Ты, я смотрю, малый не промах. Думаю, Ахмаю будет о чем поговорить с тобой.

— Надеюсь, впредь твои люди будут вести себя поутивее, — буркнул Конан, помогая

Илльяне сойти с коня.

Главная зала замка была хорошо освещена — на стенах горело несколько десятков факелов, несколько ламп стояло и на огромном столе, за которым сидел сам владыка Ахмай.

— Ты должен был прийти ко мне сразу после того, как твой прежний хозяин умер. За это время ты дослужился бы до капитана.

— Я должен был отвести вдову хозяина и ее сестру к их родне, ответил Конан. — Иначе я нарушил бы слово.

— Все понятно. Вы, киммерийцы, — люди слова, это я знаю.

У Конана по спине пробежал холодок. Ахмаю откуда-то была ведома его национальность.

— Неужели, назвав тебя киммерийцем, я ошибся? — лукаво улыбнувшись, спросил владыка. — Или ты стыдишься этого?

— Я смотрю, вы знаете меня лучше меня самого.

— Можешь в этом не сомневаться. Кого-кого, а киммерийцев я признаю сразу, пусть в наших краях они и редкость.

— Наши люди предпочитают жить там же, где и родились, — мрачно усмехнувшись, ответил Конан.

— Оставим это. Коль скоро ты пришел ко мне, значит, служба твоя прежнему господину закончилась, — так? Можешь считать, что я принял тебя к себе. Тебя и твоего товарища. Что до Дессы, которую ты пытался разыскать, то ты сейчас увидишь ее.

Застучали барабаны, и в зале появилась танцующая рабыня, одетая в короткую юбку, сшитую из алого шелка. На нагой груди танцовщицы, на запястьях ее и лодыжках поблескивали серебряные украшения и колокольцы. Ее смуглая намазенная кожа мерцала матовым светом.

Вне всяких сомнений, Конану доводилось встречать и куда более интересных женщин, однако, едва завидев Дессу, он забыл и думать о них.

Рабыня закружила вокруг стола. Владыка ее, всесильный Ахмай, не вставая с места, сорвал с нее одежду и взмахнул ими над головой.

Мужчины одобрительно загудели. Десса усмехнулась и, сделав сальто, вскочила прямо на стол, так что блюдо Конана оказалось у нее между ног. Сделав шаг вперед рабыня упала в объятия киммерийца.

Пышная надушенная грудь Дессы легла ему на лицо. Он скосил глаза и увидел Илльяну, смотревшую на него едва ли не с ненавистью. Испытывать ее терпение киммерийцу не хотелось и он слегка отстранился назад. Десса сделала еще одно сальто — на этот раз назад — и опустилась на лежавшую у стола кипу ярких заморских ковров. Она сделала стойку на руках и, подав рукой команду барабанщику, вновь забилась в чувственном ритме.

Конан почувствовал себя оказавшимся меж двух огней.

И тут Илльяна не выдержала. Бросив свое блюдо на пол, она вскочила на ноги, что-то прокричала и поспешила к выходу из залы. Стражи были слишком увлечены Дессой, чтобы обращать внимание на гостей, — она прошла мимо них и скрылась за дверью.

— Что это значит? — с деланным равнодушием спросил Ахмай, взявшись при этом за рукоять своего клинка. — Твой спутник юн настолько, что не может совладать с желаниями своего тела? Или, быть может, ему непривычен вид обнаженного женского тела?

— Надо было ему Палоса показать! — закричал один из стражей.

Дюжий воин, который скорее всего и был только что упомянутым Палосом, гневно заревел:

— Заткнись, сморчок! Иначе ты мать родную...

— Молчать — неожиданно громко рявкнул Ахмай, не сводивший глаз с Конана.

— Вы зря волнуетесь, — пробормотал киммериец. — Такие припадки случаются с ним не чаще раза в год. Если бы у вас нашлись снадобья...

— С подобными припадками мы справляемся и без снадобий, — мрачно усмехнулся Ахмай. — Если нам будет нужно, мы и горбатого прямо поставим!

— Я полагаю, до этого не дойдет. — Киммериец изобразил на лице нечто, отдаленно напоминающее улыбку.

"Разрази ее Эрлик! Что это она надумала? Может быть, она рехнулась от страха?"

— Я тоже надеюсь на это, — кивнул Ахмай. — Ругаться в присутствии такой женщины нельзя. Ты только посмотри на нее, приятель!

Посмотреть было на что. Конан никак не мог взять в толк того, зачем же она могла понадобиться Масуфу, — кем ее невозможno было представить, так это супругой добропорядочного туранца или любящей матерью.

Впрочем, об этом следовало думать самому Масуфу. С Конана было достаточно и Илльяны. И куда только та могла запропаститься? Спасало положение лишь то, что рабыня продолжала танцевать. Попробуй Ахмай послать своих воинов на поиски пропавшего гостя, и те наверняка устроили бы в ответ на это бунт. И они были бы правы: на всем белом свете не было танцовщицы, равной Дессе...

Движения рабыни с каждой минутой становились все медленнее и медленнее; чувствовалось, что она начинает уставать. Она сделала наконец последнее сальто, и в тот же миг двери залы распахнулись вновь. В них стояла Илльяна.

Она выглядела так же, как и в тот раз, когда киммериец впервые увидел ее, и потому Конан, в отличие от всех прочих присутствующих в зале людей, особенно не поразился увиденному. Сразила его вовсе не диковинная эта метаморфоза, но нечто куда более опасное — от волшебницы исходила такая волна чувственности, что совладать с собой в ее присутствии не смог бы и евнух. Илльяна была почти нага — узкая набедренная повязка да серебряный обод на голове были единственным ее одеянием. Конан ошарашенно посмотрел на ее прекрасное тело и зажмурился, словно не веря собственным глазам.

— Ну ты и плут! — ахнул Ахмай. Немного помолчав, он добавил: — Так вот с чем ты путешествуешь!

— Не с чем, а с кем, мой господин, — широко улыбнувшись, ответил Конан. — Она не призрак — ее можно потрогать...

— Волшебства в ней столько, что она кажется сказкой... Но скажи мне, плут, почему ты решил скрыть ее от меня?

— Я не настолько глуп, чтобы хвалиться своими сокровищами перед разбойниками.

— Называя ее сокровищем, ты оскорбляешь ее, варвар. Она слишком хороша для этого. — Ахмай говорил с трудом; казалось, что-то застряло у него в глотке. Он плеснул вина себе в кубок и вновь устремил взор на Илльяну.

Та взмахнула руками и закружила по зале в диковинном танце. Тягаться с Дессой в акробатических па она не собиралась — танец ее, поражал не обилием трюков, но удивительной гибкостью танцовщицы и грациозностью ее уверенных движений.

Конан стал искать взглядом Дессу. Та стояла недвижно, опершись плечом о дверной косяк. На Илльяну она смотрела так, как смотрит на учителя посрамленный ученик.

Илльяна тем временем подхватила с пола один из легких ковриков и завернулась в него, вызвав тем массу восторгов. Она встрихнула головой, и легкая вуаль, покрывавшая ее золотистые косы, заскользила через залу, словно несомая ветром. Лишь Конан понимал, что подобное движение может быть вызвано только магическими заклинаниями, остальным же, казалось, сие было невдомек. К вуали бросилась добрая дюжина воинов, в одно мгновение разодравших ее на лоскуты.

В тот же миг с головы Илльяны упал и обруч. Мелодично позванивая, он покатился через

всю залу и наконец закружился у ног Ахмая. Тот подхватил его резким, едва уловимым движением, не отрывая при этом взгляда от прекрасной незнакомки.

И тут в зале установилась полная тишина. Илльяна сбросила с себя коврик, а вместе с ним с прекрасного тела ее слетела и набедренная повязка.

— Киммериец, друг мой! — вскричал Ахмай. — Я предлагаю тебе и твоему спутнику остаться в моем дворце. Ты можешь просить у меня все, что угодно. Торговаться с тобою я не стану. У меня же будет лишь одно пожелание. Я должен провести с этой женщиной одну единственную ночь. После этого я оставлю ее в покое и даже стану первейшим ее защитником. Если кто-нибудь из этих скотов посмотрит на нее так, что...

Конан расхохотался:

— Уж не обезумели ли вы, мой господин? Ваши люди не смогут не смотреть на нее. Если же они не будут делать этого, то подруга моя расстроится так, что последствия этого для меня будут еще более огорчительными. Не следует говорить о несбыточном, мой господин, — лучше предложите мне что-нибудь иное, пусть даже оно и не будет казаться столь же благородным.

Илльяна лежала на ковре, извиваясь по-змеиному. Ахмай вздохнул и, прищурившись, посмотрел в глаза киммерийцу.

— Я уступлю тебе Дессу.

Конан на миг задумался, но тут же согласно кивнул головой. Ахмай заулыбался и, хлопнув в ладоши, приказал рабыне подойти поближе. Та гордо пересекла залу, пытаясь держать себя так, словно, кроме нее, в зале женщин не было.

— Сегодняшнюю ночь ты проведешь с моим новым другом, — сказал Ахмай. — Думаю, ты придешься ему по вкусу, да и он, судя по всему, тебе понравится.

— Как прикажете, мой господин. — Десса улыбнулась, заметив, что Конан, в отличие от хозяина замка, смотрит только на нее. — Ваш приказ для меня — закон.

Она перескочила на другую сторону стола и уселась на колени киммерийцу. Того раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, теперь он мог выкрасть Дессу, с другой — он не имел ни малейшего понятия о том, как же собиралась выходить из этой ситуации его хитроумная спутница.

Он заметил у себя под ногами набедренную повязку Илльяны и машинально поднял ее с пола. Пальцы его руки внезапно стало покалывать. Он уже хотел было отбросить тряпичку в сторону, но тут в сознании его прозвучало бесплотное: "УСПОКОЙСЯ, КОНАН! ЧАРЫ МОИ ВЕЛИКИ, И ПОТОМУ АХМАЙ НЕ ЗАМЕТИТ НИКАКОГО ПОДВОХА. ОН БУДЕТ УВЕРЕН В ТОМ, ЧТО ЭТУ НОЧЬ Я ПРОВЕЛА С НИМ. ТЕПЕРЬ ТЕБЕ И ДЕССЕ СЛЕДУЕТ УЙТИ. Я ДОГОНОЮ ВАС."

Голос смолк так же внезапно, как и зазвучал. Конан скомкал в руке набедренную повязку Илльяны и сунул ее за пазуху. Десса, заметив это, обронила:

— Со мною ты ее в два счета забудешь. Тряпку же эту ты выбросишь за дверь.

Конан довольно ухмыльнулся. Начало ночи обещало быть интересным, об остальном же он пока не думал.

Свернувшаяся калачиком Десса мирно спала, положив свою головку на могучее плечо киммерийца. Он с удовольствием заснул бы и сам, но этого делать в его положении как раз и не стоило — в нескольких шагах от него, за соседней дверью, находился человек, который в любую минуту мог стать его, Конана, врагом, человек, который этим врагом был и на деле.

Тихо постучали. Конан схватил меч, беззвучно, словно кошка, подобрался к двери и, отодвинув задвижку, распахнул ударом ноги.

Перед ним стояла Илльяна, вновь одетая в мужское платье. Она была крайне бледна, под глазами ее виднелись глубокие круги.

Она вошла в комнату и тут же прикрыла за собой дверь. Конан предложил ей вина, однако на предложение это волшебница ответила решительным отказом:

— Нет, нет. Все это пустяки, просто я захотела спать. Что до Ахмая, то он действительно спит, при этом ему снится, что он спит со мной. Можешь себе представить, что он при этом видит и испытывает.

— Откуда же девственной волшебнице ведомо то, что происходит между мужчиной и женщиной?

Илльяна вздрогнула, но тут же взяла себя в руки и, стараясь не смотреть на Конана, пробормотала:

— Мне пришлось поинтересоваться этим. Большего я тебе не скажу.

Конан счел за лучшее промолчать. Он самолично опорожнил кубок с вином, набросил на себя одежды и принялся расталкивать Дессу.

Со стены послышался крик стражи:

— Пятый час! Порядок полный!

Стража никто не услышал — вся Крепость была объята сном.

Конан подошел к двери, ведшей во двор, и тут же обнаружил, что она заперта. Илльяна отстранила его и протянула к двери руку, в которой поблескивал Камень Курага.

Киммериец покачал головой. Он мог справиться с любым замком и сам, причем для этого ему не пришлось бы прибегать к особым ухищрениям: воровскому делу его обучили люди из Заморы, для которых не составляло никакого труда открыть любой, сколь угодно хитроумный замок.

Двор казался совершенно безжизненным, лишь огонь жаровни, стоявшей за воротами стойла, указывал на то, что люди здесь все-таки есть. Киммериец нахмурился. Им надлежало идти именно к стойлу, которое, судя по всему, было единственным охраняемым местом во всей Крепости.

Холодный ночной воздух вывел Дессу из полусонного состояния. Она завертела головкой, пытаясь понять, куда же они направляются.

— Куда вы меня ведете? К Ахмаю нужно идти другой...

— С чего ты взяла, что мы идем к нему? — усмехнулся Конан. — Мы ведем тебя к твоему суженому, Масуфу. Он тебя ждет не дождется.

— К Масуфу? А я-то думала, что его давно нет в живых!

— Неужели ты не получала его посланий? — удивилась Илльяна. — Он ведь посыпал их не раз.

— Какие-то письма я действительно получала. Но разве можно верить письмам?

— Им-то люди как раз и склонны верится деточка, — прошептал Конан и подошел поближе к рабыне, заметив, что та готова закричать в любую минуту. Едва Десса набрала в легкие

побольше воздуха, он заключил ее в объятья, зажав ей рот своей огромной ладонью.

Илльяна приблизилась к рабыне и возложила руку ей на голову. Конан почувствовал сильное головокружение и едва не выронил из рук внезапно обмякшее тело Дессы.

— Что ты сделала? — прохрипел он, изумленно глядя на светящийся призрачным светом Камень Курага.

— Я ее просто-напросто усыпила.

— Так быстро?

— У нее слабая воля, и потому особого сопротивления она оказать не могла. Будь на ее месте ты, мне пришлось бы потрудиться.

— Ох и не нравится мне все это...

— Конан, неужели мое волшебство пугает тебя и поныне? Как мне доказать тебе, что оно не несет с собой зла?

Киммериец мрачно усмехнулся:

— Я не поверил бы в это, даже стань я благодаря твоей магии королем Аквилонии. Так что не трать время понапрасну. К тому же злой я считаю совсем не тебя, но лишь твою магию и все, с нею связанное.

Илльяна улыбнулась.

— Хорошенький комплимент, ничего не скажешь.

Раскаленная жаровня стояла у выхода из конюшни. Конан вошел вовнутрь однако стражей так и не увидел. Илльяна отправилась за жеребцами, он же осторожно опустил тело Дессы на сено и вынул из ножен меч.

Прошло несколько минут, однако волшебница все не возвращалась. И тут из глубины стойла послышались какие-то звуки. В следующий миг он увидел пошатывающихся стражей, ведших под руки хмельную полураздетую, хихикающую женщину.

— Привет, киммериец, — сказал один из воинов. — Хочешь немного поразвлечься?

— Вы бы лучше мне вина предложили, — буркнул в ответ киммериец.

— Запросто, — ответил ему второй страж. — Фаруш, если мне не изменяет память, последним пил ты. Верно? Стало быть, иди за кувшином придется именно тебе.

— И не подумаю, — мрачно пробасил первый. — Хочешь, иди туда сам.

— Чтобы я оставил тебя наедине с Хирой? Ты что, за идиота меня держишь?

Не успел Фаруш ответить своему сотоварищу, как из глубины стойла показалась Илльяна, ведшая за собою жеребцов.

— Смотрите, кто к нам пожаловал! Может, станцуешь для нас, милочка?

— К сожалению, я занята, — ответила Илльяна. — Надеюсь, вы не обидитесь на меня за это.

За видимым спокойствием, с которым она произнесла эти слова, Конан почувствовал крайний испуг.

— Нет, моя хорошая. Ты уж нас зря не обижай, — отозвался воин, взявшиесь за рукоять своего кинжала.

— Я вновь должна ответить вам отказом. Я слишком утомлена, чтобы танцевать вновь.

— Ну что ж, — осклабившись прохрипел воин, — тогда мы станцуем лежа. Есть такой танец. Называется он...

Договорить воин уже не сумел, так же как он не сумел и вынуть из ножен свой клинок. Киммериец ударил его в челюсть с такой силой, что он отлетел к воротам, ударился головой о перекладину и повалился на богато уnavоженную землю бездыханной массой.

Фаруш мгновенно прозрел и, выхватив кинжал из ножен, бесстрашно пошел на неприятеля, явно превосходившего его силой.

"Как это Ахмая удалось воспитать таких воинов?" — изумился Конан.

В этот миг девица, успевшая привести свое платье в порядок, пронзительно завизжала. Заставить ее замолчать можно было только лишив ее жизни, что было не в правилах по-своему галантного киммерийца. Девица вновь закричала что было сил:

— На помощь! На помощь! В конюшне воры! В конюшне воры! На помощь!

Она бросилась наутек. Фарущ, заметивший смятение неприятеля, поспешил последовать ее примеру.

Конан повернулся к Илльяне.

— Теперь можешь и поколдовать.

Илльяна нахмурилась.

— Если ты думаешь, что у наших лошадок вырастут крылья, то ты ошибаешься.

— Разрази тебя гром, женщина! Сейчас не время шутить!

— Что верно, то верно. Если ты сможешь задержать неприятеля хотя бы на пару минут, я попробую что-нибудь придумать.

Конан перевел взгляд на ворота, которыми запиралось стойло. Разбить их возможно было разве что тараном. Уже не раздумывая, он бросился к ним. Едва он затворил тяжелые дубовые створки и задвинул широкие железные затворы, как со двора послышались крики и отборная ругань.

Темную конюшню стал заливать неяркий изумрудный свет. Конан обернулся и посмотрел на засиявший неожиданно ярко Камень Курага, прикрепленный к браслету, надетому на запястье Илльяны. Последняя вела себя крайне странно — она снимала с себя тунику.

— О боги, чем же я вас так прогневал! — возопил киммериец.

Илльяна улыбнулась, блеснув зубами:

— Неужели ты не знаешь о том, что колдовать нагишом куда удобнее?

— А ведь верно! Любая нагая женщина под стать колдунье!

— Скоро я и тебя волшебству научу, киммериец.

Шум и крики за стеной не смолкали ни на минуту. Илльяна уже сбросила с себя все одеяжды. На одной ее руке горел Камень Курага, на другую был надет резной браслет из слоновой кости. В призрачном изумрудном свете она казалась атлантийской богиней, поднявшейся со дна морского для того, чтобы отомстить тем, кто был повинен в гибели ее народа.

Конан взял в руки кинжал и поспешил к крайним стойлами разрезая на ходу ремни, которыми кони были привязаны к столбам. Освободив так всю конницу Ахмая, он подбежал к Илльяне, стоявшей возле своего жеребца.

— Больше нам здесь делать нечего.

Киммериец положил Дессу поперек седла и взобрался в седло сам. Илльяна подняла руку с Камнем и забормотала:

— Хаос, Хаос, проклятый трижды, заклятьем тройным тебя, о Хаос...

Далее следовало нечто крайне невразумительное и в то же время велеречивое. Конан негромко чертыхнулся и покачал головой.

Невесть откуда налетевший ветер закружил по конюшне, вздымая в воздух кипы соломы, разбросанные по земле. Жаровня внезапно опрокинулась набок, и из нее выссыпалось несколько раскаленных угольков, тут же воспламенивших своим жаром разметанную вокруг солому. Пламя мгновенно окрепло и с ревом набросилось на стены конюшни, пытаясь достать своими жаркими языками до перекрытия.

Илльяна сжала руку с Камнем в кулак и выбросила ее вперед отчего ворота с треском распахнулись, словно сокрушенные тяжелым тараном.

— Хайа-а-а-а! — заорал Конан и, пришпорив своего жеребца, направил его прямо на воинов

Ахмая.

Животное, явно не привыкшее к подобным передрягам, сделало пару скачков вперед и, возмущенно заржав, перешло на шаг. Конану, несмотря на это, так и не пришлось сразиться с неприятелем, — вид Илльяны сразил наповал тех немногих воинов, что были исполнены решимости сойтись с ним в бою. Нагая, сияющая изумрудным светом волшебница, восседающая на спине огромного храпящего скакуна, выглядела, мягко говоря, жутковато.

Илльяна сделала три круга по двору, после чего в нем не осталось ни души, и забормотала новое заклинание.

Камень Курага засиял ярче прежнего и испустил тонкий ослепительный луч, тут же обративший в ничто железные петли и запоры крепостных ворот. Не прошло и минуты, как врата с грохотом рухнули наземь, подняв тучи пыли. Ни Конан, ни Илльяна не хотели испытывать судьбу понапрасну, к тому времени, когда пыль осела, они были уже далеко.

Проехав примерно половину пути до того места, где их ожидали Раина и Масуф, путники решили сделать небольшой привал. Конан остановил коня и, приложив ладонь к уху, прислушался. Судя по всему, преследовать их никто

— Если им и удастся спасти своих коней, — бросила Илльяна, — они вряд ли смогут успокоить их.

— Неужели вы думаете, что они не станут искать меня? — тут же возмутилась Десса.

— Во-первых, милочка, у них нет коней. Во-вторых, их предводитель спит таким крепким сном, что его теперь и гром не разбудит! Не забывай, что мы имеем дело не с волшебниками, а с самыми обычными людьми, усмехнулся Конан.

— Она-то уж точно волшебница! — прошептала Десса, взглянув на Илльяну. — Что до тебя, то ты обычный солдафон, это по тебе сразу видно.

С минуту помолчав, она спросила:

— Для чего вы увезли меня из Крепости?

— Разве ты забыла? Мы хотим вернуть тебя твоему суженому. Тебя — ему, а тебе — его. Ты понимаешь?

Илльяна достала из подсумка свою одежду и стала неспешно облачаться в нее. — Все это время она скакала совершенно нагой, ни разу даже не пожаловавшись на ночную прохладу, от которой озяб и привычный ко всему Конан.

Десса была куда капризнее... Взяв у Илльяны платье, предназначенное для нее, она с минуту помедлила и затем бросила его наземь с таким отвращением, словно держала в руках клубок змей.

— Я не хочу надевать ее платье! Оно заколдованное!

— Тогда надень мое! — вновь усмехнулся Конан и бросил рабыне одну из своих туник.

— Спасибо и на том, — фыркнула Десса. — Одного не пойму — с чего вы взяли, что я останусь с вами?

Конан и Илльяна встретились взглядами. К волшебнице дар речи вернулся раньше.

— Десса, Масуф любит тебя. Он сам говорил мне об этом, — негромко сказала она.

— Мало ли что он говорит! Он любит только золото — золото и деньги! Именно по этой причине он и стал рабом. С Ахмаэем мне было куда лучше, чем с этим скрягой. Я бы согласилась и в "Трех Грошах" работать, лишь бы к нему не возвращаться!

Рабыня повернулась к Конану:

— Капитан, может быть, вы сможете предложить мне и какую-нибудь обувь? Дорожка-то мне предстоит, сами понимаете, какая неблизкая...

— Кром! — вырвалось у Конана. Он умудрился взять себя в руки и уже спокойно добавил: — Десса, мы должны вернуть тебя Масуфу. Мы у него в долгу. Боги же ох как не любят

неоплаченных долгов.

Десса открыла было рот, но, увидев выражение глаз киммерийца, решила промолчать.

— Если ты считаешь, что в Крепости тебе устроят торжественный прием, то ты здорово заблуждаешься, — продолжил Конан. — Они станут подозревать тебя во всех смертных грехах и отправят тебя куда-нибудь на кухню... Помимо прочего, я сделаю все возможное для того, чтобы ты туда уже не вернулась. Ты слышишь меня, Десса?

Он снял с седел фляги и отправился на поиски родника.

Они выехали в то время суток, которое иранистанцы почему-то считают утром, хотя иные люди скорее склонны считать ночью, ибо тьма в этот час стоит еще такая, что хоть глаз выколи.

Конан и Раина решили не перетруждать зря своих жеребцов и повели их в поводу. Для Дессы и Масуфа заранее была приготовлена пара жеребцов, и потому каждый из путников скакал в своем седле. Ни раба, ни рабыню нельзя было назвать опытными наездниками, и это сильно сказывалось на скорости их передвижения. В случае опасности Конан и Раина приняли бы своих новых спутников в свои седла, ибо в противном случае те были бы изловлены неприятелем в два счета.

К счастью, пока их никто не преследовал, что, впрочем, казалось крайне подозрительным обстоятельством пусть они и избегали все это время не только торных путей, но и горных тропок. За время пути они встречали людей лишь дважды: в первый раз это был пастух, во второй — отшельник.

— Горцы — люди молчаливые, — негромко сказал Конан. — Золото и пытки могут развязать язык кому угодно, но вот время на это уходит разное. Пытать их Ахмай скорее всего не станет, ведь Крепость его в конце концов стоит именно на их землях. Верно!

— Нас видят не только пастухи, — отозвалась Илльяна. — Нас видят и их овцы.

— Насколько я понимаю, и овцы, и козы умеют держать язык за зубами, улыбнулся Конан. Утро стояло прекрасное, и настроение у него было лучше некуда, тем более что вчерашняя стычка закончилась полным посрамлением противника.

— Можно заставить говорить и немого, — настаивала на своем Илльяна.

— Интересно, каким же это образом? — рассмеялся киммериец. Представляю, как Ахмай будет разговаривать с овцами! "Если вы будете молчать, я изжарю вас себе на ужин!" А они ему в ответ «мэ» да «бэ», «бэ» да «мэ»!

— Это делается иначе.

— Неужели есть и такие заклинания?

— Разумеется. Говорить баран не станет, но увидеть то же, что видел и он, совсем не сложно.

— И ты думаешь, Ахмаю ведомы такие заклинания?

Погожее утро тут же стало казаться Конану по-киммерийски холодным.

— Ни он сам, ни его слуги заклинаний не знают. Но ему это и не нужно. Похоже на то, что Ахмай знаком с Эремиусом, тому же ведомы все заклинания без изъятия. Как ты помнишь именно Эремиус владеет вторым Камнем Курага. Я познакомилась с ним десять лет тому назад и за время знакомства успела понять, что он знает и умеет куда больше моего.

Волшебница изобразила на лице некое подобие улыбки.

— Утешает меня лишь то, что он не знает об этом. К тому же за эти десять лет я смогла кое-чему научиться.

Улыбка Илльяны стала пошире.

— Конан, я смотрю, ты начинаешь всерьез интересоваться магией. Как же прикажешь тебе понимать — ведь совсем недавно ты говорил мне о том, что боишься и думать о ней?

— Магия магии рознь. То, что я видел вчера меня не только не пугает, но скорее привлекает. Впрочем, может быть, ты устроила весь этот маскарад только для того, чтобы показаться предо мной в столь импозантном виде...

Илльяна густо покраснела и тут же отъехала к Дессе и Масуфу. Конан пришпорил своего коня и нагнал Раину, бормоча что-то о бесноватых женщинах, которые при всем своем

целомудрии никак не могут считаться подлинно целомудренными.

— Ну у тебя и шутки! — прошипела Раина.

— Что-то я тебя не понимаю. Неужели я мог оскорбить ее?

— Говорить о чужих тайнах я не привыкла. Придет время, и Илльяна сама расскажет тебе обо всем. Пока же тебе следует помалкивать.

— Но ведь при этом я становлюсь похож на слепца, — я не понимаю ни того, с кем мне предстоит сражаться, ни того, почему я должен относиться к этому человеку как к врагу...

— Не стану спорить с тобой. Но я назвала бы тебя не слепцом, а скорее одноглазым.

— Будь по-твоему. Но ведь у противника моего цели оба глаза, верно? Неужели мастер Барафрас не смог научить тебя и самым простым вещам? Тебе придется вернуться на родное боссонское болото и потребовать со своего наставника плату за обучение, ибо...

Раина едва не ударила его по губам. Он с трудом сумел перехватить ее руку.

— Ты находишь глупой и эту мою шутку?

— Отпусти меня сию же минуту! Чтоб у тебя язык отсох, варвар!

— Если он у меня не отсох и поныне то отсохнет не скоро, милая. Кто только меня не проклинал — и благородные люди, и отъявленные мерзавцы...

И тут киммериец заметил, что глаза Раины наполнились слезами. Он выпустил ее локоть из руки и отъехал в сторону. Она было зарыдала, спрятав лицо в ладонях, но вскоре справилась с собой и, обратившись к нему, заговорила:

— Прости меня, Конан. Ты даже и не представляешь, насколько груба и глупа твоя шутка! Я изгнана из Боссонии! У меня нет дома, у меня есть только моя госпожа. И я должна благодарить богов за то, что ею стала именно Илльяна, а не кто-то другой! Как видишь, я не случайно храню ей верность. Ну а теперь, мой киммерийский друг, скажи мне — как тебе нравится то, что капитан Хаджар на деле служит не кому-нибудь, а именно властителю Хауме?

Кровь ударила Конану в голову. Он и сам не заметил того, как рука его сжалась а кулак. Раина, заметив это, засмеялась.

— Видишь как все просто! А ведь я обязана своей госпоже куда большим! Боссонцы говорят так: "Не трогай моих овец, тогда и собаки мои тебя не тронут". Как тебе это нравится?

Конан вновь подъехал к ней и, нежно обняв, прошептал:

— Мудрые люди эти самые боссонцы...

Не прошло и минуты, как последние из прихваченных с собою бычков были умерщвлены. Отовсюду слышались треск костей и чавканье — Трансформыправляли свою трапезу. Время от времени тот тут, то там разгорались ссоры, вызванные спором за лучшие куски.

Эремиус не боялся того, что ссоры эти закончатся кровью. Дисциплинированными воинами Трансформы, разумеется, не были, однако их командиры каким-то образом умудрялись наводить в своем войске порядок. Иногда это оборачивалось для Эремиуса потерей одного-двух бойцов, но считать это серьезной потерей было бы смешно, и потому Эремиус старался не обращать на это внимания, понимая, что в каком-то случае потери могли бы оказаться куда более серьезными.

Сегодня серьезных драк можно было не бояться. Трансформам был предложен щедрый обед, за которым должно было последовать настоящее пиршество, украшением коего должна была стать добытая в бою человечья плоть, о чем, разумеется, было сообщено и Трансформам.

К скамье Эремиуса поднялся капитан Наэро. Упав на колени, он забормотал:

— Господин, вода в ручье стала непригодной для питья, она красная от крови! О запахе я уже и не говорю!

— Трансформам это не повредит. Неужели ты забыл об этом?

— Я о них и не говорю, мой господин! — На лице капитана выступили бисеринки пота. — Вы, вероятно, забыли о том, что кроме Трансформ здесь есть и люди. Людям же нужна чистая

вода.

— Неужели они не могут подняться выше по течению и набрать воды в свои фляги! — раздраженно ответил Эремиус.

Раздражение его было так велико, что магический жезл сам собою поднялся в воздух и подлетел к голове капитана. Эремиус позволил жезлу коснуться щеки бестолкового командира и легким движением руки заставил его остановиться.

— Когда вы будете иметь собственные головы на плечах? Неужели ты так туп, что не можешь даже напоить своих людей? Ступай к ним и в следующий раз не беспокой меня понапрасну!

Наэро поклонился и тотчас исчез.

Эремиус опустился на скамью, положив посох на колени, и задумался. Надеяться на то, что в сегодняшней битве погибнут все его люди, успевшие за время похода изрядно надоест ему, не приходилось. Жители деревень редко оказывали его воинству серьезное сопротивление.

Помимо прочего, он и поныне нуждался в услугах Наэро и его собратьев, что были так же тупы, как и их капитан. Пока он владеет лишь одним из двух Камней Курага, люди необходимы ему.

Он любил думать о том счастливом времени, когда он завладеет и вторым Камнем, когда он не только раз и навсегда рас прощается с людьми, но и сможет взрастить новые поколения Трансформ, что пока, в отсутствие оного, были бесплодны, ибо женщины их были неспособны к зачатию.

Было известно, что дети Трансформ вырастают всего за год и это означало, что на покорение мира у него уйдет всего несколько лет. Не уди от него Ильяна, и его победное шествие началось бы уже десять лет тому назад. Впрочем, теперь, когда он был так близок к победе, это уже не имело никакого значения, хотя мысль об этом огорчала его так же сильно, как и прежде.

— В этом ручье не вода, а кровь!

— Его прокляли демоны!

— За что боги так немилосердны к нам?

— Найти его!

Бора решил, что ждать ему больше нечего, и бегом бросился к ручью. С каждым мгновением крики становились все громче. Так же быстро Бора бежал и в ту ночь, когда за ним гнались демоны. Уже через минуту он стоял на берегу ручья, что был неизменно чист и ясен, словно глаза его сестры Карайи. К ужасу мальчика, вода в ручье действительно приобрела цвет крови. По поверхности ее плыла странная слизь, издававшая резкий тошнотворный запах.

Деревенские жители расступались перед ним, позволили ему выйти на самый берег. "Интересно, — подумал мальчик, — кого они боятся: меня или этой вони?" Он усмехнулся, но тут же придал своему лицу серьезное выражение. Засмейся он сейчас, и остановиться ему уже будет непросто.

Задержав дыхание, он стал на колени и зачерпнул из ручья полную ладонь кровавой жижки. Он принюхался и внезапно улыбнулся.

— Теперь мы знаем, что стало с коровами Перека! — воскликнул он. Похоже, в нашу речку свалилось все его стадо! Бедный Перек!

— Это не он, а мы бедные! — раздался чей-то голос. — Что нам теперь к колодцу ходить?

— Ничего другого не остается, пока вода не очистится, пить из ручья нельзя. Разве вы не согласны с этим?

Многие закивали. Других же слова мальчика лишь раззадорили:

— Ты уверен, что в нашу речку его коровы свалились сами? — спросил один из деревенских

жителей. О «демонах» он не сказал ни слова, но все поняли, что говорит он именно о них. — И еще: ты уверен, что ручей наш очистится?

— Если с ним произошло что-то противоестественное, то и вода в нем должна стать не водой, а чем-то другим, верно? — ответил Бора. Он тяжело вздохнул и добавил: — Сейчас я войду в воду. Если я выйду из ручья невредимым, значит, ничего страшного не произошло.

Слова мальчика вызвали неоднозначную реакцию: одни запротестовали, другие ответили одобрительными криками. Не обращая внимания на односельчан, Бора стал снимать с себя одежды.

Вода была такой же холодной, как и обычно. Бора вошел в ручей по пояс, решив про себя, что погружать в него голову он не станет.

Он оставался в воде до тех пор пока не перестал чувствовать ее холода. К этому времени на берегу установилась полная тишина. Ставяясь двигаться неспешно, он направился к берегу.

Добрая дюжина селян протянула ему руки, предлагая свою помощь; кто-то успел сходить и за полотенцем. Когда мальчик оказался на берегу, тело его стали растирать сразу несколько человек, и уже через пару минут кожа Боры приобрела былой розовый цвет.

Он увидел направлявшуюся к нему Карайю, несущую ему чашу с горячим поссетом. Взгляд ее был исполнен такой грусти, какой ему еще не приходилось видеть, однако на остроту ее языка она грусть, казалось, нисколько не повлияла:

— Бора, я смотрю, ты сдурел вконец! Ты почему о нас не думаешь? Что бы мы делали, если бы демоны прибрали тебя к себе?

— О ком, о ком, а о них-то уж я не думал! Доказать же другим то, в чем я сам не сомневался, я мог только так. Не поступи я так, и наши милые соседи решили бы, что во всей этой напасти повинен только я. Да они разорвали бы меня на части!

— Они не посмели бы поднять на тебя руку!

Будь глаза Карайи луками — половина деревни лежала бы уже бездыханной.

— Карайя, запомни хорошенъко: когда человек чего-то боится, он способен на страшные поступки. Неужели ты еще не знаешь этого? — Мысль эта принадлежала Ивраму, но ссылаться на него Бора не стал.

Какая-то добрая душа принесла из дома ведро горячей воды и губку. Бора обмыл себя, насухо вытерся и только после этого облачился в одежду. Люди взирали на него так, словно лицезрели не подобного себе, но посланника небес.

Он обратился к ним, едва сдерживая свой гнев.

— Вы что, так и будете торчать здесь? Если вы считаете, что колодца недостаточно, вы можете носить воду из Зимовья. Я думаю, тамошние жители не станут возражать против этого. Если же вы так и будете стоять разинув рот, то в ваших глотках птички совьют себе гнезда. Вы слышите меня, олухи?

Бора замолчал. Он, шестнадцатилетний мальчишка, и так сказал слишком многое своим односельчанам, многие из которых годились ему если не в деды, то в отцы.

И тут, к своему удивлению, он увидел, что люди, обступавшие его, закивали все, как один. Он отказался выбирать тех, кто должен был отправиться в Зимовье за водой, сделав вместо этого нечто весьма странное. Он обмакнул край полотенца в воду и, обвязав им свою левую руку, важно изрек:

— С этим я отправлюсь к Ивраму. Если демоны и причастны к этому, то не мне, Боре, сыну Рафи, бояться их. Иврам же по этому следу не только поймет природу происшедшего, но и научит нас, как вести себя дальше.

На деле Бора в этом уверен не был. Он слышал о том, что Иврам, несмотря на свою принадлежность к жреческому сословию, был весьма искушен и в делах магии; слух же этот,

однако, был ненадежен и вполне мог оказаться лживым...

Судя по всему, демоны (в том, что причиною всего были именно они, Бора не сомневался ни минуты) были где-то совсем рядом. Послать людей на их поиски означало бы приговорить их к смерти. Ждать же, когда демоны сами заявятся в деревню, было по меньшей мере глупо. Бора не знал, как ему следует поступить в этой ситуации. У него не было особых надежд и на жреца; но тот, по крайней мере, мог помочь ему скрыть собственное его незнание. Об опасениях своих он мог говорить теперь лишь с Иврамом и Мариам.

К полудню Конан решил, что они могут покинуть горы и направиться к Заставе Земана. Сам он предпочел бы передвигаться ночью, но ни Десса, ни Масуф не были способны на это, и потому оочной езде не приходилось и говорить.

— У них было бы куда больше сил, не ругайся они каждую минуту, сказал он Раине. — Еето наказывать я не стану, а вот с Масуфом церемониться не буду! Это ему только на пользу пойдет, да и всем остальным от этого только лучше будет.

— Мне кажется, он тебя не поймет, — ответила Раина. — Ты знаешь, есть такая порода людей: как только какое-то их желание исполняется, они начинают желать прямо противоположного. Масуф и сам не понимает, чего же он хочет.

— Меня это не интересует, — прорычал Конан. — Если у этой парочки нет родни, я сам заплачу за их свадьбу. Не тащить же их за собой в горы!

Когда отряд въехал в город Харук, Десса и Масуф поссорились вновь. Замолчали они лишь тогда, когда Конан нашел гостиницу с крепкими стенами, черным ходом и совсем недурным вином. Ссора вспыхнула вновь только после того, как Илльяна сказала, что для них отведена отдельная комната.

— Я туда не пойду! — тут же заявила Десса.

— Глупенькая, да я же тебя пальцем не трону, — проблеял Масуф таким голосом, что поверить в искренность его слов было совершенно невозможно. И чего ты меня так боишься, цыпочка?

— Боюсь? Тебя? Если бы ты действительно был мужчиной, я бы еще могла испугаться тебя, но...

Заметив устремленные на нее взгляды Илльяны, Раины и Конана, Десса замолкла на полуслове. Масуф побагровел и дрожащим голосом пробормотал:

— Так, значит, я, по-твоему, еще и не мужчина? Да кто ты такая, чтобы мне об этом говорить? Таких шлюх, как ты, еще свет не видывал...

Своей пощечиной Десса могла бы и прибить Масуфа, но тут в разговор вмешался Конан. Он схватил рабыню за шиворот, распахнул дверь в ее комнату и, пару раз тряхнув, бросил Дессу на кровать.

— Теперь ты, Масуф, — сказал он недавнему рабу, пытаясь говорить как можно спокойнее, — будь так любезен, войди в эту комнату. Если ты не сделаешь этого, ты влетишь сюда, словно птичка, понял?

Масуф принял чертыхаться, однако ослушаться киммерийца не посмел.

Конан забросил в ту же комнату скарб новобрачных и, прикрыв дверь, запер ее снаружи.

— Возьми! — Илльяна протянула ему кубок, до краев наполненный вином. Конан одним глотком опорожнил его и, вытерев рот рукавом, поклонился волшебнице:

— Вот спасибо, так спасибо! — Он хотел было разразиться пространным рассуждением о том, чем, вообще говоря, женщина может угодить мужчине, но тут же остановил себя, решив не бередить старые раны.

— Интересно, как пройдет у них эта ночь? — промурлыкала Раина, обняв Конана за талию. — Надеюсь, у меня она пройдет спокойно.

— Если это так, то почему же ты здесь, а не в постели?

— О, только об этом я и мечтаю! Знали бы вы, как мне хочется спать! Тон, которым она произнесла эти слова, заставил засмеяться даже Ильяну.

— О боги! — воскликнул киммериец. — Неужели ты не можешь подождать? И на лучшем рысаке далеко не ускакешь, если в животе у него пусто!

Где-то совсем близко кричала женщина. Конан деливший ложе с Раиной, в эту минуту мог думать о чем угодно, но только не о женщинах. Скорее всего, это была Десса. В том, что она сможет справиться с Масуфом и в одиночку, Конан не сомневался. Кряхтя, он повернулся на бок и тут...

Тут крик раздался вновь. Только на сей раз он был куда громче. Раина окаменела и устремила взгляд к двери.

— Это какая-то... — зашептал было Конан, но горянка тут же прервала его:

— Это Илльяна! Моей госпоже что-то угрожает!

Райна спрыгнула с кровати и, схватив со стола свой пояс, понеслась к двери. Конану не оставалось ничего другого, как только последовать за ней.

Десса и Марф уже стояли перед комнатой волшебницы. На Дессе, так же как на Рaine и киммерийце, были хоть какие-то одежды, Масуфу же пришлось замотаться в одеяло. Едва Конан подошел к двери, как крики смолкли.

— Вы что, так и будете стоять? — зло зашипел Конан.

— Мы пытались выставить дверь, но то ли запоры у нее слишком крепкие, то ли заговорил ее кто... — Масуф сказал это так, словно происшедшее совершенно не интересовало его, сам же он в это время буквально поедал глазами Раину.

Из комнаты послышалось тихое поскуливание.

Конан отошел к противоположной стене и бросился на дверь, которая явно не была рассчитана на то, чтобы к ней прикладывались плечом великаны, — она с треском сорвалась с петель и рухнула внутрь комнаты.

Конан влетел вовнутрь едва не споткнувшись об Илльяну, сидевшую на полу возле кровати. Она нервно покусывала уголок простыни, в которую было закутано ее тело.

На левую руку волшебницы был надет браслет, на котором сверкал Камень Курага. Изумрудное сияние, источаемое им, было столь ярким, что Конан зажмурился.

— Не прикасайся к ней! — завопила Раина.

— Но ведь должен же ей кто-то помочь!

— Ты не только не поможешь, но наверняка навредишь ей! Сейчас трогать ее нельзя!

Конан остановился в растерянности, и в тот же миг Илльяна, потеряв сознание, упала на пол. Свет, исходивший из камня, тут же погас.

Сев на колени возле своей госпожи, Раина приложила ухо к ее груди и застыла. Конан отошел к двери и осторожно выглянул наружу. В коридоре не было ни души.

Десса плюхнулась на кровать, вызвав тем крайнее неудовольствие Раины.

— У тебя что — совсем в голове пусто?

— Было бы пусто, не сидела бы я здесь с вами!

— Ладно вам! — усмехнулся Конан, вспомнив вдруг аграпурские таверны и тамошних танцовщиц. Попади Десса в руки Пиле, та бы из нее живо человека сделала...

В этот миг вернулся Масуф, за которым следовали хозяин гостиницы и пара дюжих слуг. Конан кивком головы указал им на свой клинок, и они застыли, не смея заходить в комнату.

— Что это вы затеяли? — проревел хозяин гостиницы. Присмотревшись получше и заметив лежащую на полу нагую женщину, он усмехнулся и спросил уже другим тоном: — О-х-х, если уж вам так нужна женщина...

— Заткнись! — грубо оборвал хозяина киммериец. — Моей госпоже приснился дурной сон, и только. Если ты посмеешь говорить о ней дурно, я найду способ наказать тебя так, чтобы ты

запомнил это на всю жизнь. Она только что потеряла своего мужа, понимаешь?

Слова киммерийца странным образом тут же успокоили хозяина. Он уже собрался уходить, но тут Илльяна приоткрыла глаза и забормотала:

— Трансформы. Их не остановить — слишком далеко... Попытайся... попытайся хотя бы воспрепятствовать им... Кто-то должен это сделать... Попытайся — иначе, — (далее шло нечто невразумительное), — иначе обречены все...

— Не иначе, колдовство! — ахнул один из слуг, в ужасе попятившись назад. Второй слуга был уже где-то на лестнице. Хозяин, однако, уходить раздумал, — склонив голову набок, он обвел взглядом присутствующих и проревел:

— Я вызову сюда стражу! Если эти остолопы сюда не явятся, я подниму на ноги весь город. Еще никогда в моей гостинице не происходило ничего более омерзительного...

— Теперь тебе и весь город вряд ли поможет! — презрительно процедила сквозь зубы Раина, поигрывавшая острым как бритва клинком. Владелец гостиницы переменился в лице и резко отшатнулся назад едва не слетев при этом с лестницы.

— Не надо так горячиться, дружище! — примирительным тоном сказал киммериец, чудом успевший схватить хозяина за руку. — Моя госпожа действительно кое-что смыслит в магии. Мало того, она чувствует, когда к магии прибегают другие. Враг, о котором она сейчас говорила, куда страшнее всего ведомого вам, и потому вам не остается ничего иного, как только принять ее сторону. В этом случае она сможет защитить вас.

Хозяин нахмурился, но былая тревога тут же оставила его. Киммериец выпустил его, и он стал неспешно спускаться вниз по лестнице.

— Возможно, теперь он не будет действовать очертя голову. Хотя я могу и ошибиться. Эти идиоты слуги через пару минут вернутся сюда вместе со стражей. Нам нужно уходить. И чем быстрее мы это сделаем, тем лучше.

Илльяна покачала головой.

— Я должна делать то, что делаю. Иначе этот кошмар заполонит собою все.

— Если то страшное, о котором ты говоришь, находится где-то далеко...

— Это не имеет никакого значения. — Илльяна смерила Конана ледяным взглядом. — Когда я сбежала от Эремиуса, я поклялась мстить ему всегда и всюду. Противостоять ему сейчас я просто обязана. В противном случае справиться с ним будет уже невозможно. Надеюсь, ни ты, ни Раина не станете мешать мне.

Судя по всему, уходить волшебница не собиралась; Раина, скорее всего, должна была принять сторону своей госпожи, пусть даже это стоило бы ей и жизни. Говорить с ними о чем-либо было бессмысленно.

— Воля ваша, — пожал плечами Конан. — Занимайтесь своими делами, я же тем временем начну собирать вещи. Насколько я понимаю, в горы отправимся только мы с Раиной, вам туда идти опасно, Дессе же и Масуфу там нечего делать и подавно.

— Еще вчера я согласилась бы с тобой, — возразила недавняя рабыня. Теперь же все изменилось. Хочешь ли ты того или нет, но мы отправимся в горы вместе с тобой.

И она показала киммерийцу язык.

Легкий ночной ветерок нес по округе трупный запах. Эремиус, обладавший поразительно острым слухом, услышал мерные шаги стражей, охранявших деревню.

Жить стражам оставалось совсем недолго. Убрать их бесшумно было невозможно, но Эремиус нисколько не опасался шума, — крики людей разве что вызвали бы панику в деревне, которая в любом случае была уже обречена...

Где-то захрапел конь, и тут же раздался торжествующий рев Трансформы. Исполненный ужаса человеческий крик огласил окрестности:

— Демоны! Демоны! На нас напали демоны! Бегите! Бегите!

Уже через миг крик этот обратился в предсмертный хрип — Трансформа разодрала человека надвое.

Эремиус наступился. Неужели в этой деревне, стража разъезжает на лошадях? Если это так, то ему нужно внимательно следить за тем, чтобы ни одному из деревенских жителей не удалось ускользнуть из лап его верных, но пока еще не слишком-то расторопных слуг, — не ровен час, беглецы разнесут слух о его появлении по всем окрестным селеньям. Будь сфера, в которой он мог управлять Трансформами, хотя бы немного побольше, и ему не пришлось бы думать об этом, но сейчас, когда в его распоряжении был всего один Камень Курага, об этом не приходилось и мечтать.

Он поднял свой посох. В эту ночь Камень был закреплен на кольце прядью, волос Илльяны, заплетенных в тонкую аккуратную косичку. Эремиус передвинул серебряное кольцо с Камнем к середине посоха, что сообщало ему дополнительные (и весьма немалые!) силы, и приступил к заклинанию, которое было по-настоящему серьезным.

Он быстро прочел инвокацию и принялся перечислять имена атлантийских магов и оккультистов — имена, непостижимым образом пережившие не только своих обладателей, но и саму их цивилизацию, ушедшую на дно морское за несколько тысяч лет до того, как туранские княжества объединились в единое государство. Покончив с этой частью заклинания, Эремиус приступил к призыванию атлантийских божеств и демонов, которых в древней Атлантиде было ничуть не меньше, чем магов.

Процедура заклинания была столь длительной и мучительной совсем не случайно: Эремиусу приходилось перечислять все эти имена лишь для того, чтобы среди всех прочих было названо и имя того человека, или того начала, или той силы, которые и породили на свет Камни Курага. Будь это имя известно ему, и заклинание обратилось бы в простое его произнесение. Но, увы, на это он не смел и надеяться...

"ХЬЯР, ЭСПОРН, БОККЕР."

Заклинание состояло из нескольких десятков имен, произносить которые следовало при одновременном покачивании посоха из стороны в сторону. Камень Курага летал во тьме, походя на самоцветный волшебный маятник, оставлявший за собой призрачный зеленоватый след.

"БАККЕР, АЙДАС, ГЕЗИС, ЭЙРГАЛФ."

Эйргалф, разумеется, не имел к Атлантиде никакого отношения, однако тоже играл определенную роль в истории Сокровища. Именно он был тем ванирским вождем, к которому и попали оба Камня Курага. Сокровище ослепило его своим блеском, сулившим власть над миром, и тем самым сгубило его ибо не с его, Эйргалфа, силами возможно было подступиться к нему.

Следующим после Эйргалфа обладателем Сокровища стал именно он Великий Мастер Эремиус.

Зеленоватый след, оставляемый раскаивающимся посохом, внезапно распался на два гигантских овала, два огромных изумрудных глаза...

Стоило Боре покинуть дом Иврама, как он увидел прямо перед собой два чудовищных изумрудных глаза. Глаза эти смотрели на него.

Первой реакцией мальчика было бежать, предоставив жителей обреченной деревни, лежавшей далеко внизу, собственной их судьбе. Он было дернулся, но тут же совпадал с собой и замер. Что скажут о нем люди? Как он сможет после этого жить?

Наверное, только сейчас Бора начал понимать, что такое смелость. Прежде она казалась ему отсутствием страха, свободой от страха. Прошло сколько-то времени, и он решил, что точнее было бы назвать ее тем, что позволяет преодолеть страх, изгнать его. И лишь теперь ему открылось истинное ее значение — подлинной смелостью можно было назвать лишь

способность поступать определенным образом вопреки страху, невзирая на страх, который при этом становился серьезным противником, а не пустяком, от которого можно было отмахнуться.

Мальчик шагнул на первую из четырех ступеней; вырезанных Иврамом на тропе, ведшей в деревню. Глаза изменили свое положение, но взгляд их был так же устремлен прямо на него. Мальчику стало казаться, что они манят его куда-то вниз.

Теперь он не бежал лишь потому, что ноги перестали слушаться его. Больше всего он походил на кролика, неверным шагом идущего прямо в пасть удаву. Логовище этого удава находилось где-то на дне ущелья.

За спиной Боры раздались негромкие шаги. В воздухе появилось что-то едкое, остротой своей походящее на перец. Мальчик почувствовал жжение в горле и резь в глазах. Он остановился и, громко чихнув, принялся тереть глаза кулаками.

— Прочихайся хорошоенько, Бора! — услышал мальчик голос Иврама. — Если понадобится, я повторю все еще раз.

Бора хотел было что-то ответить своему спасителю, но вместо этого разразился слезами и чохом. Когда Бора наконец пришел в себя, оказалось, что он вновь способен управлять своим телом, своими чувствами и своей волей.

— Что это ты со мною сделал, Иврам? — спросил он и тут же закашлялся.

— Ничего особенного. Я посыпал тебя Заянской Морилкой, — едва ли не отеческим голосом ответил мальчику Иврам. — Чары Взора Хахара голой волей одолеть сложно, и потому в свое время умные люди изобрели средство против них. Как ты, наверное, понимаешь, я говорю о Морилке. Посыпаешь этой самой Морилкой зачарованного или самого себя — если чары направлены против тебя, — и через несколько минут от них и следа не остается! Если же власть этих чар была нарушена хотя бы единожды, человек освобождается от них раз и навсегда.

— Как я благодарен тебе, Иврам! — воскликнул Бора. Даже в самых кошмарных своих виденьях ему не приводилось испытывать ничего более ужасного. — Но скажи мне, как мы можем помочь нашим людям? Ведь мы должны предупредить их об опасности прежде, чем демоны нападут на деревню.

— Если им понадобится Морилка, то у меня ее много. Я стал заготавливать ее с тех самых пор, как ты поведал мне о демонах.

— Так чего же мы ждем? Дай ее мне, и я пойду к людям!

— Имей терпение, мой мальчик!

— Как ты можешь говорить о терпении в этот час! С минуты на минуту Горячий Ключ может погибнуть, ты же чего-то ждешь!

— Бора, замолчи сейчас же! Я знаю, что я говорю. Во-первых, порошок этот людям сейчас не нужен — по большей части они спят, и потому чары Взора на них не действуют. Во-вторых, в деревню ты пойдешь не один — я пойду с тобой.

— Иврам! — раздался из-за распахнутой двери вопль Мариам. — Ты слишком стар для того, чтобы сражаться с демонами!

— Жизнь и смерть находятся во власти Митры, моя милая. В мире нет ни молодых, ни старых. Некогда гостеприимные люди из Горячего Ключа дали нам кров, и я чувствую себя обязанным сделать это. Ты понимаешь меня, Мариам? Обязанным!

— Но неужели за гостеприимство нужно платить жизнью?

— Почему бы и нет?

Мариам тяжело вздохнула:

— С тобой спорить — только зря время терять. Одного не пойму неужели за все эти годы я так и не смогла узнать тебя по-настоящему?

— Любое знание относительно, Мариам, и это — тоже. Тебе же я посоветовал бы собирать

вещички. Вполне возможно, что нам придется переехать в другую деревню или даже в другую страну. Будь внимательна при укладке алтаря и реликвий. И еще — не забудь взять с собой смену белья.

Бора услышал тихий вздох Мариам.

— Переезжать нам не впервой, Иврам. Я к этому уже так привыкла, что постоянно держу все наши вещи наготове. Ну, а как Бора рассказал эту историю о демонах, так я и сумки уложила.

— Спаси тебя Митра, Мариам, ты у меня прямо золото!

Установилась тишина. Бора неожиданно почувствовал себя неловко и, спрыгнув со ступеней, стал спускаться к деревне. Сердце его готово было выскочить из груди. На полпути к деревне Иврам нагнал его. Лишь теперь Бора смог рассмотреть его по-настоящему. В правой руке жрец держал свой посох, справа же на его поясе висел короткий прямой меч, одетый в простые кожаные ножны. На плече Иврама висела кожаная дорожная сумка, расшитая изображениями Митры.

— В этой сумке Морилки столько, что ею можно уберечь от чар едва ли не всю эту страну. Если у нас будет время, мы посыплем ею каждого и тем самым позволим людям хоть как-то бороться за свою жизнь. Если тот негодяй, который затеял все это...

— Якуб как-то сказал мне, что слово «если» для военного времени не подходит, — перебил жреца мальчик.

— Твой Якуб прямо мудрец! — усмехнулся Иврам. — Да вот только у нас не война, а невесть что!

Он прибавил шагу и пошел так быстро, что Бора, несмотря на всю свою молодость и ловкостью едва поспевал за ним.

Чары Взора Хахара лишили Эремиуса последних сил. Оставленные без внимания Трансформы забыли и думать о лежавшей неподалеку деревушке и посвятили все это время поеданию всадника и его кобылы и торгам из-за последних кусков, казавшихся Трансформам самыми лакомыми частями тел.

Скора, вызванная дележом остатков добычи, в любую минуту могла закончиться дракой, и Эремиусу, несмотря на всю его усталость, вновь пришлось взять под контроль не в меру разошедшихся воинов. Тогда же отряд людей был послан им к деревне. Люди должны были стоять на тропах и вылавливать тех, кто по тем или иным причинам не попал в силки Взора Хахара. Заходить людям в деревню Эремиус строго-настрого запретил. "ЕСЛИ ВЫ ВСЕ ЖЕ СУНЕТЕСЬ ТУДА, Я СКОРМЛЮ ВАС СВОЕЙ ГВАРДИИ."

Телепатические послания Эремиуса были короткими и в то же самое время достаточно содержательными. Едва он внушил вышеозначенную мысль своим рабам, как где-то неподалеку вскричала от боли одна из Трансформ. Эремиус тут же переключился на ее сознание и едва не закричал от боли: глаз Трансформы был выбит камнем — одним из тех камней, которыми осыпали Трансформу невесть откуда взявшиеся люди.

Эремиус заскрежетал зубами. Весь деревенский люд должен быть скован чарами Хахара. Откуда здесь могли взяться эти ублюдки? Он попытался открыть свое сознание пошире, и это удалось ему едва ли не сразу. Услышанное объяснило ему все. Улицы Горячего Ключа кишили людьми, на которых чары не действовали. Судя по всему, вся деревня была обработана Заянской Морилкой. Неужели один из этих скотов каким-то таинственным образом смог прознать ее секрет? Возможно ли это вообще? Эремиус едва не разразился проклятьями в адрес богов, вспомнив о том единственном человеке, который мог раскрыть этот секрет людям.

Он собрался с мыслями. В долину проник некто, предупредивший ее жителей о надвигающемся войске неприятеля. Этот некто или один из его пособников посвящен в тайну Морилки, что может указывать на знание им или ими — и других магических тайн и приемов.

Эремиус покачал головой. Подобного развития событий он никак не ожидал.

Впрочем, это мало что меняло. Если его противники думают, что им удастся сладить с ним, то они глубоко заблуждаются, и он докажет им это в течение нескольких минут.

Разметавшись сознанием надо всею деревней, Эремиус разыскал немало сознаний, пораженных Взором Хахара. Этих людей он мог убедить в чем угодно, мало того, он мог отдать им любой приказ, исполнение которого тут же становилось для них целью всей их жизни.

Эремиус стал считать плененные души, не обращая ни малейшего внимания на свой посох. Тем временем пряди Илльяны, крепившие Камень к кольцу, зашевелились и засветились неярким рубиновым светом.

Из комнаты Илльяны сочился изумрудный свет. Назвать его палящим нельзя было при всем желании, и тем не менее Конану казалось, что за спиной его стоит раскаленная, дышащая жаром печь.

Подходить к двери и тем более входить вовнутрь Конан не решался — он понимал, что ему делать в комнате нечего. Магия могла вызвать у него разве что отвращение.

— Неужели ты сомневаешься в собственной храбости? — время от времени спрашивала его Илльяна.

— Нисколько, — неизменно отвечал он ей. — Я уверен в себе так же, как и всегда. Просто мне кажется, что каждый должен заниматься своим делом. Вы — магией, я — вашей охраной...

Снизу послышались шаги. Конан насторожился, но в ту же минуту увидел поднимающегося по лестнице хозяина гостиницы.

— Ваша ведьма решила спалить мой дом? — дрожащим голосом спросил побагровевший от волнения хозяин.

— Вряд ли, — ответила за Конана Раина, успевшая за это время надеть на себя штаны и тунику.

— Вы хотите сказать, что это работают те злые чары, с которыми она борется? — вновь спросил хозяин.

— Понятия не имею.

— Митра и Эрлик, помогите покорному рабу своему! Неужели я так никогда и не узнаю, что же происходит в моем собственном доме!

— Все, что вам нужно знать, вы уже знаете.

— Остального же вам действительно не придется узнать, — добавил Конан.

Хозяин обвел их взглядом, полным ненависти и к ним, и к себе самому. Он схватился за голову и застонал:

— Мне уже все равно. Если она и не подождет нас, то за нее это сделают наши идиоты, которые придут сюда с минуты на минуту.

Конан и Раина переглянулись.

— Если бы не ваши трусливые слуги, вам не пришлось бы так беспокоиться, — заговорила Раина. — О трудах же наших вы бы узнали лишь тогда, когда они были бы завершены. Теперь постарайтесь слушать меня повнимательнее: пока моя госпожа не покончит со своими делами, в комнату ее не войдет никто, включая и вас самих.

Она потянулась к рукояти меча, но Конан резким движением схватил ее за руку и прошептал:

— Успокойся. Этот человек предупредил нас об опасности.

— Ну и что из того? — возмутилась Раина. — Мне кажется, он мог сделать это и пораньше, когда в этом еще был смысл.

— Не спеши с выводами. — Конан повернулся к хозяину. — Я нисколько не сомневаюсь в том, что мы сможем покинуть гостиницу, следя каким-нибудь тайным ходом. Верно? Если же это так, то мы договоримся с тобой о следующем. Ты задержишь этих бандитов и покажешь нам потайной ход. Мы же, со своей стороны, обставим все это так, что они ушат, будто ты был нашим пленником.

— Их здесь не будет! — рявкнул хозяин в ответ. — Одного только не могу понять — с какой это стати я должен вам помогать?

— Разве мы не твои гости? — усмехнулась Раина. — Ступай вниз и делай то, что тебе

сказано, иначе будет поздно!

— Давненько я таких грубиянов не встречал! — проворчал хозяин, направившись к лестнице. — Если повара не разбежались, мне это сделать проще простого.

Из дома послышался крик ребенка. Бора потянул дверь на себя, но тут же понял, что она заперта изнутри.

— Закар, ко мне! Попробуй отжать ее топором!

Деревенский лесоруб был первым человеком, которого мальчик освободил от чар Взора Хахара. Несколько ударами топора он сбил дверь с петель и бережно отставил ее в сторону.

Бора и Закар вошли вовнутрь. В доме этом, кроме девочки, обезумевшей от страха, не было никого. Внимание мальчика привлекла большая корзина, доверху наполненная хлебом и копченой козлятиной.

— Закар, возьми корзину с собой. Одни боги знают, когда еще нам доведется попасть в деревню.

— Я думаю, это произойдет скоро. Только вот деревня эта будет уже на том свете. Но ты знаешь, Бора, я и этого не боюсь. И с собою на тот свет я прихвачу хотя бы одного демона. Не зря же я всю жизнь этим вот топором махал!

Бора кивнул и поспешил выйти на улицу. Как ни странно, но демонов в деревне пока не было, что позволило большей части ее обитателей покинуть свои дома, прихватив самое ценное из пожитков, и направиться по западным тропам в горы. Бора, разумеется, не знал, когда же демоны пожалуют в Горячий Ключ, однако он несколько не сомневался в том, что большей части жителей деревни в любом случае так и не удастся уйти от них, ибо он уже видел, сколь быстро передвигаются эти чудища.

Бора и Закар бродили по улицам, пытаясь найти людей, которым можно было бы поручить ребенка. Деревня была почти пуста. Те немногие ее жители, что встречались на их пути, уходить из нее не собирались, ибо пуще всего боялись покидать родные стены. Людям этим не могла помочь и Морилка. В одном из переулков они увидели двух девиц возраста Карайи, ведших под руки старика. Без лишних церемоний Бора подтолкнул к ним внезапно захныкавшую девочку и быстро зашагал прочь.

— Послушай, Бора, — обратился к нему едва нагнавший его Закар, — ведь твой дом совсем рядом. Ты мог бы зайти туда.

— Иврам пообещал первым делом побывать именно там. Мне после него там делать нечего. — Бора почувствовал, как заныло сердце. Как ему хотелось стать прежним мальчишкой, сыном Рафи!

— Именем Митры, что это? — внезапно воскликнул Закар.

На окраине деревни, там, где начинались сады, кружила пыль. В следующее мгновение из облака ее появилась сгорбленная фигура, казавшаяся чудовищной карикатурой на человека. Тело чудовища светилось призрачным зеленоватым светом.

Оно легко сломило с дерева две ветви толщиной в человеческую руку и, обратив их в две дубины, двинулось по направлению к Закару и Боре.

Закар встретил чудище, выйдя на середину улицы. Удар первой дубины ему удалось отразить топором, вторая же ударила его в бок в то время, как топор его опустился на голову чудища.

Демон закачался, однако сумел устоять на ногах. Схватив дровосека поперек туловища, он поднес его к своей ужасной пасти и разорвал надвое.

Следующей его жертвой должен был стать сам Бора. У мальчика внутри все похолодело — бежать было уже поздно.

И тут он услышал тяжелые шаги. Он увидел чью-то руку, метнувшую под ноги демона глиняный пузырек с Заянской Морилкой. Это был Иврам.

— Не знаю, как она действует на те чары, которыми были созданы эти уроды, но иного оружия у меня сейчас попросту нет, — заметил жрец. — В любом случае выручить нас теперь могут разве что собственные ноги.

— Но... но ведь в деревне осталось еще...

— Тем, кто здесь остался, помочь мы уже не сможем, — пробормотал Иврам еле слышно. — Твоей родни здесь уже нет. Запомни, Бора: деревенскому люду нужен именно ты, но никак не память о тебе. Ты понимаешь?

— Будь по-твоему!

Он посмотрел на демона, что, встав на четвереньки, принююхивался к неведомому дотоле запаху, и понесся прочу пытаясь нагнать старого Иврама; бегавшего с удивительным для его лет проворством.

Пряди волос Илльяны, тихо зазвенев, разорвались. Камень Курага стал падать вниз, на камни.

Никогда еще Эремиус не произносил заклинаний так быстро. Невидимая Рука подхватила Камень на середине пути и тихо опустила его вниз.

Эремиус перевел дух. "Скорее всего, разбиться о камни магический кристалл не мог — для этого он находился слишком близко к земле", попытался успокоить себя маг. В глубине души, однако, он был уверен в обратном: еще немного, и он потерпел бы полное и окончательное поражение.

Камень следовало поднять с земли и привязать к посоху, но теперь уже не Илльянинами, а его собственными волосами. Он нагнулся, но поднести руку к Камню не сумел — тот вдруг оказался внутри невидимой непроницаемой сферы. Эремиус попытался пробить эту сферу своим посохом, но и из этого у него ничего не вышло.

Маг хотел было повторить эту попытку, как вдруг посох сам собой вылетел из его рук, вошел внутрь Камня и исчез в его глубинах!

Эремиус продолжал стоять разинув рот, когда вдруг земля всучилась и с оглушительным треском извергла из себя его посох, песок и камни. Эремиус, подпрыгнув, схватил свой посох и тут же попытался отвести его подальше от Камня.

Сам Камень к этому времени обратился в густую жидкость, светящуюся изумрудным светом, озаряющим собою всю округу. От слепящей лужицы помимо прочего исходил и пронзительный свист, от которого у Эремиуса сводило сквозь.

Он устало вздохнул, отошел в сторону и стал рассматривать свой посох. Тот, к счастью, был таким же, как и прежде.

Он мог управлять Трансформами и при помощи своего посоха — Камень Курага в эту минуту нужен ему не был. Эремиус вновь вздохнул и покачал головой. Илльяна связала Камни заклинанием, ставящим их в оппозицию друг другу. Тем самым в течение определенного времени своими Камнями не могли воспользоваться ни он, ни она.

Но зачем она это сделала? Может быть, она хочет уничтожить от Камень даже ценою своего собственного Сокровища? Прежде она относилась к Камням Курага совсем иначе... Неужели теперь она смирила себя настолько, что может поступиться абсолютной властью над миром ради какой-то блажи, известной миру под именем Добра? Как это глупо! Ведь тот, кто уничтожит Сокровище, не получит взамен ничего, тот же, кто завладеет им, получит все!

Эремиус остановил себя. Пора было возвращаться к делам насущным: Трансформы без его команд превращались в стадо тупых скотов, которое нельзя было оставлять без присмотра. Он собрался с мыслями и вызвал к жизни образ деревни Горячий Ключ.

Дверь комнаты Илльяны задрожала и ни с того ни с сего вновь сорвалась с петель и упала на пол. Конан и Раина едва успели отскочить в сторону, при этом северянка едва не сбила с ног

поднявшегося к ним в эту самую минуту хозяина гостиницы.

Хозяин посмотрел на лежавшую на полу дверь, возвел глаза к потолку и протянул Раине тяжелую корзину со снедью.

— Здесь в основном сыр и хлеб. Повара не только сбежали, но и прихватили с собой едва ли не все мои припасы! — Хозяин сел на пол, обхватив голову руками, и горестно засопел.

Из комнаты, пошатываясь вышла Илльяна; едва не упав в объятия Конана, она села на пол возле хозяина гостиницы, и тут взгляд ее упал на стоявшую возле Раины корзину. Нисколько не смущаясь своей наготы, она стала жадно расправляться с ее содержимым.

Конан протянул ей флягу с вином. Опорожнив ее единственным махом, Илльяна вновь вернулась к своей странной трапезе. Когда корзина опустела совершенно, она с сожалением вздохнула и поднялась на ноги.

— Киммериец, что-то я не пойму, над чем это ты смеешься?

— Не сердитесь, госпожа! Просто я никогда не видел голодных волшебниц!

Илльяна ответила ему слабой улыбкой. Раина отправилась в комнату за одеждами своей госпожи, Конан же тем временем передал пустую корзину хозяину и посмотрел на него так выразительно, что тот тут же сообразил, чего от него хотят.

— Опять?! — вскричал он. — А расплачиваться, насколько я могу понять, вы будете тогда, когда на туранский престол взойдет внук Великого Йалдиза!

Бешеный стук во входную дверь заставил хозяина замолчать. Вернув корзину Конану, он затараторил:

— Пришло время идти вниз. Не знаю, правда, как мне удастся справиться с отведенной мне ролью. Но, вы знаете, если даже я и потеряю сей любезный моему сердцу дом, я знаю, куда мне податься, — об этом я мечтал с самого детства: я прибываю к какому-нибудь храму и стану актером в устраиваемых для народа мистериях! Идем, идем! Времени у нас в обрез! Не далее чем час тому назад я слышал о том, что сюда должен был прибыть сам владыка Ахмай! Если это так, то мне придется...

— Ты сказал — Ахмай?

— Не я сказал, а мне сказали. В наших местах имя это известно каждому! Я слышал, что он...

— Я слышал не только это, но и многое другое! — перебил Конан. Скажи-ка, хозяин, нет ли на твоей крыше такого местечка, с которого можно было бы увидеть весь город оставаясь при этом незамеченным?

— Разумеется. Но вот только я никак не могу взять в толк, с какой это стати...

— Помолчи. Иначе мне придется тебя наказать.

— Если против Владыки что-то замышляется...

— Речь идет о чем-то гораздо более важном. Выбирай — либо ты сохранишь верность Ахмаю и я отрублю на этом самом месте твою глупую башку, либо сию же минуту ты отведешь меня на крышу и сохранишь верность мне, тем самым сохранив и драгоценную свою голову.

Хозяин посмотрел на меч постояльца, почесал в затылке и важно кивнул.

— Сначала мы спустимся в главную залу. Оттуда же нам придется проследовать направо. Я пойду впереди и буду указывать вам путь.

Во входную дверь стучали уже ногами. Хозяин шмыгнул носом и, понурив голову, стал спускаться вниз.

Тяжело дыша, Бора взбирался на крутой склон. Рядом с ним шли его земляки, которые выглядели куда менее утомленными, и объяснялось это прежде всего тем, что им в эту ночь не пришлось носиться по горам столько, сколько ему. Бора был молод и вынослив, но и его силы имели предел. Кто действительно не ведал усталости, так это демоны. Да, их можно было

ранить или даже убить, но, несмотря на это, они казались Боре чем-то неуязвимым, чем-то сродни ураганам и камнепадам.

Бора остановился и посмотрел вниз. Порошок подействовал на людей отрезвляюще: ни один из деревенских жителей не был предоставлен сам себе, старым и слабым помогали молодые и сильные, готовые отдать за ближнего собственную жизнь. Жители Горячего Ключа стали бездомными, но это только сплотило их.

Люди шли мимо него нестройной колонной. Теперь позади оставался лишь отряд добровольцев, вызвавшихся защищать своих собратьев от адской напасти. Удивлению Боры не было предела, когда он увидел среди семерки этих доблестных мужей Иврама...

— Я думал, ты давно оставил нас! — воскликнул он.

— Неужели ты думаешь, что я, человек преклонных лет, хожу быстрее твоего? Ты ведь молод, Бора. Молод и глуп...

— Он сам пришел к нам, — сказал один из воинов. — Мы знали, что вы, господин, будете против этого, но он отказался и слушать нас.

— На твоем месте я бы помолчал, — проворчал Иврам. — Все объясняется просто, Кемаль. Я хочу еще разок взглянуть на этих самых демонов. Чем больше мы будем знать о них...

— Он хочет посыпать одного из демонов своим порошком и отнести его на Заставу Земана, — засмеялся воин. — Иврам, похоже, тронулся умом!

— Не надо так говорить. Если подумать, то...

— Именем Мастера! — прогремело вдруг сверху.

Из-за скалы, стоявшей над тропой, появилось четыре фигуры. Судя по тому, что они умели говорится становилось ясно, что перед Борой и его людьми находятся не демоны, но такие же, как и они сами, люди. В руках незнакомцев — поблескивали длинные клинки.

Бора присел и, подняв с земли первый попавшийся камень, вложил его в пращу. Бросок его был неточен — камень улетел далеко вперед.

Не прошло и минуты, как четверка врагов уже сражалась с отрядом, в котором на семь человек был всего один меч. Первым наземь упал воин, назвавший Иврама сумасшедшим. Превозмогая боль, он сумел схватить за ноги одного из неприятелей и вцепиться зубами ему в икру. Неприятель, явно не ожидавший этого, взмыл, и в тот же миг дубина, которую держал в своих могучих руках Кемаль, опустилась ему на голову.

Горцам терять было нечего. Они разом напали на двоих врагов: трое на одного, трое — на другого. С первым они покончили мгновенно, второй какое-то время сопротивлялся, успев при этом ранить одного из деревенских.

Четвертый враг, что стоял поодаль пустился в бегство, но уйти не удалось и ему: на сей раз бросок Боры был точным — камень проломил неприятелю череп.

Бора стал сворачивать пращу и вдруг услышал тихий голос, звавший его по имени:

— Бора! Бора! Забери у меня сумку с Морилкой.

— Иврам!

Жрец лежал на спине, изо рта у него текла узкая струйка крови. Бора перевел взгляд пониже и увидел, что у Иврама проломлена грудь.

— Возьми ее, прошу тебя! И... и слушай! Когда ты вернешься сюда, похорони меня полюдски. Сделай все так, как заповедали нам предки... Ты сделаешь это — я знаю... знаю...

Бора сжал руку Иврама, не зная, как помочь ему. С такой раной Иврам вряд ли мог выжить; помимо прочего, она должна была причинять ему немыслимую боль.

Жрец неожиданно улыбнулся:

— Не тревожься, Бора. Мы, слуги Митры, куда счастливее всех прочих...

Жрец принялся читать странные, непривычные для слуха иноземные стихи. В конце

четвертого стиха он закашлялся и, прикусив губу, надолго замолчал. Затем он начал читать и пятый стих, но закончить чтение ему так и не было суждено...

Бора стоял на коленях над его телом, когда вдруг ему на плечо легла рука Кемаля.

— Идем, Бора. Не стоит зря дразнить демонов.

— Я не могу оставить им его тело!

— Разве я сказал, что мы оставим его здесь?

Бора увидел, как воины, стоявшие рядом с ним, снимают с себя плащи. Кемаль хотел было последовать их примеру, но тут мальчик остановил его.

— Достаточно будет и двух плащей. Теперь скажи мне: тот конь, ржание которого мы недавно слышали, уж не Бураном ли зовется?

— Ты прав, Бора, это и есть Буран. Я собственоручно отпустил его, когда мы уходили из деревни, вот он и пошел вместе с нами.

Во всей деревне не было жеребца лучше этого. Бора поднялся на ноги.

— Слушай, Кемаль, кто-то из нас должен отправиться на Заставу Земана. Может быть ты это сделаешь?

— Как скажешь. Только вначале коня надо напоить.

— Митра... — начал было Бора, но тут же осекся. Этой ночью поминать имя Митры, не сумевшего защитить верного своего слугу, как-то не хотелось тем более ему не хотелось клясться этим именем.

Конан выглянул из-за гостиничной трубы. Люди, обступившие гостиницу, держали в руках факелы, освещавшие своим пламенем всю округу. Свет их казался киммерийцу излишне ярким, — если уж он так ясно видит своих противников, то и они в любую минуту могут заметить его, пусть он и вымазал свое лицо сажей.

Толпа горожан стояла на месте; люди Ахмая пока тоже не предпринимали каких-то решительных действий. К действиям этим их следовало подтолкнуть.

Конан переполз на дальний конец крыши и прокричал:

— Все в порядке! К конюшне они подойти и не посмеют! Можно считать, что дело сделано!

Конан улыбнулся, услышав недоуменные крики в рядах воинов Ахмая:

— Кто это кричал? Сержанты, проверьте своих людей!

Перекличка тут же началась. Конан помедлил несколько мгновений и голосом старого служаки прокричал:

— Ха! У меня двух молотов недостает!

Почти сразу же вслед за этим он закричал голосом капитана:

— Эти скоты горожане увели наших ребят с собой! Мечи к бою! Именем владыки Ахмая, мы им сейчас зададим перцу!

Недоумение в рядах воинов Ахмая с каждой минутой становилось все сильнее. Конан переполз на другую сторону крыши и тонким голоском проблеял:

— Эти мерзавцы хотят отбить своих колдунов! Мы ни за что не допустим этого!

Киммериец выдернул одну из черепиц и швырнул ее в ряды конников Ахмая, стоявших по другую сторону площади. В следующее мгновенье один из всадников с криком вывалился из седла и рухнул наземь.

— Соблюдайте спокойствие! — заорал капитан. — Мы — ваши друзья. Мы хотим только одного...

Было уже слишком поздно. Горожане сталисыпать людей Ахмая градом камней. Всадники пришпорили своих жеребцов и направили их на беснующуюся толпу. Толпа, в свою очередь, загудела и ответила новым залпом каменьев. Самые отчаянные головы стали тыкать своими факелами в конские морды, отчего жеребцы принялись носиться по площадь, сбрасывая своих

седоков, круша на своем пути все и вся.

Конан довольно усмехнулся и, уже не таясь скомандовал:

— Открывай ворота!

В тот же миг ворота конюшни со скрипом отворились, и из них вышли его друзья, которых вела за собою Раина.

Илльяна шла последней. Она сделала несколько шагов — и вдруг замерла, глядя прямо перед собой. Конан посмотрел в ту же сторону и увидел, что улочка, до последнего времени казавшаяся пустынной, на деле полна народу. Он чертыхнулся и, не задумываясь, прыгнул на крышу сарая, а оттуда — на ворох сена у стены стойла. Жеребец, тихо заржал, подошел к нему, и в следующий миг Конан уже сидел в седле. Он вонзил каблуки в бока животного, и жеребец понес его прямо на толпу поджидавших простолюдинов. Горожане страсть как не любили колдунов, однако собственная жизнь была им дороже всего на свете, — едва огромный жеребец с восседающим на нем чернолицым гигантом приблизился к ним, они в ужасе бросились врассыпную. Этот маневр позволил киммерийцу отвлечь внимание горожан на себя; спутники его тем временем скрылись в темном проулке и поспешно покинули городские пределы.

Конан решил немного покружить по улицам, чтобы дать своим спутникам возможность уйти подальше. Сoverшив сей почетный круг, он выехал из города и, остановив своего жеребца, стал поджидать преследующих его воинов. После того как его меч сокрушил трех вражеских скакунов и одного всадника, преследователи почли за лучшее отступить.

Отъехав немного в сторону, Конан спешился, чтобы дать жеребцу возможность отдохнуть и напиться воды. Сосчитав свои стрелы, киммериец отстегнул от пояса флягу с вином и, опорожнив единственным глотком, отшвырнул ее в сторону. Пора было отправляться в путь.

Эремиус поднял свой посох. Серебряный набалдашник его был покрыт множественными царапинами, однако на магические свойства посоха изъяны подобного рода не влияли и посему беспокоиться магу было особенно не о чем, тем более что в другой руке он держал светящийся изумрудным светом Камень Курага. Уже светало, и потому свет Камня казался не таким ярким, как прежде.

Вспомнив о событиях прошедшей ночи, Эремиус поежился. Неужели Илльяна действительно пыталась уничтожить его Сокровище? Больше всего в этом его поражало то обстоятельство, что при этом волшебница была готова пожертвовать и своим Камнем, наделявшим ее чудовищной силой и властью над людьми. Разве можно так относиться к дарам Силы?

Эремиус попытался отвлечься от этих неприятных мыслей. В конце концов, ничего страшного не произошло: он не только сохранил свой Камень, но и захватил деревню Горячий Ключ, пусть многим из ее жителей и удалось ускользнуть. В том, что ему удастся нагнать беглецов, Эремиус ничуть не сомневался.

Эремиус поднес Камень к набалдашнику посоха. Последний засветился вдруг нестерпимо ярким пламенем; которое собралось в шар и, отделившись от посоха, стремительно взмыло ввысь, заливая изумрудным сиянием подернутые утренней дымкой горы.

— Да здравствует наш Великий Мастер! — слились в здравице голоса людей и рев Трансформ. Вершина горы дрогнула и раскололась на тысячи и тысячи каменьев, сошедших лавиной в соседнее ущелье.

ВОТ И ПРИШЕЛ КОНЕЦ ЖИЛИЩУ ЭТОГО ТРЕКЛЯТОГО ЖРЕЦА!

Если Иврам жив и поныне, то он, Эремиус, позаботится о том, чтобы смерть его была такою же страшной и мучительной, как и смерть Илльяны. Не меньшим мукам следовало подвергнуть и того мальчишку, который помогал жрецу посыпать людей этим мерзостным порошком!

Если ему удастся настигнуть этих смутянов, он не отдаст их Трансформам, но займется

ими сам — Трансформы получат их попозже, когда жизнь уже покинет тела пленников. Он криво усмехнулся. Знали бы они, что он с ними сделает...

Камень и посох встретились вновь. В темное небо взмыло сразу три изумрудных шара, остановившихся высоко над деревней. Эремиус резко опустил посох вниз, и три изумрудные звезды камнем упали наземь.

Над деревней поднялся бурый дым — это горели камни.

Мариам подняла глаза от лица Иврама и посмотреть на восток.

— Мальчишка! — сказала она вдруг.

— Что? — еле слышно пробормотал потрясенный Бора.

— Я говорю о повелителе демонов. Он — капризный мальчишка. Если ему что-то не нравится, он ломает свои игрушки.

— Что-то я тебя не совсем понимаю, — пробурчал Бора. — О каких это игрушках ты говоришь? Уж не о нас ли?

Мальчика покачивало от усталости. И тут он почувствовал, как на плечи его легли нежные и в то же самое время сильные руки, что заставили его присесть на камень.

— Посиди немного со мной, Бора. Считай, что я пригласила тебя в гости.

Мальчик услышал звон металла и бульканье наливаемой в чашу жидкости. Прямо перед его лицом возник кубок, доверху наполненный терпким вином. От его пряного запаха у мальчика закружилась голова.

— Это всего-навсего поссет. Пей, не бойся.

— Мне нельзя спать. Люди, которые...

— Ты должен поспать. Ты нужен людям сильным и собранным, верно?

Мариам поднесла кубок к губам мальчика и силой заставила его сделать первый глоток.

Сон сморил Бору прежде, чем он смог опорожнить хотя бы половину кубка.

Конан прибыл в назначенное место уже на заре. Раина все еще спала, Десса и Масуф лениво переругивались, Ильяна же, судя по всему, так и прождала его всю ночь, не смыкая глаз.

Она полностью восстановила силы и даже чудесным образом помолодела разом лет на десять. Легкой, словно у танцовщицы, походкой она направилась навстречу ему. От улыбки ее веяло добротой и сердечностью.

— Славно ты вчера потрудился! — сказала она. — На такое и волшебники вряд ли отважились бы!

Конан не смог сдержать улыбки.

— Спасибо тебе, Ильяна. Но не будем об этом... Лучше скажи мне, что тебе удалось разузнать о нашем приятеле Эремиусе?

— Что я тебе скажу? Он, так же как и я, во всем — или почти во всем зависит от Камня Курага. Само по себе это уже неплохо. Прошлой ночью что-то угрожало его Камню, — это что-то со мной никак не связано.

— Если мы сможем уничтожить Камень, принадлежащий Эремиусу, мы тем самым выполним данное нам поручение, не так ли?

— Ну что ты! Так мы можем поступить только в самом крайнем случае! Камни Курага, или, иначе, Сокровище Курага, — одна из самых таинственных вещей этого мира. Обратить их в ничто, растереть их в порошок, уподобить их тем самым обыкновенным бульжникам — означает потерять все то великое и чудесное, которое они и только они могут даровать миру! Участвуй я в этом, и я чувствовала бы на себе скверну. Ты понимаешь меня?

Конан решил промолчал, ибо не был горазд работать языком. Кто действительно чувствовал на себе скверно, так это он — еще бы, ему и в голову не приходило, что когда-нибудь он может стать помощником волшебницы. Он бросил на свою спутницу взгляд, полный подозрения. Кто

знает этих колдунов: говорят, они могут преобразиться в одночасье! Единственное, что им по сердцу, это чары — чары и волшебство.

Илльяна ничуть не удивилась быстрой смене его настроения. Она испытывающе посмотрела на него и тихо добавила:

— Есть на то и иная причина. Если один из Камней будет уничтожен, второй Камень станет настолько сильным, что с ним не сможет совладать ни один из живущих в этом мире людей!

— Интересно, откуда только тебе все это известно? — изумился Конан. Тебя что, Эремиус этому выучил?

Илльяна мгновенно побледнела. Вспомнив совет Раины никогда не расспрашивать госпожу о времени, проведенном ею вместе с Эремиусом, он хотел было попросить у волшебницы прощения за свою дерзость, но она жестом руки заставила его замолчать.

— Замолчи. В отличие от многих, ты вправе спросить меня и об этом. И я должна ответить тебе. Да, я научилась этому в ту пору, когда жила с Эремиусом, но училась я этому сама. Он же намеревался учить меня совсем иным вещам, — вещам, о которых я предпочитаю не говорить.

Она передернула плечами и тут же пришла в себя.

— Куда мы должны отправиться теперь Конан?

— Мы поедем на Заставу Земана.

— Нам придется открыться командиру. Если мы не назовемся слугами Мишрака, представляю, каково нам придется!

— Я не вижу в этом ничего страшного. Рано или поздно нам все равно пришлось бы это сделать. Мы уже в горах, и лошадки нам теперь нужны совсем другие. Я хочу заехать на Заставу и по иной причине: там будет столько мужчин, что Десса с удовольствием расстанется с нами, чтобы поселиться там навек!

Смех Илльяны заставил Раину вскочить на ноги. Северянка озиралась по сторонам с таким глупым видом, что рассмеялся и сам киммериец.

Солнце уже стояло над горизонтом. С каждой минутой тени становились все длиннее, что придавало саду командующего Заставой Земана особую прелесть. За розовым кустом, посаженным одним из предшественников капитана Шамиля, стояли он сам и Якуб.

— Я не уверен в том, что ты рассказал мне все, дружище, — хмуро глянув на Якуба, буркнул Шамиль.

Якубу оставалось только всплеснуть руками. Похоже, этот дуралей может только испортить все дело.

— Почему вы считаете меня лжецом? Неужели красавица, о которой я вам сказал, не стоит этого?

— Интересно, что ты называешь красавицей, парень? Ты говоришь так, словно я уже видел ее!

Якуб не выдержал:

— Может быть, стоит напомнить тебе, кто ты и кто я? Сколько времени ты нам служишь? Ты хочешь, чтобы Мугра-Хан узнал об этом разговоре?

Шамиль, вопреки ожиданиям Якуба, повел себя донельзя странно. Он криво улыбнулся и пожал плечами.

— Я все помню, можешь не сомневаться. Не я стал забывчивым, а ты. Мой первый помощник Хезаль — ставленник совсем других людей. Если меня по какой-то причине смесят с поста, командовать Заставой Земана станет именно он.

— Неужели ты боишься этой породистой болонки?

— О, ты недооцениваешь Хезала! Больше всего он походит на волка, но уж никак не на болонку! Так считаю не только я, так же думают и воины! Они пойдут за ним хоть в огонь!

Хезаль казался со стороны фатоватым сынком знатного сановника, попавшим в это место службы единственно для того, чтобы побыстрее получить очередной чин и поскорее занять одну из придворных должностей. Однако впечатление это и в самом деле было обманчивым. Якуб надолго задумался. Чем тревожнее будут вести, тем большая армия будет снаряжена для борьбы с неприятелем и тем самым большее количество людей попадет в распоряжение правителя Хаумы. Тогда-то правитель и получит то, о чем мечтал столько лет... Если Шамиль не врет, то Застава Земана в течение неопределенного времени будет оставаться в руках неприятеля, что само по себе не сулит ничего хорошего. И тут ему вспомнились слова отца, любившего говорить, что война — это торг, в котором ошибаются только единожды. Он кашлянул и посмотрел в глаза Шамилю.

— Можешь считать, что никакого разговора у нас не было. Я предлагаю тебе следующее: ты поможешь мне справиться с провожатыми Раины, я же пришлю ее к тебе. Идет?

— Это уже звучит иначе. Какого рода помощь нужна тебе? Люди? Оружие? Не забывай, что провожатых у нее сразу несколько.

Якуб вздохнул. Как утомило его общение с людьми, подобными Шамилю. Его избранница Карайя не похожа ни на одного из этих скотов: она совершенно честна и чиста, она — само совершенство... Не любить ее было невозможно.

Интересно, как отнесется она к нему после того, как он вернется с поля боя победителем? Простит ли она его за то, что ради победы ему пришлось прибегнуть к обману? Якуб затряс головой, пытаясь отогнать мучившую его уже не первый день мысль.

— В этом мире все можно купить за деньги. Я попытаюсь подкупить ее спутников, с тем чтобы они оставили ее и навсегда ушли из нашей страны. Если же спутники ее окажутся

чесчур чопорными, мне может понадобиться помочь твоих ребят. Ты можешь дать мне хотя бы взвод?

— Договаривайся с ними сам.

— Вот и прекрасно. Главное, чтобы ты не возражал.

Якуб был готов заплатить воинам любые деньги, ибо прекрасно понимал, что уйти от смертоносного клинка Конана смогут разве что единицы. Тем самым общая сумма в любом случае должна была оказаться достаточно скромной.

План Якуба заключался в следующем. Конана необходимо было убить, Раину же следовало подарить Шамилю в качестве платы за его молчание и, быть может, содействие. Все это надлежало совершить только для того, чтобы забрать у Илльяны Камень Курага и передать его Эремиусу, который в ту же минуту становился бы не только правителем Турбина, но и единовластным Владыкою Мира. В благодарность за это Эремиус должен был сделать его, Якуба, князем или царем, во всяком случае, Якуб на это очень рассчитывал.

К тому времени, когда Якуб вернулся в отведенную для него комнату, над крепостью уже нависли сумерки. Он закрыл ставни и, не раздеваясь, лег на кровать. Где-то в вышине завывал и ярился ветер.

— Все в порядке, — услышал Конан голос Раины.

Киммериец замедлил шаг.

— Главное — никого не встретить. Я этот народ знаю: ни за что, ни про что они могут тебя и на тот свет отправить. Они даже не посмотрят на то, что ты женщина.

— Не знаю, не знаю. Честно говоря, верится мне в это с трудом.

— Странный ты человек. Эти вояки таких страостей о демонах наслушались, что для них каждый незнакомец — уже враг. Как ты этого не понимаешь?

— Хорошо, я буду внимательной! — засмеялась Раина. Она поднялась на цыпочки и одарила Конана поцелуем, который мог показаться невинным лишь со стороны. Руки киммерийца сами собой сомкнулись на ее талии, но он тут же опомнился и отшатнулся от Раины.

— Что бы ни происходило, мы должны придерживаться предписанных нам ролей, — сказал он с улыбкой. — Иначе мы можем вызвать у людей ненужные подозрения, — верно, крошка?

— Еще бы! Кто ты и кто я! — рассмеялась Раина.

— Хотел бы я знать, долго ли еще мне быть караванщиком? — все так же улыбаясь, прошептал Конан.

— По ночам ты можешь оставаться самим собой, — улыбаясь, ответила ему Раина и легонько оттолкнула киммерийца от себя.

И он и она знали, что имя Мишрака может не только выручить их, но и навлечь на них беду. Произносить его вслух было пока рано.

В казармах, по которым шли Конан и Раина, не было ни души. Откуда-то снизу доносились звуки шумного застолья — там, внизу, находилась солдатская таверна. Киммериец и его спутница прошли мимо лестницы и подошли к комнате Раины.

Конан проверил запоры на дверях Илльяны, Дессы и Масуфа. Затем он извлек из голенища кинжал и повесил его на пояс.

— Я спущусь на пару минут вниз. Именно этого они от меня и ждут. Заодно я поболтаю с ними о демонах.

— Ты бы лучше у них о лошадках справился! После этого можешь болтать о чем угодно, даже и о демонах!

— Ты мудра, как никогда, Раина!

— И это все, что ты хочешь мне сказать?

— Сказать тебе я могу многое, женщина! Но станешь ли ты меня слушать?

Он привлек Раину к себе и, уже не таясь поцеловал ее в губы.

На крепостных стенах не было ни души, что не могло не обрадовать Якуба. Судя по всему, капитан Шамиль убрал стражей с тем, чтобы они не помешали ему совершить визит к Раине.

Впрочем, истинные причины этого неожиданного обстоятельства Якуба особенно не интересовали: в происшедшем он видел перст божий, ясно указывающий на то, что предприятие от угодно не только ему самому, но и богам.

Одетый в черное, Якуб выбрался на крышу и прикрепил к ее карнизу стальной крюк. Остальное было делом техники. Он легко заскользил вниз по веревке, проходившей мимо окна той комнаты, в которой жила Илльяна.

Посещение комнаты волшебницы могло обернуться для него каким-либо неприятным сюрпризом, и он пытался не думать об этом, полагаясь всецело на милость сил, покровительствующих ему.

ЕСЛИ МНЕ УДАСТСЯ ПОХИТИТЬ У НЕЕ ЭТОТ КАМЕНЬ, Я БУДУ САМЫМ СЧАСТЛИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ НА СВЕТЕ!

Он посмотрел вниз. Заветное окно было прямо под ним.

Конан присоединился к солдатам, исполненный решимости не пить, но слушать. Вернее, пить в меру и слушать. Вино оказалось куда лучше, чем он ожидал, и потому он решил не давать себе никаких зароков, но пить ровно столько, чтобы не вызывать подозрения.

Разговоры здесь шли только о демонах. Говорили о загадочных зеленых огнях и изумрудных зарницах, о столбах багрового дыма и прочей несуразице.

Ничего иного защитники крепости, судя по всему, не знали, да и знать не хотели. И старые воины, и юные рекрутчики были настолько напуганы происходящим, что даже опасались говорить о демонах в полный голос, предпочитая шептаться по углам.

Самым интересным из того, что узнал Конан в таверне, было то, что большая часть воинов была склонна подчиняться не законному своему командиру капитану Шамилю, но некоему Хезалю, о котором все говорили с неизменным почтением.

Конан почувствовал, что он начинает пьяновать, и решил не задерживаться в таверне сверх меры. Он поднял бокал за здоровье царя и, пошатываясь направился к своей комнате.

Едва Конан сомкнул глаза, как в коридоре поднялся невообразимый шум. Он застонал, вылил себе на голову ковш холодной воды и, прихватив с собою меч, вышел из комнаты.

В тот же миг дверь в комнату Раины распахнулась и оттуда вылетел не кто иной, как капитан Шамиль, сжимающий в руках меч. Не схвати его Конан за шиворот, и капитан врезался бы лбом в противоположную стену.

— Отпусти меня, пес киммерийский! — завопил Шамиль. — Я не к тебе пришел, а к твоей хозяйке!

Конан нахмурился.

— Слушай, приятель, я таки трахну тебя головой о стену! Подумать только — он еще будет со мной таким тоном разговаривать! А ну-ка, говори: зачем ты к ней пришел?

— Ты что, сам не понимаешь? — завопил капитан еще громче. — Только евнухи не знают, что могут делать с женщинами мужчины!

И тут Конан услышал голос Раины:

— Вот уж кто не евнух, так это он! Это вам любая женщина подтвердит, с которой ему спать доводилось, а женщин таких, я думаю, не меньше сотни наберется!

Такая характеристика пришла Конану по душе. Он довольно икнул и тут увидел появившуюся в дверях Раину. Она была совершенно нага — меч, который она держала в руках, одеждой считать было невозможно.

— Он не евнух, а я не шлюха, капитан! Убирайтесь прочь, и я, возможно, отнесусь к

происшедшему как к досадному недоразумению. Вы слышите меня, капитан? Убирайтесь прочь! В противном случае...

— Можно подумать, что я не видел таких, как ты! Твой киммерийский ублюдок на евнуха действительно не похож, но вот о том, что ты шлюха, каких свет не видывал, я готов биться об заклад!

Конан решил, что капитан вышел за все мыслимые рамки приличия, и урезонил его, вонзив ему в плечо свой кинжал.

Шамиль завизжал и принялся проклинать киммерийцев, кинжалы, женщин, а более всего тех, кто распускает ложные слухи об их, женщин доступности. Раине его откровения наскучили достаточно быстро. Она приставила к горлу капитана острие своего меча, после чего тому наконец пришлось замолчать.

— Слушай, приятель, неужели тебе и этого мало? — проворчал Конан. Произошло досадное недоразумение. Ты должен извиниться и пойти...

По лестнице поднималось четверо солдат. Шума, поднимаемого ими при этом, не смогли бы произвести и слоны.

Раина вернулась в свою комнату, Конан же дозволил воинам беспрепятственно подойти к своему командиру: ему совсем не хотелось, чтобы они разбрдались по всему коридору.

Не прошло и минуты, как Раина вновь показалась на пороге своей комнаты. Теперь на ней были набедренная повязка и кольчуга; в руках же у нее кроме меча был теперь и кинжал. Конан засмеялся:

— Лучше бы ты не одевалась — они пялились бы на тебя, как последние ослы!

— Ничего! Сейчас я им попялюсь!

Выбрав своей первой жертвой воина, стоявшего ближе всех к ней, Раина стала теснить его к лестнице, не выказывая при том явного желания поразить того насмерть.

Да, этой женщине отказать в уме было невозможно. Конан довольно хмыкнул и, перегородив дорогу соратникам бедолаги, с криком сверзившегося вниз, проревел:

— Ну что, мальчики? Кто первый?

Ставни легко распахнулись, и взгляду Якуба предстала спальня Илльяны.

Нагая волшебница лежала на кровати, забывшись крепким сном. На груди ее лежало то, ради чего Якуб и пришел к ней: огромный изумруд таинственный Камень Курага, исполненный чудовищной силы. Камень этот был так же легкодоступен, как и нынешняя его хозяйка.

Впрочем, доступность эта могла оказаться и обманчивой. Якубу не раз доводилось слышать жуткие истории о волшебниках, обращавших своих неосторожных жертв в камень.

Якуб спрыгнул с подоконника и осторожно направился к кровати. Камень, показавшийся ему вначале изумрудом, больше походил на кусок зеленоватого стекла. Цепочка, к которой он крепился, была не золотой, а медной. Якуб стал рассматривать лежавшее перед ним нагое тело. Рассказы о том, что Илльяна — это толстая уродливая женщина, оказались насквозь лживыми: более прекрасных тел Якубу еще не доводилось видеть, пусть возраст уже и начинал брать свое.

Он решил не покидать ее комнату сразу. Сняв с пальца левой руки серебряное колечко, он положил его рядом с зеленым камнем. Колечко скользнуло вниз и упало на ее нежный животик.

Якуб дрожащей рукой погладил ее по животу и, склонившись над Илльяной, поцеловал ее груди, сладкие, словно мед. Илльяна вздохнула во сне и положила свою тонкую руку на его ладонь. Якуб замер. Илльяна вновь вздохнула и убрала руку с живота. Якуб пятым отошел к окну и уже через минуту взбирался по веревке на крышу.

Конан и Раина играли с воинами Шамиля, словно кошки с мышками. Через четверть часа все четыре воина были обезоружены, ранен же был только один из них, да и то легко.

К этому времени на лестнице появилась добрая дюжина набежавших откуда-то снизу воинов. Здесь были и ветераны, и новобранцы, однако всех их объединяло одно — ни один из них не был трезв. Это хмельное подкрепление решило держаться подальше от неприятеля, — обнажив мечи, воины встали у стены и придали своим лицам грозное выражение.

— Наверное, вы хотите сразить нас взглядом, — обратился ко вновь прибывшим киммериец. — А я-то думал, что это невозможно!

У парочки молодых воинов не выдержали нервы, и они бросились на Конана и Раину с мечами наперевес. В следующее мгновение мечей не было ни у одного, ни у другого.

Больше всего Конан опасался того, что Илльяна, даже не пытаясь разобраться в происходящем, решит применить против защитников крепости какое-нибудь заклинание. В этом случае карты их тут же оказались бы раскрытыми, что придало бы всему этому делу нежелательную огласку.

Вскоре полку нападавших прибыло: снизу поднялись ветераны, с которыми Конан пил сегодня вино. Они не стали участвовать в драке и даже попытались урезонить своих соратников.

У Конана к этому времени желание сражаться пропало начисто, чего нельзя было сказать о вошедшей в раж Раине.

— Мне совсем не хочется драться с вами, ребята, — громко сказал Конан. — Единственный человек, с которым мне хотелось бы выяснить отношения, — это ваш капитан Шамиль. Он оскорбил мою госпожу.

— Неужели ты думаешь, что я не расплатился бы с ней? — возмутился капитан. — Это не в моих правилах!

— Разве речь идет об этом? С чего ты взял, что Раина станет спать с тобой?

Шамиль часто заморгал и стал на разные лады проклинать того, кто внушил ему эту мысль. И тут снизу послышался громкий крик:

— Всем разойтись! Капитана ждут на крепостной стене! Всем разойтись!

В коридоре появились дюжий ветеран и первый помощник капитана Хезаль.

— Как вы смеете распоряжаться во вверенной мне... — закипятился было капитан, но помощник тут же перебил его:

— Капитан, вас ожидает гонец из Горячего Ключа. Он говорит, что на его деревню прошлой ночью напали демоны. Многие из его земляков погибли, однако большинству все же удалось бежать.

— Демоны, говоришь? — озадаченно спросил капитан.

— Лучше поговорите с ним сами, капитан. Я же пока попробую разобраться с тем, что произошло здесь.

Капитан Шамиль на миг задумался. В нем боролись чувство долга, ярость и хмель. Чувство долга вышло из этой схватки победителем. Капитан нетвердой походкой стал спускаться вниз по лестнице.

Хезаль отдал пару приказов, и коридор тут же опустел, — в нем остались лишь Конан, Раина и сам первый помощник. Раина тут же вернулась в свою комнату, чтобы надеть на себя что-нибудь более или менее приличное. Конан же и Хезаль решили немного побеседовать.

— Надеюсь, шума вы больше не поднимете, — предположил помощник.

— При чем здесь мы? — возмутился Конан. — Заварил всю эту кашу не кто-нибудь, а ваш...

— Меня не интересует, кто начал драку! Драк в крепости быть не должно! У меня и других забот хватает!

— Мы не доставим вам каких-то хлопот! Могу поклясться в этом честью своей госпожи!

Хезаль рассмеялся:

— Хорошо, что ты не клянешься честью той птахи, которая приехала сюда с вами! Эта

девица на наших парней такими глазами смотрит, что им даже дурно делается. На вашем месте я бы держал ее взаперти — мало ли что с ней случиться может!

— Будьте покойны, уж я-то знаю, как следует поступать с ней.

— Вот и прекрасно! — С этими словами Хезаль покинул поле боя.

В ту же минуту из своей комнаты вышла облаченная в полные воинские доспехи Раина.

— Как ты мог согласиться на такой позорный мир! — сморщившись изрекла она.

— Сегодня на что-то иное нам и не приходится рассчитывать, — ответил Конан. — А Хезаль-то оказался человеком вполне приличным! Он не поддерживает Шамиля, и это значит, что мы можем зачислить его в наши союзники.

Выслушав киммерийца, Раина едва заметно кивнула и тихо сказала:

— Разбужу-ка я Илльяну.

— Ну а я пойду прогуляюсь к крепостным вратам. Надоело мне выслушивать рассказы о демонах от тех, кто о них слышал. Пора познакомиться и с человеком, который их видел!

Конан оказался у крепостных ворот в тот момент, когда гость из Горячего Ключа стал повторять свой рассказ. Кемаль не упустил ни одной детали: он поведал и о том, как мальчик Бора увидел демонов в одной из горных долин, и о том, как жителям деревни пришлось покинуть свои дома и спасаться бегством от этих адских тварей, и о том, как погиб жрец, и еще о многом-многом другом.

— Наши люди направляются сюда: иного выхода у них нет, — сказал Кемаль напоследок.

Хотя вестнику этому, судя по всему, не было еще и восемнадцати, он уже был вполне зрелым мужчиной. Конан вспомнил о том, что пришлось пережить к этому возрасту ему самому, и удовлетворенно хмыкнул.

— Они идут сюда? У нас что — караван-сарай? — Капитан Шамиль явно был недоволен этим известием. — Если бы у нас и были свободные комнаты, я ни за что не пустил бы в них этих вонюющих горцев!

Кемаль посмотрел на капитана так, что тот тут же призвал к вниманию лучников, стоявших на стене. Конан подошел поближе к горцу и встал так, чтобы того не было видно сверху. Если бы не печальная необходимость ни за что не идти на открытый конфликт с командующим, он давно бы уже вышвырнул Шамиля вон из крепости.

— Капитан, мне кажется, мы просто обязаны приютить у себя по крайней мере тех, кто не может защитить себя сам, — я говорю о женщинах, детях и стариках, — раздался низкий голос Хезаля. Киммериец оглянулся и с удивлением обнаружил, что недавний его собеседник каким-то адом успел облачиться в боевые доспехи. Роскошные шлем и кольчуга Хезаля были посеребрены, однако вмятины и рубцы, покрывавшие их со всех сторон, свидетельствовали о том, что доспехи эти предназначены не только для парадов.

— Места у нас предостаточно, — продолжил Хезаль. — Не следует забывать и о том, что после того, как мы отправимся в поход, освободятся и казармы. Я полагаю, мужчины Горячего Ключа согласятся выступить в роли наших проводников, если мы станем охранять их женщин и детей, — не так ли, Кемаль? Умелых воинов у нас хоть отбавляй, а вот проводников настоящих нет.

Конан обратил внимание на то, что Хезаль не сказал ни слова о Шамиле, — так, словно тот уже не командовал крепостью. Киммериец стал смотреть на Хезаля с еще большим уважением, понимая, что имеет дело с человеком действительно незаурядным.

— Ну что? — вновь обратился Хезаль к гостю. — Согласятся ли ваши люди с такими условиями?

— Я не поставлю этих бездельников на довольствие! — неожиданно громко закричал вдруг капитан Шамиль. — Пусть идут куда угодно, но только не ко мне!

Странное поведение капитана Конан объяснил для себя тем, что тот пытается хоть как-то сорвать на других злость, вызванную неудачным посещением заезжей красавицы.

— Скажи мне, Кемаль, — спросил он у горца, — есть ли поблизости и другие села?

— Конечно, есть! Но Бора приказал мне не заезжать в них, а скакать прямо сюда! В том, что он предупредит наших соседей о грозящей им опасности, вы можете не сомневаться! Бора, он такой — первым делом о людях думает!

— Клянусь Митрой! Я знаю, о ком он говорит! Этот самый Бора, который странным образом стал вождем собственного народа, родился в семье предателя и смутьяна Рафи! Я думаю, сынок отца своего стоит!

— Рафи повинен только в том, что он назвал ваших мародеров тем именем, которого они

заслуживают! — закричал Кемаль, выхватив из-за пояса длинный нож. Шамиль хотел было подать рукой сигнал лучникам, но в тот же миг и он сам, и его противник Кемаль оказались в руках гиганта-киммерийца.

— Похоже, демоны вселились и в вас! Иначе понять происходящее невозможно. Беда уже на пороге, а вы все о чем-то друг с другом спорите!

— Прямо как дети! — поддакнул киммерийцу Хезаль. — Оставьте споры. Давайте лучше обсудим наши дальнейшие действия. Я предлагаю включить в состав наших частей лишь часть мужского населения близлежащих деревень. Остальные могут либо сопровождать своих земляков во время их перехода в Харук, либо участвовать в защите наших бастионов, если люди все-таки решат остаться здесь.

— После вчерашней ночи в Харук чужих не пустят! — проворчал Шамиль. С другой стороны, если люди останутся у нас, то от наших запасов продовольствия не останется ровным счетом ничего! — Капитан раздраженно пожал плечами. — Поступай, как считаешь нужным, Хезаль. Кому-кому, а тебе я доверяю. Я же пока приведу в порядок свои доспехи и оружие.

Капитан, пошатываясь, побрел к казармам. Однако не успел он сделать и трех шагов, как над плацем зазвенел нежный девичий голосок:

— Капитан, дозвольте мне помочь вам! Я видела, как вас ранили в руку, я умею врачевать такие раны!

Это была Десса, стоявшая неподалеку от Илльяны и Раины. Масуф находился в стороне и потому никак не мог вмешаться в происходящее. Десса была одета в длинное, до пят, платье, однако Конан готов был побиться об заклад, что, кроме этого платья, на ней не было ровным счетом ничего. Шамиль, вытаращив глаза от изумления, смотрел на совершенно неведомую ему особу.

Рассмотрев ее получше, он улыбнулся:

— Если я не ошибаюсь, тебя зовут Десса, верно? Если ты на самом деле сумеешь утолить мучающую меня боль, я буду крайне благодарен тебе! Идем!

— Я сделаю для вас все, что в моих силах! — громко воскликнула Десса и, подхватив Шамиля под руку, повела его к казармам. Масуф угрюмо наблюдал за своей суженой и хотел было пойти вслед за ней, но тут Конан схватил его за руку, а Раина приставила к его животу острый нож.

— Вы — грязные сводники! — зашипел Масуф, пытаясь высвободить свою руку.

— Ты знаешь сам, что она пошла с этим ублюдком только потому, что сама захотела этого!

Конан кивнул.

— Пошевели мозгами, Масуф. Боги сотворили Дессу существом своенравным. Ты никогда не воспитаешь из нее тихую, покорную тебе во всем супругу. Если тебе нужна жена, останови свой выбор на ком-нибудь другом. Если же ты хочешь жить именно с Дессой, то приготовься к тому, что она будет делать только то, что ей нравится!

Масуф наконец освободил свою руку и принялся ругать на чем свет стоит и Конана, и Шамиля, и Раину. Вослед Дессе он, однако, решил не идти и, поворчав еще немного, отправился куда-то восвояси.

— Я бы приставил к этому молодому человеку стражника, — заметил Хезаль, ставший невольным свидетелем этой сцены. Конан улыбнулся. Хезаль был на год младше Масуфа, но держал себя так, словно тот годился ему в сыновья. — Вам тоже не помешало бы вести себя поосторожнее. Капитан Шамиль — бабник известный. Если уж он что-то надумал, он не успокоится, пока...

— Десса успокоит его надолго! — улыбнулась Раина.

— Наверное, вы правы, — кивнул головой Хезаль — Эта пташка удивительно похожа на

Пилу!

— Ты что — знаком с Пилой? — поразился Конан.

— Если с нею знакомы и вы, то она наверняка рассказывала вам историю о молодом офицере, проведшем в ее постели целую неделю!

— Честно говоря, ничего подобного она мне никогда не рассказывала. Но, впрочем, женщины — народ скрытный...

Хезаль сделал шаг навстречу Конану и еле слышно прошептал:

— Скажите мне правду — кто вы на самом деле? Мне не хотелось бы вмешиваться в ваши дела, но...

— Что ты на это скажешь? — так же шепотом обратился Конан к Раине.

Та кивнула и, сняв с груди монетку, служившую своеобразной верительной грамотой людей Мишрака, протянула ее Хезалю. Тот тут же посерезнел, хотя не подал и виду, что увидел нечто неожиданное.

— Теперь мне все понятно. Можете зря не волноваться — открывать вашу тайну кому-то еще я не собираюсь. Особенно это касается нашего командира. Поговаривают, что Шамиль — впрочем, с вашего позволения, я не стану говорить и о нем... Лучше поговорим о другом. Нам сейчас очень не хватает полевых командиров, не согласились бы вы немного выручить нас, пока вы находитесь здесь?

— Какой может быть разговор, конечно, мы вам поможем! — тут же отозвался Конан, которому это однообразное путешествие стало уже приедаться.

Столб пламени, взметавшийся вверх на несколько метров, можно было окрасить в любой цвет, что определялось единственным заклинанием.

Немного поразмыслив, Эремиус решил сделать пламя не только бесцветным, но и невидимым. Человек которого бы угораздило забрести сюда на Зимнее Становище, почувствовал бы неладное лишь тогда, когда языки пламени начали бы обжигать его... Чем сильнее страх, тем надежнее власть. Жители окрестных деревень наверняка попытаются скрыться на Заставе Земана. Он не станет мешать им. Когда пройдет определенное время, людям все равно придется вернуться на свои земли — иначе они просто пердохнут с голода. И вот тогда — тогда он испугает их уже по-настоящему! Их страх будет питать то начало, которое заменяет Трансформам душу, так же как плоть этих презренных тварей будет питать тела его могучих воинов!

Приподняв посох над землей, Эремиус очертил им в воздухе полукруг, время от времени прерывая его движение. Из серебряного набалдашника один за другим вылетели пять изумрудных шаров, что полетели в разные концы деревни. К утру Зимнее Становище должно было превратиться в пепелище, подобное тому, что осталось на месте Горячего Ключа. То же самое Эремиус собирался проделать и с оставшимися тремя деревнями, лежавшими неподалеку.

Эремиус щелкнул пальцами и подозвал к себе человека, носившего кольцо с Камнем Курага у себя на руке и снимавшего это кольцо лишь в тех случаях, когда хозяину его, Эремиусу, необходимо было совершить ту или иную магическую процедуру, в которой без Камня обойтись было просто невозможно. Подобная осмотрительность и осторожность была не случайна. Эремиус знал, что любой магический предмет — а тем более магический кристалл — обладает собственной волей, которая зачастую выходит из-под контроля мага, что может грозить ему большими неприятностями и даже физической гибелью.

Он приказал слуге снять кольцо с Камнем с посоха и надеть его на руку. С тех самых пор, как Камень едва не упал наземь, он вел себя как-то необычно. Эремиуса смущало не только то, что цвет его изменился, ему не нравился и исходящий от него тончайший писк, который то исчезал, то появлялся вновь.

Слуга послушно надел кольцо на руку и едва ли не тут же завопил не своим голосом. Изменившись в лице, он быстро замахал руками, словно пытаясь взлететь. Попытку эту нельзя было считать совсем уж безуспешной: Эремиус с изумлением отмел что корчащийся от боли и напряжения бедняга оторвался-таки от земли и даже смог взлететь на высоту в несколько локтей. С человеком — а значит, и с Камнем — происходило нечто в высшей степени странное. Похоже, Камень таким образом сумел отомстить ему, Эремиусу, за то, что он смог подчинить его себе. Человек захрипел и рухнул наземь бездыханной аморфной массой.

Эремиус осторожно коснулся Камня посохом. Камень вновь был таким же, как и всегда. Эремиус принял снимать кольцо с руки мертвого слуги, легонько постукивая по нему концом посоха. Когда наконец ему это удалось, он нанизал кольцо на свой посох и закрепил его прядью своих волос.

Как должен поступить воин, если его меч оживет? Если он выбросит его, то останется без оружия. Если оставит — меч будет представлять угрозу прежде всего для него самого.

Эремиус тяжело вздохнул и решил, что ему следует немного передохнуть.

Конан закончил сборы только к утру. Он положил на последнего мула выюки с хлебом и вяленым мясом и отправил его в загон, находившийся за северными воротами.

Вернувшись в казармы, он тут же поспешил в таверну, чтобы пропустить пару стаканчиков вина и побаловаться напоследок жарким. Выпив второй стакан, он вдруг загрустил. Всего пару лет назад он не взял бы с собой ни этих мулов, ни этой поклажи. Тогда к подобным вещам он относился куда проще...

Илльяна появилась перед ним так неожиданно, что он связал ее появление с волшебством. Заметив его изумление, она засмеялась.

— Не пугайся, Конан. К магии я прибегаю лишь в самых крайних случаях. Лучше скажи мне: не видел ли ты сегодня человека, который был бы явно не в себе? Шамиля из общего числа можешь исключить.

— Ха! За меня это сделала Десса! — Конан, нахмурив лоб, задумался. Ты знаешь, Илльяна, наверное, я не смогу сказать тебе ничего определенного. Я был достаточно занят для того, чтобы глязеть по сторонам.

— Все ясно. У Раины об этом я уже спрашивала, она ответила мне примерно то же самое. Осталось задать тот же вопрос Хезалю.

Конан почувствовал, что волшебница хочет сказать ему нечто важное. Судя по тому, что та никак не решалась заговорить с ним вновь, речь шла о чем-то из ряда вон выходящем.

— Ты был прав, когда говорил, что мы должны держать ухо востро. Этой ночью кто-то проник в мою комнату и попытался похитить мой Камень.

— Странное дело — ни я, ни Раина ничего не слышали!

— Ничего странного в этом нет. Я наложила на Камень заклинание, заставляющее домогающихся его забывать не только о нем, но и о многом другом. Человек, пытавшийся похитить его, должен быть какое-то время не в себе. Кстати говоря, это колечко — одно из доказательств того, что чары не подвели меня и на сей раз, — похититель почему-то решил подарить его мне!

Она поднесла к лицу киммерийца небольшое серебряное колечко. Конан, не раздумывая, отрицательно покачал головой: видеть это кольцо прежде ему не доводилось.

— Что у тебя за чары! — усмехнулся он. — Нет бы они обращали вора в камень или лишали бы его жизни! Неужели ты на это не способна?

— Ох, Конан, Конан, когда ты только поумнеешь! Людям лучше не знать о том, кто я на деле, иначе мы не обернемся неприятностей. Об этом не должен знать даже Хезаль!

— Уж я-то это понимаю! Но ты знаешь, Илльяна, мне почему-то начинает казаться, что этот

парень раскусил и тебя! Давненько я не встречал таких умников, как он!

— Вы друг друга стоите, Конан. Если он действительно умен, он мешать нам не станет.

В ответ Конан только улыбнулся. Он понимал, что многое так и не было сказано, однако с него было достаточно и услышанного, — лучше уж чего-то не знать, чем знать слишком много.

— Откровенно говоря, заклинание должно было, помимо прочего, запечатлеть на Камне лицо вора.

— Ты хочешь сказать, что этого не произошло?

Илльяна покраснела.

— Да. Почему этого не случилось, я не знаю. Кто знает, может быть, этого не захотел сам Камень.

Конан кашлянул и, налив в кубок вина, одним махом опорожнил его и тут же наполнил вновь. На этот раз он протянул его Илльяне.

Замешательство волшебницы было недолгим. Она благодарно кивнула киммерийцу и, приняв от него кубок, сделала несколько глотков.

Щеки ее тут же зарделись румянцем. Конан поставил бутыль на стол и тяжело вздохнул. Вот оно, оказывается, как. Камень-то этот еще и с норовом.

Где-то позади заплакал ребенок. "Не та ли это девочка, которую бросили в доме родители?" — подумал было Бора, но тут же попытался отмахнуться от этой мысли. Он уже слишком устал для того, чтобы думать о чем-то подобном.

Ноги повиновались ему с трудом, но не идти ему было нельзя, ибо за ним шла вся деревня. А как хотелось присесть ему на камень и оставаться там до той поры, пока мимо него не пройдет эта бесконечная вереница людей! Он порывался сделать это уже несколько раз, но каждый раз его останавливалась мысль о том, что земляки его сочтут такой поступок проявлением слабости и незрелости.

Начинало светать, однако идти по горной тропе все еще было непросто: камни сливались в неясную темную массу, каждую минуту грозившую уйти из-под ног, обернувшись рытвиной или колдобиной. Останавливаться тем не менее они не могли. С приходом ночи хозяин демонов должен был вновь выпустить своих страшных слуг на охоту. Скорее всего, они шли по следу людей и сейчас.

— Стой на месте! Иначе не сносить тебе головы! — раздалось впереди.

Бора поднял голову, но увидел только лучника, высланного вперед. На всякий случай он снял с пояса прашу и тут вдруг услышал на удивление знакомый голос:

— Это я — Кемаль. Со мной солдаты с Заставы Земана. Можете не волноваться.

Горы огласились радостными криками селян, мгновенно забывших о своей усталости. Бора, будь на то его воля, затанцевал бы от радости, но нынешнее положение обязывало вести себя иначе. Он важно приблизился к Кемалю, восседавшему на незнакомом мальчику жеребце.

— Куда ты подевал Бурана? — спросил Бора.

— Он остался в крепости. Капитан Конан пожалел нашу лошадку и отправил ее в конюшню. Меня же он снабдил этим красавцем!

Бора перевел взгляд на спутников Кемала — дюжего черноволосого детину и изящную женщину, одетую в боевые доспехи. Судя по звукам, доносившимся из-за их спин, за ними следовал целый полк пеших солдат.

Бора вздохнул и, собравшись с силами, произнес:

— Благодарю вас, капитан Конан!

Черноволосый великан по-кошачьи легко спрыгнул с коня и посмотрел в глаза мальчику.

— Благодарить меня будешь тогда, когда мы покинем эту гору. Смогут ли твои люди пройти хотя бы милю? Сколько в твоем отряде воинов? Остался ли кто-нибудь на тропе?

— Я...

— Оставь свое «я» при себе, парень! Если уж ты взялся командовать людьми, то кому, как не тебе, знать ответы на эти вопросы?

— Конан, не надо так! — обратилась к своему спутнику женщина. — Это его первая битва, да и бился он не с людьми, а с самыми настоящими демонами! Ты разговариваешь с этим молодым человеком так, как Хаджар с провинившимся новобранцем!

Несмотря на сумерки, Бора заметил, с каким вожделением и любовью смотрит на своего спутника незнакомка. Мальчик был крайне тронут тем, что она решила заступиться за него, и едва не стал благодарить ее вслух. Капитан Конан был старше него самого лет на пять-шесть, однако Боре он казался едва ли не ровесником его отца.

— Я думаю, до реки твои люди дойти смогут, — важно ответствовал Бора. — Запасы воды у нас кончились. Провианта у нас тоже нет. На последний же ваш вопрос могу пока ответить только так: на закате все наши люди были с нами. Какое-то оружие есть у сорока человек, —

среди них и мужчины, и женщины. По-настоящему же вооружена только дюжина: у этих имеются и мечи, и луки.

Конан удовлетворенно кивнул:

— Прекрасно. Если, как ты говоришь, все твои люди здесь, нам не придется посыпать в горы наших людей. Теперь ответь и на такой вопрос: что делается для спасения людей, живущих в соседних деревнях?

— Как?! Их тоже надо спасать?

— Ну а как же ты думал, мальчик?

Бора потупил глаза и густо покраснел.

— Возьми! — Женщина протянула ему флягу с водой, от которой пахло неведомыми мальчику благоуханными травами. Стоило Боре сделать всего пару глотков, как голова его прояснилась.

— Да хранят вас боги, госпожа!

— Нашел, кого госпожой называть! Меня зовут Раина — просто Раина. Что до задевших тебя слов моего друга, то они совершенно справедливы. Мы должны подумать и об остальных.

То ли вода во фляге была необычной, то ли во всем были повинны травы, но мальчик ощутил вдруг чрезвычайный подъем сил.

— Я послал гонцов во все окрестные деревни. Трое вернулись, трое нет.

— Все понятно, — с нетерпением в голосе произнес капитан. — Ну а что ты скажешь о демонах?

— Они сожгли нашу деревню дотла. Мы видели с тропы дым. Преследовать же нас они почему-то не стали. Что касается наших соседей, живущих поблизости, то они оказались в куда более сложном положении: мы покинули свою деревню намного раньше, чем это смогли сделать они. Можно только гадать, что могло приключиться с ними за это время.

— Помимо прочего, они могли и не поверить твоим гонцам, — с горькой усмешкой на устах пробормотал Конан. С минуту он стоял молча, затем улыбка его заметно потеплела, и он вновь обратился к мальчику: — А ты молодец, Бора. Признаться, я и не ожидал от тебя такой прыти! Твой отец вправе гордиться тобой!

— Вы не смогли бы замолвить словечко за моего отца Рафи? Наш плотник Якуб обещался сделать это, когда отправлялся в Аграпур, да его самого что-то след простыл.

— И в чем же твой отец повинен?

Бора вкратце рассказал историю злоключений своего отца. Киммериец слушал его, покачивая головой и то и дело поглядывая на Раину.

— Знал бы ты, мальчик, что говорил о твоем отце командующий той крепостью, к которой мы теперь и направимся! — сказала Раина. — Верхом-то ты скакать умеешь?

Бора едва не выпалил в ответ: "Конечно!", но ответил почему-то жеманным:

— Все зависит от лошади!

— Тогда Росинка будет тебе как раз впору. Навести своих людей и скажи им, что идти предстоит еще милю-другую. Мы будем ждать тебя здесь; иногда же все люди пройдут, мы поедем в арьергарде, — так будет надежнее.

— Вы можете присоединиться к нашим защитникам прямо сейчас — они и так замыкают собой наш отряд — сказал мальчик.

Киммериец обратил к нему свои небесно-голубые глаза и, стараясь говорить медленно, изрек:

— Тропа слишком узка для того, чтобы на ней можно было разойтись. Если ты хочешь, чтобы наши кони потоптали твоих людей, тогда так и говори. Мы же...

— Простите меня, капитан. Это действительно моя первая битва. Я не знаю и поныне;

почему боги выбрали для этого меня, но...

— Возможно, в свое время ты и узнаешь об этом, сейчас же тебе следует думать совсем о другом. Ты готов?

Мальчик потянулся и тут же почувствовал, что поездка верхом, скорее всего, не утомит его, но, напротив, ободрит, позволив размять окостеневшие члены и согреться.

Он взялся за поводья и хотел было запрыгнуть в седло, но тут раздался ужасающий крик, заставивший его застыть. Это был предсмертный крик десятков людей, сплетавшийся с адским ревом демонов.

Бора прикусил губу так, что из нее стала сочиться кровь.

На фоне сереющего неба темные фигуры Конана и Раины казались ему статуями, охраняющими храмовые врата. Когда они заговорили, голоса их исполнились еще большего достоинства и уверенности, чем прежде. Страхи Боры мгновенно улетучились. Вовремя же боги послали ему навстречу этих людей!

— Скорее всего, демоны напали на одну из соседних деревень, предположил Конан. — С другой стороны, все это может происходить очень далеко отсюда, но комуто очень хочется испугать нас, создавая иллюзию того, что ужас этот творится где-то совсем рядом. У Раины есть подруга, которая умеет делать то же самое, — верно, Раина?

— Оставь, Конан. Бора, мне очень жаль, но коня своего мне придется забрать.

В следующее мгновение Раина уже скакала где-то внизу.

— Бора, — прошептал Конан. — Сведи своих людей с тропы. Пусть на ней останутся только те двенадцать.

Две крупные Трансформы никак не могли поделить изуродованный труп. Они то начинали кружить друг возле друга, то пытались, застав противника врасплох, ударить его по голове чем-нибудь тяжелым. Эремиус лениво наблюдал за этой странной сценой, пытаясь сохранять нейтралитет. Алчность и тупость Трансформ чрезвычайно раздражали его, пусть благодаря именно этим качествам они и становились отменными рабами. Скотству этому не было видно ни конца ни края...

И тут маг увидел одного из охранников, зачем-то направившегося к рычащим разъяренным Трансформам. Неужели этот идиот решил разнять их? Зачем ему это?

Ответа на свой вопрос Эремиус не смог бы получить при всем желании: одна из Трансформ неожиданно ослабилась и ударом руки снесла человеку полчерепа.

Спор тут же закончился. Одна из Трансформ стала пожирать недавнее "яблоко раздора", вторая — занялась новой жертвой.

Эремиуса передернуло от отвращения. И это его сподвижники...

Трансформы по большей части объелись настолько, что ходить уже не могли. Теперь у них было только одно желание — спать. Они расползались по порушенной деревнеарами и тройками, пытаясь найти более или менее укромные местечки.

Эремиус перевел взгляд на Камень Курага, лежавший перед ним на земле. Пользоваться им часто он теперь побаивался. Единственным волшеством, совершенным в эту ночь с его помощью, была трансляция криков, оглашавших Тихую Заводь, на все окрестные тропы.

С каждой минутой небо становилось все светлее. Теперь уже он видел кружящих прямо у него над головою огромных стервятников, таинственным образом прознавших о произошедшем в эту ночь смертоубийстве.

Эремиус зевнул и произнес заклинание, позволявшее ему в течение какого-то времени не думать о Камне. Спать хотелось не только Трансформам, — спать хотелось и ему.

Конан снял с плеча лук и вытянул стрелу из колчана. Целью его был один из грифов, лакомившийся человеческими останками. Бурые нарости из запекшейся крови на груди стервятника говорили о том, что трапеза его началась не сегодня.

Тетива туранского лука зазвенела, и стрела со свистом устремилась к цели. Гриф издал трубный крик и, забив крылами, упал набок. Собратья его повернули к нему головы, но трапезы своей так и не прервали. Взлететь они в любом случае уже не смогли бы, — слишком уж роскошным для этого был их сегодняшний обед слишком уж полны были их хищные утробы.

Конана передернуло от омерзения — с каким удовольствием он выпустил бы в этих падальщиков все свои стрелы! Сколько странным казалось ему теперь название этой деревни — Тихая Заводь... Он затряс головой, пытаясь унять вспыхнувший вдруг гнев. Его следовало оставить до той поры, пока он не доберется до истинных виновников, дли них же надлежало приберечь и стрелы.

Из-за камня раздались странные булькающие звуки. Это тошнило Бору. Посльшались и другие звуки — неспешные и тяжелые шаги... Конан было насторожился, но тут же вздохнул с облегчением, увидев, что из-за скалы вышел не кто иной, как Хезаль.

— Твоя госпожа Илльяна сообщила мне о том, что это — дело рук демонов. Она что — э-э-э, — волшебница?

О чем Конану не хотелось говорить, так это о магических талантах его спутницы. Хезаль был настолько проницательным человеком, что обман в данном случае мог лишь ухудшить его отношение к ним.

— Ты посмотри получше — неужто этого и так не видно? Собери сюда всех вендиjsких тигров, и они не сделают и половины того, что ты видишь. Что до твоего вопроса, то я вынужден ответить на него так: да, моя госпожа кое-что может.

— Честно говоря, меня это особенно не удивляет, — сказал Хезаль в ответ. — Я вот о чем сейчас подумал: мы отведем Илльяне место в середине колонны — там она будет чувствовать себя в сравнительной безопасности. Раине тоже лучше быть где-то рядом с нею.

— Скажи мне, Хезаль, а как чувствует себя после той ночи Шамиль? Или тогда у него было временное помрачение?

Хезаль нахмурился.

— Если бы мой отец был жив и поныне, я давно бы навел здесь порядок. Сделать это, опираясь только на собственные силы, не так-то просто...

— Как звали твоего отца?

— Правитель Альбрас.

— Вот те раз, а я и не знал!

Альбрас был одним из правителей; в народе его считали человеком великого ума и редкостного благородства. Всю свою жизнь он служил верой и правдой Туранскому царству, побывав и в солдатах, и в дипломатах, и в правителях. Поживи он немного подольше, и Конану вряд ли пришлось бы рисковать жизнью, борясь с Послушниками Культа Судьбы, — при Альбрасе появление их в Туранском царстве было бы вряд ли возможно.

— Отец твой был великим человеком, — добавил Конан. — Я смотрю, ты тоже отставать от него не намерен.

— Главное сейчас — пережить эту ночь. Если я и останусь в живых, то благодарить за это буду не кого-нибудь, но самого Мекрети. В бытность солдатом мой отец учился именно у него. Свой боевой опыт он, соответственно, передал мне.

Конан уважительно кивнул. Мекрети был легендой не только для таких, как он, но даже и для великих, уважаемых всеми воителей, наподобие капитана Хаджара. Не погибли Мекрети в бою с гирканцами, и он стал бы командующим всей турнской армии.

Взглянув еще раз на усеянное костями поле, Конан зашел за валун, чтобы привести в чувство мальчика. К его удивлению, тот был здесь не один: рядом с ним стоял незнакомый киммерийцу человек, которого он видел в крепости не далее чем прошедшей ночью.

— Бора...

— Меня зовут Якуб, — сказал молодой человек. — Чем могу служить вам, капитан?

— Если Бора уже...

— До следующего обеда этого со мною уже не произойдет! — слабо улыбнувшись, сказал мальчик. — Обедать же мы, насколько я понимаю, будем ох как не скоро!

— Стало быть, тебе пришло время вернуться к своим людям. Их охраняет пара дюжин наших ребят. Все остальные готовятся к бою с демонами.

— Почему же я не могу остаться с вами? Неужели вы считаете меня слишком молодым для того, чтобы встречаться с противником лицом к лицу? Да мне...

— Приказы не обсуждаются! — отрезал Хезаль.

Мальчик хотел было сказать еще что-то, но Хезаль сурово посмотрел на него и, потрепав по плечу, заметил:

— Мой юный друг, если ты будешь спорить со мной, ты тем самым примкнешь к многочисленной армии моих противников, возглавляемой капитаном Шамилем. Ты хочешь этого? Пойми, любая потеря может обернуться для нас поражением!

— Я не хотел и не хочу ничего дурного, — пробормотал Бора.

— Что вы прикажете мне, мой капитан? — обратился к Хезалю Якуб.

— Об этом тебе могу сказать и я, — вмешался Бора. — Если это не покажется тебе слишком позорными я попрошу тебя отправиться на охрану женщин и детей. Присмотри и за моими...

— Я понял тебя. С большим удовольствием я пошел бы за капитаном, но не выполнить твоей просьбы я не могу, — вяло пробормотал Якуб и, развернувшись, скрылся во мгле.

Конан проследил за ним взглядом. Словам Якуба он почему-то не поверил и потому решил припомнить, где же все-таки он его видел.

Ему ясно представилось лицо Якуба, задумчиво бредущего вдоль крепостной стены. Это было ранним утром, незадолго до того, как Ильяна обратилась к нему со своим странным вопросом.

Может быть, именно этот человек и побывал у нее ночью? Разве не странным показалось ему тогда его лицо?

Конан решил не гадать попусту, пусть при этом он и вспомнил еще об одном странном обстоятельстве тогдашней утренней встречи: лицо Якуба в то утро было чем-то перепачкано — чем-то, походившим на сажу...

Интересным ему показался и профиль Якуба — он живо напомнил киммерийцу профиль его любимого Хаджара: тот же нос, тот же подбородок... Может быть, Хаджар и Якуб действительно состоят в родстве?

В эту минуту к ним подъехал всадник.

— Капитан Хезаль, мы встретили людей из Шести Вязов. Мужчины этой деревни хотят примкнуть к нашему войску, — посадник хотел сказать что-то еще, но тут взгляд его упал на пепелище, усеянное человеческими останками.

— Капитан Шамиль настроен так же, как и прежде? — спросил у ошарашенного всадника Хезаль.

— Да, капитан, так же, если не хуже.

— Похоже, капитан Конан, мы уже не вправе сидеть сложа руки. Пора браться за дело.

Конан согласно кивнул. Якуб особой опасности не представлял — с ним можно было разобраться и позднее. С Шамилем же следовало покончить именно сейчас.

Якуб не знал, куда ему деться от пронзительного взгляда киммерийца. Он развернулся и отправился прочь, едва сдерживая себя от того, чтобы не перейти на бег.

Когда его и киммерийца разделяло уже порядочное расстояние, он все же побежал, проклиная на бегу и незваных гостей, и самого Бору.

Стражи молча пропустили его в лагерь беженцев, и он направился прямиком к палатке семьи Боры.

— Приветствую вас, матушка Мериса!

— А где же Бора?

— Он остался с солдатами. Вместе с рекрутами из вашей деревни он отправится на Заставу...

— О боги! Неужели вам мало того, что вы забрали у меня Аrimу и едва не сделали того же с моим супругом? Что будет с нами, если мы останемся и без Боры?

Мериса прижала к себе двух младших детей и, смертельно побледнев, замерла. Якуб хотел было узнать у нее о том, где находится Карайя, но тут она сама вошла в палатку. На плече она держала бурдюк с водой.

— Якуб! — воскликнула Карайя и бросилась к своему возлюбленному, забыв и думать о бурдюке, который непременно бы разорвался, не успел его подхватить ее матушка.

Мериса наблюдала за молодыми, оставаясь внешне бесстрастной. Если же он вернет ей Рафи...

— Якуб, но где же Бора?

— Твой брат так привязался к солдатам, которые забрали его отца, что о родных своих совсем позабыл, — проворчала Мериса.

Якуб кивнул.

— Мы бросили монетку, и идти выпало не мне, а ему.

Якуб надеялся на то, что ложь эта сойдет ему с рук. Мело ли, что он может говорить родным Карайи, — разве это как-то меняет его к ним отношение?

— Хорошенько дело, — возмутилась Карайя. — Того гляди, они и меня в свое войско заброют, — бросили монетку, и все дела!

Якуб поцеловал Карайю и поблагодарил богов за то, что они даровали ему этот прекрасный цветок.

Эремиус поднял и посох, и кольцо с Камнем, боясь, что разведчик наедет прямо на него. Тот резко дернулся вперед, и лошадь, пронзительно заряв и поднявшись на дыбы, тут же остановилась как вкопанная.

Волшебник сплюнул наземь.

— Хорошо же ты скачешь верхом! Я подумаю, подумаю, да и отдам на съедение Трансформам и тебя самого, и твою лошадь.

Разведчик побледнел и укрыл свое лицо за давно нечесаной гривой коня. Животное, начинавшее приходить в себя, тихонько заржало.

Направив посох прямо в нос разведчику, Эремиус сердито зашипел:

— Может быть, ты все-таки расскажешь мне о том, что ты видел? Я ведь тебя посыпал вовсе не для того, чтобы ты моих лошадей гробил.

— Конечно, конечно, мой Мастер. На нас идут солдаты. Солдаты и мужчины, сумевшие сбежать из окрестных деревень.

— Сколько же их?

— Много. Я даже сосчитать их не мог.

— Наверное, тебе этого не слишком-то и хотелось...

— Я... Мастер... Нет, нет...

Камень ожил, залив склон ослепительным изумрудным светом. Завизжав, разведчик прижал руки к глазам. Движение это было столь резким, что он потерял равновесие и, вывалившись из седла, сверзился прямо под ноги Эремиусу.

Маг с интересом рассматривал извивающегося у его ног человека, убежденного в том, что он ослеп навсегда. До последнего времени Эремиус был уверен в том, что кони, добытые ими в одной из деревень и сохранявшиеся от того, чтобы их не сожрали Трансформы, рано или поздно сослужат им добрую службу; теперь же былой уверенности у него не было... Прибегать к Камню было небезопасно, но зато Трансформы, управляемые с его помощью, не только превосходили коней в скорости, но и были куда умнее всадников, — ибо действия их определялись не кем-либо еще, но им самим.

И когда только он сможет обходиться без людского войска? Мало того что люди тупы и неэффективны — они постоянно нуждаются то в одном, то в другом...

Подняв разведчика на ноги, он строго спросил:

— И все же — сколько их там было? Больше тысячи или меньше?

— Меньше.

— Теперь скажи — где же ты их видел?

— Они поднимались по Соленой Пади.

Эремиус пытался задавать разведчику и другие вопросы, но тот, судя по всему, был слишком потрясен внезапной потерей зрения, для того чтобы думать о чем-то еще. Эремиус вздохнул и внятно прошептал:

— Мою волей да вернется к нему зрение!

Человек убрал руки от глаз и, потрясенно рухнув на колени перед своим господином, стал целовать нижнюю полу его одеяний. Подобные изъявления преданности и любви со стороны простых людей продолжали трогать Эремиуса и поныне. Конечно, он предпочел бы, чтобы перед ним пресмыкался не какой-нибудь жалкий человечишко, но красавица Ильяна, но, памятая о том, что лучшее — враг хорошего, он умел радоваться и такой малости, как эта...

Вдоволь натешившись, Эремиус дозволил человеку подняться на ноги и удалиться. Оставшись в одиночестве, он сосредоточился и вызвал в сознании образ окрестных гор. Он хотел не просто рассеять тех, что дерзнули выступить против него, он хотел уничтожить всех людей до единого.

Справиться с этой задачей сложно было и Трансформам, ибо и они, к сожалению, были уязвимы... Помимо прочего, в дело могла вмешаться злокозненная Ильяна или даже неожиданно изменившаяся воля собственного Камня...

Лучшей тактикой при таком раскладе было совместное движение Трансформ единым плотным строем. Главное при этом — не ошибиться в выборе направления атаки...

Встав на колени, Бора опустил бутыль в ручей. И тут он услышал знакомые голоса. Не поднимаясь с земли, он пополз по направлению к ним.

Уже через минуту он понял, что разговор этот — вернее, этот спор для его ушей не предназначался. В нем принимали участие госпожа Ильяна, Шамиль и Хезаль.

— Моя госпожа, если вы так уверены в том, что на нас идут демоны, то почему вы не используете против них свои магические силы? — спросил Шамиль у Ильяны.

— Я трезво оцениваю свои способности. Совладать с ними мне все равно не удалось бы. Бора почему-то сразу понял, что Ильяна говорит не совсем искренне.

— Что же вы тогда за колдуны? — усмехнулся Шамиль. — Вы знаете, есть такая

пословица: не так страшен черт, как его малют. Может, статься, эти самые демоны и супротив самого обычного колдовства не устоят. Может быть, вам достаточно будет станцевать перед ними, а?

Боре очень хотелось чтобы Илльяна превратила Шамиля в свинью, но она почему-то этого делать не стала, хотя, судя по выражению ее лица, страстно того желала.

— Капитан, — вмешался в разговор Хезаль, — в любом случае госпоже Илльяне нужен покой. Либо я предоставлю в ее распоряжение взвод своих солдат, либо капитан Конан отберет часть деревенских и...

Шамиль грязно выругался и сплюнул.

— Этот сброд разбежится в одну минуту. Что до моих ребят, то я не дам ни одного человека. В конце концов, мы и не обязаны это делать. Как и обычно, мы выставим стражу и разожжем костры. Если же вы совершиете хоть что-нибудь без моего разрешения, я тут же отправлю вас в тюрьму. В первую очередь это относится к вам, Хезаль!

— Так точно, капитан!

Шамиль и Хезаль ушли. Бора хотел уже отползти в сторону, как тут послышались новые голоса. У костра появились Конан и Раина, одетая в короткие легкие штанишки, наподобие тех, которые носят матросы. Только теперь Бора заметил, что в глазах Илльяны, безучастно сидевшей в костра, поблескивают слезы. Заметив своих товарищ, она поднялась на ноги и подала им руки — одну Конану, другую Раине.

— Неужели с ним ничего нельзя поделать? — спросила Она.

— Будем надеяться на то, что с появлением демонов он уже не вспомнит о нас, — сказал Конан. — Не будем забывать и о том, что возможно призвать солдат к мятежу. Само по себе это скверно, но еще хуже будет, если мятеж поднимем не мы, а Хезаль. В эту минуту мы должны быть едины, как никогда!

— Мне кажется, что Хаджар вряд ли мог научить тебя...

— Довольно! — неожиданно резко перебил свою госпожу киммериец.

Она на миг опешила, но тут же, потупив глаза, прошептала:

— Извини меня, Конан. У меня не выдержали нервы. Если тебе доводилось оказываться в безысходных ситуациях, ты должен будешь понять меня...

— Я оказывался в них куда чаще, чем вы, госпожа. И я знаю, что по-настоящему безвыходных ситуаций нет. Неужели вам так не нравится идея мятежа?

— Я восприму его как должное. Ну, а теперь мне хотелось бы немного поспать.

— Как? Разве вы не пойдете в свою палатку? — удивилась Раина.

— Я думаю, теперь идти туда мне не стоит. Она будет скорее ловушкой, чем прибежищем.

— Хорошо, что нас никто не слышит, — сказал, озираясь, Конан.

Разговор продолжился, но ничего интересного Бора уже не услышал. Он спустился пониже по течению ручья, перешел его вброд и поспешил к лагерю, в котором стояли палатки его односельчан. Теперь под его началом были только жители Горячего Ключа; мужчины из Шести Вязов были отданы в распоряжение Гелека.

Благополучно добравшись до своей палатки, Бора забрался под одеяло и попытался уснуть.

Конан спал (если это можно было назвать сном) очень недолго. Поднявшись с жесткого ложа, он тут же покинул палатку и направился проверять караульных. К удивлению его, те не спали: то ли им не Давали уснуть духи их погибших товарищей, то ли Хезаль сумел за день навести здесь такую дисциплину, о которой Шамиль не мог и мечтать.

Сделав круг по лагерю, Конан столкнулся с Хезалем, так же, как и он, проверявшим посты. Тот рассмеялся, но особой веселости в голосе его не было, — слова Илльяны не шли у него из головы. Невесело было и Конану повсюду ему мерещились невидимые соглядатаи и бесплотные духи, алчущие человечьих душ.

— Я предлагаю делать обход вместе, — сказал Хезаль. — Люди, которые увидят нас, поймут, что мы на одной стороне — ты и я. Шамиля в их число я не включаю.

— Я полагаю, твоя подруга Десса должна была научить его уму-разуму!

— С чего ты взял, что она моя подруга?

— Ну а разве на оврага смотрят так, как она смотрит на тебя?

— Капитан! — раздалось из-за костра. — Мы видели, как что-то двигалось по гребню той горы.

Конан присмотрелся и увидел солдата, указывавшего куда-то вверх свои мечом.

Он отошел от огня и, подождав, когда глаза его привыкли к темноте, устремил взгляд в ту же сторону. На гребне горы, возвышавшейся к югу от лагеря, на самом деле что-то темнело. Это что-то находилось в беспрестанном движении.

Киммериец извлек свой меч из ножен. Хезаль положил ему на плечо руку.

— Конан, ты можешь понадобиться нам здесь.

— К тому времени не будет ни меня, ни вас, дружище!

Киммериец сбросил с плеча руку Хезала и, отстранив его, направился к горе.

Эремиус сидел, скрестив ноги, на огромном валуне. Воинство Трансформ находилось на противоположном конце долины, но он видел своих воинов так ясно, словно они были где-то рядом. Трансформы крались по крутым склонам, готовые в любую минуту камнем упасть на головы ничего не подозревающих солдат. Эремиус неожиданно усмехнулся. Он увидел человечка, начавшего взбираться на ту же гору, с которой спускалось его воинство. Судьба этого глупца мага особенно не занимала; и он перевел взгляд на переднюю часть долины, по которой должны были идти отряды его, Эремиуса, людей. Здесь не было ни души, однако Эремиус решил не тревожиться раньше времени: люди, посланные им сюда, могли запутаться или где-то задержаться. Сути дела это не меняло: чего они никак не могли, так это ослушаться приказа своего господина. Все шло как нельзя лучше. После того как Трансформы нападут на противника, люди встретят его с тыла. В этот момент Эремиус призовет на помощь магию и заставит своих врагов поверить в то, что они окружены со всех сторон, кроме одной. Врагу не останется ничего другого, как только начать отходить в этом направлении, — тропа же, по которой ему придется пройти, приведет его к гибким безводным местам. Прежде чем враг поймет это, будет уже поздно: тропу перекроют Трансформы.

Эремиус вновь усмехнулся. Совсем недавно он мечтал заполучить в свои руки какого-нибудь вояку с головой, который сумел бы командовать его человечьим воинством. Теперь он понимал, что в этом нет никакой необходимости, — с этой задачей он прекрасноправлялся и сам!

Он сполз с валуна и, встав за него, извлек из сумы Камень Курага. К заклинаниям пора было приступать уже сейчас. При этом Камень должен был засветиться так, что свет его был бы тут же замечен и в лагере, но это лишь помогло бы отвлечь внимание неприятеля от подлинной

опасности.

Посох, лежавший около камня, взлетел в воздух и потешно лег в руку мага. Сделав его серебряным набалдашником три пасса над Камнем, Эремиус начертал вокруг себя круг, который тут же вспыхнул изумрудным пламенем. Вонзив посох в землю, он приступил к заклинанию.

Конан взбирался на гору, даже не пытаясь таиться. Время теперь было дорого, как никогда. С другой стороны, в том, что неприятель увидит его достаточно скоро, был свой резон: это спровоцировало бы его на преждевременную атаку. Словам Боры о том, что демоны не имеют ни малейшего представления о стрельбе из лука и о метании дротиков, киммериец был склонен доверять.

На полпути к вершине Конан взобрался на гладкий валун с плоским верхом, с которого открывался вид на все четыре стороны. Ничего подозрительного на вершине заметно уже не было.

Он обернулся и увидел людей с зажженными факелами, идущих к лагерю. Ближайший к нему пост был усилен сразу четырьмя воинами. Интересно, испрашивал ли Хезаль у Шамиля согласия на это, или же последний все еще тешится с Дессой?

С северной стороны долины горы были пониже. С камня, на котором стоял киммериец, были видны хребты нескольких цепей. Рядом с одной из вершин виднелся слабый огонек, больше всего походивший на пламя погасающего костра, гореть которому оставалось считанные мгновенья.

Огонек, однако, разгорался все ярче. В том, что это не костер, сомнений уже не было: Конану никогда в жизни не доводилось видеть таких костров изумрудного цвета.

Только теперь он понял, сколь велика была его ошибка, кого он решил взбираться на гору в одиночку. Будь рядом с ним кто-то еще, и он смог бы послать его в лагерь, с тем чтобы предупредить своих товарищей о том, что за их спинами находится повелитель демонов, замышляющий против людей новое злодейство. Предупредить своих об опасности он мог и сейчас, но для этого ему нужно было подать голос, тем самым обнаружив себя и для врага.

— Слушайте меня, люди! — закричал Конан что было сил. — У вас за спиной, на вершине белой горы, происходит что-то неладное! Это говорю вам я, Конан!

Он повернулся спиной к долине и крикнул потише:

— Эй, вы! Мразь колдовская! Чего же вы ждете? Или вы боитесь сразиться с человеком?

В лагере загорались все новые и новые факелы. Больше всего теперь он походил на разбуженный улей. Конан вновь посмотрел на вершину. Тени, минуту назад казавшиеся ему скалами, внезапно задвигались. Демонов было куда больше, чем он мог предположить. Завыв позвериному, едва ли не все они устремились к нему.

Не раздумывая ни мгновенья, Конан спрыгнул вниз и, прижавшись спиной к валуну, замер. Уже через миг мимо камня, с разных его сторон пронеслись два демона, одного из которых Конан успел рубануть своим мечом по ногам. Демон взмыл, однако не только не потерял конечностей, но даже не упал. Грозно зарычав, он пошел на киммерийца, за спиной которого раздавалось громкое сопение другого чудовища. Конан выдержал небольшую паузу, подпуская демонов поближе, и резко отпрыгнул в сторону, успев нанести одному из чудовищ удар в пах и ударить второго демона по ногам. Удары его были точными и сильными, однако должного эффекта они не произвели, демоны, одетые в броню иссиня-черной чешуи, казались неуязвимыми.

На миг киммерийцу стало страшно. Но не демонов боялся он. Плоть их, пусть она и была преображена чудовищным колдовством, оставалась все той же плотью, а значит, ее можно было сокрушить мечом или стрелой. Конана пугала магия, посредством которой были сотворены эти чудовища. Некое древнее зло, страшнее которого на этом свете не было ничего, стояло за нею.

Этую же магией пользовалась и Илльяна...

Демон, раненный в пах, скрючившись, побежал куда-то вниз. Второе чудовище, ноги которого были ранены уже дважды, упало наземь и зашипело по-змеиному. Конан подошел поближе и тут же отвел от демона глаза — перед ним лежала женщина... Женщин он не убивал никогда, но сейчас он был просто обязан это сделать. Он вонзил свой клинок в горло поверженной жертве и тут же отскочил назад чтобы не быть раздавленным забившимся в агонии телом.

Рев демонов слышался уже и снизу, он смешивался с криками людей и ржанием коней. Конан посмотрел по сторонам и понесся вниз, к лагерю.

Бора уже не единожды слышал рассказы солдат о демонах, да и сам он сталкивался с ними уже дважды, но он и представить себе не мог, что те способны производить такой шум.

Боевые крики и рев, лязганье оружия и свист стрел сливались во что-то невообразимое. Вспомнив о назначенной ему роли, мальчик приосанился и решил как-то подбодрить своих людей.

В этом нуждались, однако, только те, кому не довелось участвовать в первой битве с чудищами. Не будь рядом с ними Ископа-кузнеца, и они, скорее всего, уже разбежались бы.

— Ах вы, шакалы негодные! — орал на них кузнец. — Выбирайте — или я, или демоны!

В каждой руке Ископ держал по молоту.

Один из деревенских все же попытался сбежать, но он явно недооценил реакцию кузнеца: тот опустил один из молотов ему на голову, и бедолага рухнул замертво, даже не охнув. В стане новобранцев из Горячего Ключа тут же воцарился порядок.

— Спасибо, Ископ! — крикнул кузнецу Бора.

Сражение длилось всего несколько минут, но погибших было уже столько, что подсчитать их количество было невозможно. Потери противника были куда скромнее — повалить удалось всего с десяток демонов.

Той линии, которой командовал Бора, пока удавалось сдерживать неприятельские атаки. На каждого из демонов нападало сразу по три-четыре воина, хотя бы одному из которых, как правило, удавалось нанести противнику чувствительное ранение, после которого тот начинал слабеть.

Сам Бора носился вдоль линии обороны, то и дело раскручивая свою пращу. Запас камней, подобранных специально для этого случая, давно был исчерпан, и мальчику приходилось довольствоваться теми камнями, которые он подбирал с земли. Меткость бросков от этого ухудшилась, но в среднем ему все-таки удавалось наносить неприятелю существенный урон.

Достаточно неожиданная мысль пришла ему на ум. Несмотря на то, что вокруг творилось что-то несусветное, Бора не испытывал ни малейшего страха перед противником. Сражение с демонами казалось и ему, и его людям чем-то будничным и достаточно заурядным.

Бора обернулся и увидел вспыхнувшее вдруг над северным склоном изумрудное пламя, языки которого тянулись к лагерю.

Пламя этоказалось адским, но, как ни странно, оно только придало людям сил: заметив его, они стали сражаться еще ожесточеннее, прекрасно понимая, что оно, в отличие от демонов, неуязвимо!

Трем демонам удалось прорвать линию обороны людей из Шести Вязов. Гелек заревел и, потрясая копьем, понесся на демона, бежавшего первым. Тот переломил его копье так, словно оно было соломинкой, и ударом своей страшной лапы снес Гелеку лицо. Гелек взвыл, и в тот же момент демон схватил его в лапы и, разорвав надвое, швырнул его останки в ряды воинов.

Страшная кончина предводителя небольшого отряда потрясла его односельчан настолько, что они, побросав оружие, пустились в бегство.

Бора почувствовал, что и его отваге скоро наступит предел. Успокоить его теперь мог только точный бросок из пращи. Он стал лихорадочно шарить по земле, надеясь нащупать подходящий камень.

Положение спас все тот же кузнец Ископ:

— Левый фланг! Левый фланг, оттягивайтесь назад иначе эта мразь окажется у вас за спиной! Да пошевеливайтесь же вы! Ну!

Не переставая сыпать проклятиями, Ископ набросился на демонов. Чешуйчатая кольчуга этих созданий хорошо защищала их от мечей и стрел, но не могла устоять против тех страшных ударов молотами, которые обрушились на их тела и головы. Прежде чем демонам удалось справиться с кузнецом, он успел уложить четырех чудищ. Еще двое демонов были убиты меткими выстрелами лучников, что позволило людям отбросить неприятеля назад и тем самым удержать фланг.

Ряды демонов заметно поредели. И тут Бора увидел за их спинами великана, что был куда крупнее любого демона. Клинок его разил неприятеля налево и направо; при этом великан чертыхался и призывал на помощь богов, о которых Бора даже и не слышал.

— Держитесь! Держитесь, ребята! Мы победим их! Митра и Эрлик, помогите вашим людям! — завопил Бора.

Киммериец гнал дюжину объятых ужасом демонов прямо на его отряд.

Конан прекрасно понимал, что его вид должен был произвести на людей сильное впечатление. Еще бы — могучий воин гонит перед собой дюжину испуганных демонов!

В глубине души он понимал, что все это скорее походило на маскарад. Благодаря его сверхъестественной силе и выносливости демоны не могли совладать с ним, но это не означало, что он мог справиться с ними, — для этого ему нужно было бы сразиться не с ними, но с их хозяином, затаившимся где-то на горной вершине.

Он взмахнул мечом еще раз и сбил с ног сразу двух бежавших перед ним демонов. В два прыжка он преодолел расстояние, отделявшее его от отряда лучников, которым командовал Бора. Никогда еще Конан не видел детей, которые взрослели бы так быстро.

— Давай, давай! — прокричал он Боре и поспешил к стоявшему посередине лагеря холмику, на котором стояла Илльяна.

Она стояла здесь и поныне, но теперь уже на коленях. Одной рукой она удерживала тело от падения, другой — разминала грудь так, словно пыталась унять сердечную боль.

В двух шагах перед нею лежал взятый в оправу Камень, что светился изумрудным светом и подрагивал.

— Илльяна!

— Нет, Конан! Не подходи к ней! Я пыталась сделать это, и посмотри, что со мною стало! — услышал он голос Раины.

Раина поднялась на холмик, держа меч в левой руке. Правая ее рука была сжата в кулак, мышцы ее то и дело сокращались, отчего рука сильно подергивалась. Голос Раины сильно дрожал.

— Я попыталась подойти к ней, — повторила Раина, — но тут что-то случилось с моей рукой. Мне показалось, что она погрузилась в расплавленный металл. Честно говоря, я даже не знаю, есть ли она у меня и поныне?

Конан нахмурился.

— Рука твоя там же, где и была. И я бы не сказал, что она выглядит как-то необычно. Странные, однако, Илльяна шутки шутит!

— Ты ничего не понимаешь, Конан. Это уже не ее заклинание. Это воля Камня — вернее то, что происходит от смешения того и другого.

Сказать что-либо в ответ Конан уже не мог: демоны подобрались к самому холмнику, охранявшемуся теперь самим капитаном Шамилем и десятком лучших его воинов.

Конан ринулся вниз, однако спасти капитана уже не успел: один из демонов оторвал Шамилю голову, другой тут же стал поедать его горячую плоть. Конан рубанул последнего так, что того не спасла и чешуйчатая броня, — меч перерубил ему хребет. И тут он увидел, что один из демонов поспешил к вершине холмика, где стояли погруженная в себя Илльяна и однорукая Раина.

Спасти Раину Конан уже не мог. Он бежал к вершине, беспомощно глядя на то, как несется к ней огромное уродливое чудище.

Раина, однако, даже не попыталась прибегнуть к помощи меча. Вместо этого она резко отскочила в сторону и, пропустив демона мимо себя, вонзила кинжал ему в бедро. Чудище взревело и, потеряв равновесие, стало падать наземь всего в шаге от Илльяны.

И все же упасть демону так и не было суждено. В паре локтей от земли демона подхватила невидимая рука, оторвавшая его от земли и сжавшая его так, что он завизжал, как свинья, попавшая под нож мясника. В следующий миг неведомая сила швырнула его прямо на застывших от изумления чудовищ, успевших перебить всех людей Шамиля.

Конан вздохнул и, приняв боевую стоику, подготовился к последнему бою.

И тут на поле перед холмиком стало происходить такое, во что трудно было поверить. Демоны разом развернулись и бросились наутек. Люди были настолько потрясены этим, что демонов никто даже не пытался преследовать, один лишь. Бора метнул вслед им камень, но на сей раз метким назвать его бросок было сложно.

Отерев со лба кровавый пот, Конан осмотрелся. Повсюду, куда только ни устремлял он взгляд он видел отступающих демонов. У большинства из них не было сил даже на то, чтобы бежать, — теперь они шли, шли усталой походкой, хромая и покачиваясь...

Конан изумленно посмотрел на Илльяну. Она мирно спала, свернувшись, словно котенок. Он подобрал с земли тунику Раины и, присев на колени перед волшебницей, осторожно приподнял ее голову и подсунул тунику под нее. При этом он почувствовал, что кончики его пальцев стало немного покалывать. Что-то легло ему на плечо. Он скосил глаза и увидел, что это — голова Раины. Раину, так же как и ее госпожу, сморил сон.

Снизу раздался голос Хезаля. Северянка тут же очнулась и поняла, что она почти не одета.

— Может быть, ты дашь мне хоть что-нибудь? — с возмущением в голосе спросила она у Конана.

— Ты предлагаешь раздеться мне? — усмехнулся киммериец. — Я полагаю, что мы сможем это сделать потом.

— Эй, Конан! Хватит с дамой любезничать! — закричал снизу Хезаль. Нас ждут на военном совете!

Эремиус освещал долину до тех пор, пока ее не покинули все Трансформы. И делал он это не столько ради них, сколько ради себя самого. Главным образом его интересовало то, отправятся ли люди в погоню за ними или нет.

Он мог бы рассеять тьму, не устраивая этой безумной иллюминации, но для этого ему пришлось бы вновь прибегнуть к помощи Камня, чего делать сейчас не стоило.

В последнее время ему все чаще начинало казаться, что заимея его обречена на провал. Камни, которые, казалось бы, должны были тянуться друг к другу, почему-то испытывают явную антипатию — иначе происходящее просто невозможно было понять... Смущало его и то обстоятельство, что в последнее время Камень все чаще и чаще проявлял явное непослушание, с которым бороться, ему становилось все сложнее. Если так пойдет и дальше, то не Камень будет принадлежать ему, а он Камню! И все же заполучить оба Камня он просто обязан, — в

противном случае жизнь его можно было бы считать прожитой зря. И ведь повинна во всех его бедах лишь она — эта негодница Илльяна...

Эремиус решил прикинуть потери. За время боя было потеряно около двадцати Трансформ; шестьдесят-семьдесят Трансформ было тяжело ранено, и на излечение их ему могло понадобиться несколько дней. Проигравшим, однако, он себя не считал. Люди потеряли убитыми и ранеными в несколько раз больше, при этом восстанавливать свои силы так же быстро, как его воинство, они не могли.

Сражение, происходившее этой ночью, можно было считать лишь своеобразной прелюдией к серьезной военной кампании. Удовлетворившись этим объяснением, Эремиус решил заняться делом.

Он приказал Камню поярче сверкнуть напоследок и погаснуть, что тот послушно и выполнил. Теперь Эремиусу предстояло обратиться к Камню с предложением вернуться на свое обычное место. Просить он не привык, и потому эта часть заклинания всегда удавалась ему куда хуже, чем прочие.

И все же по просьбе его, что больше походила на приказ, Камень внял и на сей раз: он взлет в воздух и сам собой залетел в предназначавшуюся только для него сумку. Больше на этой горе Эремиусу делать было нечего. Последний раз взглянув на объяющую тьмой долину, он быстро зашагал прочь. Если этот киммерийский великан надумает отправиться в погоню за ним, ему вряд ли поможет и Камень Курага...

Якуб посмотрел по сторонам. Похоже, рядом с человеком, стоявшим внизу, действительно никого не было.

Человек этот мог оказаться дозорным, он же мог быть и своеобразной приманкой, предназначавшейся для простаков... Впрочем, о втором можно было серьезно не думать — слуги мага были слишком глупы для того, чтобы затевать подобное.

Якуб свесился с края скалы и, мгновенье повисев, разжал руки. Галька скрипнула, и человек тут же резко обернулся, но было уже поздно: Якуб вогнал ему под ребра свой длинный кинжал. Якуб немного поддержал обмякшее тело, чтобы оно своим падением не произвело ненужного шума, и оно опустилось на камни с негромким глухим стуком.

Этого оказалось достаточно для того, чтобы поднять на ноги и спутников погибшего, и дозорных лагеря беженцев. Первые с криками понеслись куда-то вниз, вторые же принялись осыпать балку стрелами.

Судя по стонам и ругани, несколько стрел попало в цель. Еще через минуту все звуки смолкли, и Якуб отважился покинуть свое убежище у основания скалы. Вскоре к скале подошли и дозорные лагеря.

Видавший виды сержант посмотрел на лежавший у его ног труп и одобрительно пробурчал:

— Чисто сработано, ничего не скажешь!

— Если бы я не спешил, они бы и услышать ничего не смогли! отозвался польщенный Якуб.

— Ну и зачем нам это? Не подними они шума, мы ни о чем не догадались бы! Так они, по крайней мере, убежали! Слушай, парень а не хотел бы ты поступить на службу к царю Йалдизу?

— Сначала я женюсь, ну а потом посмотрю...

— Все правильно. Без жены солдат не солдат.

К лагерю они шли вместе. Когда они подошли к палаткам, небо на востоке уже начинало сереть. Якуб попрощался с сержантом и направился к палатке, в которой жили родные Боры.

Ночной переполох даже не разбудил их. Карайя лежала на ворохе жухлой травы, прижимая к себе двух своих младших братьев. Якуб присел на корточки и поправил съехавшее одеяло.

Теперь о жизни ее можно было не беспокоиться. Ночь миновала, к полудню же беженцы должны были подойти к Заставе Земана.

Якубу предстояло идти совсем в иную сторону — он должен был напасть на след людей Эремиуса и по нему выйти на него самого. Но не это было самым трудным в его рискованном предприятии, — самым трудным было убедить Эремиуса в том, что именно он, Якуб, должен стать военачальником армии мага.

Он коснулся щеки Карайи губами и тихо вышел из палатки.

Весь остаток ночи ушел на наведение порядка в лагере, подсчет потерь, помощь раненым и прочесывание окрестных гор. После того как все разведчики до единого доложили Хезалю о том, что в окрестных горах нет ни души, он объявил военный совет открытым.

— Я назвал бы это победой, если бы мы не потеряли втрое больше воинов, чем они, — сказал новый командующий. — Конечно, часть убитых они могли унести и с собой, но сути дела это не меняет. И еще: мне хотелось бы обратить внимание собравшихся на то, что отход неприятеля больше походил на организованное отступление, чем на паническое бегство.

— Вы совершенно правы в этом, капитан, — согласилась Илльяна. Она была бледнее обычного, время от времени по телу ее пробегала непонятная судорога. Голос ее, однако, был тверд как никогда. — Увидев потери, которые несло его воинство, правитель демонов приказал им отступить. Не сделал он этого, и нам, скорее всего, не довелось бы сбраться на этот совет.

— Мне кажется, что определенная доля заслуг в этой победе принадлежит и вам, госпожа, — не так ли?

Илльяна пожала плечами.

— Простите меня, капитан, но я не могу принять вашу похвалу. Я сделала все, что было в моих силах, и это каким-то образом повлияло на исход битвы, но я тем не менее так и не смогла разбудить сил, дремлющих в Камне. К счастью, этого не удалось сделать и Эремиусу.

Хезаль посмотрел себе под ноги так, словно оттуда вот-вот должны были появиться какие-нибудь адские создания, наподобие виденных им этой ночью. Помолчав с минутку, он поднял глаза на Илльяну и негромко сказал:

— Мне кажется, что сейчас вы сказали неправду. Я почувствовал это по тону.

— Дело в том, что ни вы, ни ваши солдаты не смогут понять некоторых вещей без того, чтобы... — Раина замолчала, почувствовав, как на ее плечо легла тяжелая рука киммерийца. Хезаль перевел взгляд на нее. Теперь этот взгляд был полон подозрений.

— Капитан, — вновь обратилась к нему Илльяна, — сегодня я узнала много такого, чего я не могла и предположить. Пока я не пойму всего, я не смогу сказать вам ни слова. Но знайте — однажды я раскрою перед вами всю правду. Клянусь Семью Храмами и Мощами Пулака!

— Я думаю, к этому времени демоны успеют наведаться к нам не раз!

— Если мы вернемся на Заставу Земана, этого не произойдет.

— Вы хотите, чтобы мы, подобно трусливым псам, поджали хвосты? Да не бывать этому, пока я командую этой заставой! Не знаю, как к вам относится царь Йалдиз...

— Ты знаешь, как относится к госпоже Илльяне Мишрак. Я полагаю, этого вполне достаточно.

Установилась напряженная тишина. Конан уже стал подумывать о том, чтобы извлечь из ножен свой меч, но тут Хезаль вздохнул и негромко сообщил присутствующим:

— Честно говоря, я и сам подумываю о возвращении в крепость. Вот только я не знаю, как к этому отнесутся мои орлы — не сочтут ли они это проявлением трусости?

Раина потрепала Бурана по холке:

— Прекрасный у тебя жеребец, Бора. Да ты и сам вроде ничего...

Бора промолчал. Всего час тому назад он похоронил Кемаля, так и не сумевшего оправиться от полученных в сражении ран. Повезло Кемалю только в одном: он так и не пришел в сознание, и потому смерть его была безболезненной.

— Спасибо вам, Раина, — наконец сказал Бора. — Но я ехал сюда вовсе не за тем, чтобы вы похвалили моего скакуна и меня. Я ищу Якуба. Он куда-то исчез.

Конан и Раина обменялись взглядами. Ильяне об этом пока говорить не следовало: она и в седле-то держалась лишь благодаря чудовищному усилию воли, новость же, подобная этой, могла вышибить ее не только из седла.

— Я думаю, о нем ты можешь особенно не беспокоиться, — отозвался Конан.

— Да я бы и не думал искать его, если бы не моя сестрица Карайя! Это она о нем беспокоится!

— Пока твоего отца здесь нет, ты являешься главой семьи, Бора, сказал Конан. — И ты вправе оградить свою сестру от чьих-то там домогательств.

Бора фыркнул:

— Вы плохо знаете Карайю. Язык у нее почище меча Раины будет! — Он несколько посерезнел и добавил: — Помимо прочего, Якуб пообещал освободить отца. Пока у него ничего не вышло, но кто знает, что будет завтра?

— Какой ты справедливый, Бора! — засмеялась Раина. — Таких, как ты, боги любят!

— И потому ты должен молить богов о том, чтобы они сохраняли тебе жизнь, иначе ты не сможешь отстоять справедливость, мой мальчик. Что до Якуба, то он мог столкнуться и с разведчиками Эремиуса, а это могло закончиться для него чем угодно. Мне кажется, что подобное с ним вряд ли могло случиться, но в любом случае поискать его стоит.

— Присоединяйся к нам, — добавила Раина. — Если ты голоден то у нас есть хлеб и сыр.

Бора отломил кусок сыра и занял место в колонне сразу за Раиной. Конан задумался. Интересно, действительно ли этот самый Якуб приходится Хаджару родным сыном? Если это так, то ждать от него чего-то хорошего особенно не приходится. Лучше будет, если ни Бора, ни Карайя так и не узнают о том, что он за человек. Конан потряс головой. Пропади он пропадом, этот Якуб. Как будто у него, Конана, других забот нет. Если уж думать, так думать о чем-нибудь приятном, — например, о Раине...

Якуб поспешно спрыгнул вниз с невысокой скалы. На этот раз приземлился он совершенно бесшумно. Те, кого он искал, продолжали стоять к нему спиной. Он не стал вынимать из ножен ни меча, ни кинжала, но развел руки в стороны и лишь тогда негромко позвал:

— Слуги владыки!

Разведчики мигом обернулись, схватившись за рукояти своих мечей. Они смотрели на Якуба, едва ли не разинув рты от изумления.

Установившееся молчание грозило растинуться на целую вечность. Якуб кашлянул, приглашая разведчиков к разговору, и один из них уже через пару минут изрек:

— Мы служим хозяину. А ты — нет.

— Я ему не служу, но я хочу ему служить!

Вновь установилось молчание. Якуб уже начинал жалеть, что он связался с этими олухами.

— Покажи нам знак! — сказал вдруг один из разведчиков.

Якуб не имел ни малейшего понятия, о каком таком знаке идет речь. На всякий случай он

достал из кармана кольцо с печатью своего отца.

Разведчик, попросивший его показать знак, взял кольцо в руку и воззрился на него немигающим взглядом. Не прошло и минуты, как он вернул кольцо Якубу.

— Мы такого знака не знаем.

— Вашему хозяину он знаком.

— Нашего хозяина здесь нет.

— Так давайте пойдем к нему!

— Ты хочешь, чтобы мы отвели тебя к хозяину?

— Разве это воспрещено? — Якуб прекрасно понимал, что кричать на этих идиотов бессмысленно, с ними следовало говорить так, как говорят с неразумным дитятеи.

Разведчики переглянулись и надолго задумались. Через какое-то время они принялись покачивать головами:

— Нет, это не запрещено.

— Тогда молю вас, ради победы вашего хозяина, отведите меня к нему!

Помолчав с минуту, разведчики разом утвердительно кивнули головами и, повернувшись к Якубу спиной, поспешили к выходу из ущелья. Якуб усмехнулся и последовал за ними.

Хезаль вышел из-за стола и принял расхаживать по зале. За окнами шумела начинавшая приходить в себя толпа селян, собранных со всей округи. Женщины, стоявшие в очереди за водой, то и дело устраивали шумные свары, дети хныкали и пронзительно визжали, собаки лаяли и завывали...

— Хорошо хоть скот их за стеной остался! — пробурчал Хезаль. Он подошел к окну и захлопнул ставни. — Да, демоны, или — как это вы их называете? — да, да, Трансформы, давно бы сожрали их, не приведи мы их в крепость. Но вы должны понять, что это не базар, это самый настоящий стратегический объект! И потому вы должны понять и мое решение. Я решил перевести всех этих людей в Харук. И сделаю я это скоро: мне осталось предупредить парочку гарнизонных командиров. Если эта безумная толпа так и останется здесь, не миновать нам лихорадки и холеры!

— Интересно, как бы отнесся к вашему решению Мугра-Хан? поинтересовалась Ильяна. — Конечно, по сравнению с капитаном Шамилем вы золото, но мне кажется, что в данном случае вы не совсем прорвы.

Хезаль нахмурил брови:

— Мне пришлось заглянуть в бумаги Шамиля, из которых тут же стало ясно, что он связался с какими-то подонками, исполняющими волю Хаумы. Он и сам успел натворить такого, что и смерть от лап Трансформ была для него незаслуженно легкой. Ну да ладно... Что до Мугра-Хана, то узнает он обо всем лишь после того, как я добьюсь выполнения того, что представляется мне необходимым! Вестника же, который сообщит ему об этом решении, я отправлю не далее как завтра.

Конан рассмеялся:

— На месте турецкого царя я отдал бы под твое начало все свое воинство!

— С меня хватает и того, что находится в моем распоряжении сегодня! Чего бы я действительно хотел — так это раздобыть где-нибудь Заянской Морилки или чего-нибудь еще более действенного! Госпожа Ильяна, вы можете сказать мне что-либо определенное по этому поводу?

— Для того чтобы приготовить первую порцию Морилки, мне понадобится два дня, — заговорила Ильяна. — Если порошок выйдет таким, каким он и должен быть, я смогу поручить его изготовление кому-то еще. Лучше всего для этой роли подходит Мариам, племянница Иврама.

— Если я вас правильно понял, то заговариваете вы горшки, а не то, что варится в них? — спросил Хезаль.

— Вы поражаете меня своим умом, — засмеялась Илльяна. — Да, это так. К сожалению, заклинание, с помощью которого изготавливается этот замечательный порошок, почти неизвестно людям. Будь это не так, и чернокнижников в мире было бы намного меньше. Что до вашего вопроса, то я заговариваю горшок, а не варево, по той простой причине, что при этом мне не приходится лишний раз прибегать к помощи Камня.

— Может быть, мы к вовсе не станем трогать его? — спросил Конан. У четверки людей, собравшихся в зале, секретов друг от друга не было.

— Тогда Заставе Земана останется надеяться только на доблесть капитана Хезаля и его воинов! — рассмеялась Раина.

— Это мне уже нравится, — оживился Хезаль. — Но сколько времени мы должны будем продержаться?

— После того как с Морилкой будет покончено, один день уйдет на восстановление магических свойств Камня и еще один день — на приготовления и сборы, — ответила Илльяна.

— Скажите мне, что вам понадобится, и я распоряжусь, чтобы все необходимое было приготовлено прямо сейчас! — сказал Хезаль. — Чем раньше вы выйдете, тем с большей вероятностью вы не позволите Эремиусу вернуться в его — твердыню! Насколько я понимаю, это тоже имеет немалое значение!

— Вы правы, капитан. Так оно и есть.

— С вами я отправлю десятерых воинов. Именно десятерых — ни больше и ни меньше! Чем меньше отряд, тем труднее его обнаружить. Они будут сопровождать вас до самых гор. Иначе вам будет сложно защитить себя.

— Что-то я тебя не понимаю! — изумился киммериец.

— Все ты понимаешь, варвар. И даже больше, чем следовало бы.

Хезаль позвонил в колокольчик, лежавший на столе.

Из-за двери послышался женский голос:

— Что вам угодно, капитан?

— Принеси нам кувшин вина и четыре кубка. Потом согреешь воды для бани.

— Как вам будет угодно, капитан.

Только теперь Конан понял, почему голос этот кажется ему таким знакомым. Это был голос Дессы! Он удивленно посмотрел на Хезаля, тот же, широко улыбнувшись, ответил ему:

— Я унаследовал не только обязанности Шамиля, но и его привилегии.

Бора переложил мешок с углем на левое плечо и постучал в дверь.

— Мариам, это я, Бора! Я принес уголь.

Из-за двери послышались шаги босых ног и лязг отпираемых запоров. Дверь открылась, и на пороге появилась Мариам, одетая в алую ночную рубашку, подпоясанную тонким золотистым пояском. "Как этот цвет идет ей", — подумал вдруг Бора. Он не мог оторвать взгляда от глубокого выреза на груди племянницы Иврама.

— Входи же, ну! Поставь мешок у северной стены!

Едва переставляя неожиданно занемевшие ноги, Бора вошел вовнутрь и оказался в просторном помещении, полы которого были завалены свежевыкрашенной шерстью. Он с трудом нашел узкий проход ведший к печи, возле которой лежали груды угля и соли, стояли бесчисленные горшки и котлы. Высыпав уголь на ближайшую к нему кучу, Бора наконец-таки смог выпрямить спину и размять руки.

— И сколько Морилки они хотят сделать? — спросил он. — Если все это пойдет только на нее, то представляю, сколько ее будет!

Мариам улыбнулась:

— Госпожа Илльяна привыкла держать язык за зубами. Одно могу сказать — теперь так просто Заставу Земана не возьмешь!

Она нагнулась к печи и взяла с нее две чаши с вином. На миг Боре открылась ее грудь, отчего внутри у него все похолодело.

— Давай выпьем за твою победу, — сказала она, протягивая ему чашу с вином.

Он принял чашу и заплетающимся от волнения языком произнес:

— Лучше выпьем за мое возвращение...

И тут Мариам обняла его и жарко зашептала ему в ухо:

— Неужели они так глупы, что решили взять тебя с собой?

Бора немного отстранился от нее и прошептал:

— Они совсем не глупы. Просто лучше меня этих мест никто не знает.

Бора опорожнил чашу с вином и почувствовал, что Мариам наполняет ее вновь. Он выпил и вторую чашу, и мог бы пить еще и еще, но тут она засмеялась и прошептала:

— Не надо тебе больше пить, милый. Ты ведь еще такой молоденький...

Мариам забрала чашу из его онемевших пальцев и поставила ее на пол. Он почувствовал, как ее тонкие пальцы прикоснулись к его губам, щекам, шее...

Горный поток, низвергавшийся с невысокого утеса, падал на плоский камень и разливался вокруг него достаточно глубоким озерцом. Конан удивился тому, что вода из озерца никуда не вытекает, но решил не придавать этому значения: вода нужна была им не для чего-нибудь, но для питья, и указанное обстоятельство никак не влияло на ее пригодность для этого. Он зачерпнул воду рукой и поднес ее к губам.

— Хорошая чистая вода. Пейте и наполняйте бурдюки и фляги!

— Я думаю, нам стоит и искупаться, — неожиданно предложила Илльяна. Она тут же сбросила с себя сапоги и с видимым удовольствием зашла по щиколотки в воду. — Мы не могли позволить себе этого, пока рядом с нами были солдаты. В обозримом будущем другой такой возможности у нас тоже не будет.

Конан поднял глаза на сверкающие пики Ильбарских гор, среди которых выделялся огромный Повелитель Ветров.

Он чувствовал, что где-то совсем рядом затаился грозный, страшный враг, что с легкостью совладал бы не только с десятком, но и с тысячью воинов. Сержант, командовавший их сопровождением, быстро понял это и не стал возражать когда ему и его отряду было предложено вернуться в крепость. С той поры прошло уже два дня. Тогда же они решили оставить и коней, которые теперь только мешали им.

— Будь по-вашему, — согласился Конан с Илльяной. — Купаться будем в таком порядке: сначала женщины, затем Бора с Масуфом, ну и, наконец я.

Молодые люди встали по разные стороны озерца. Раина разделась первой и, не раздумывая, окунулась в воду с головой.

— О боги! — воскликнула она, вынырнув. — Да она же холодная как лед!

Илльяна засмеялась:

— Неужели ты забила наши боссонские реки? Это тебе не ванирские бани!

Раина вновь нырнула под воду. Илльяна сбросила с себя платье и подошла к краю озера, но войти в него на сей раз не сумела — ее вдруг окатило таким спопом ледяных брызг, что она с визгом отскочила назад.

— Ты...

— Я ничего не забыла, госпожа. Скорее, это вы забыли!

Илльяна пробормотала в ответ подруге что-то не совсем вежливое и принялась подвязывать свои длинные косы лентой.

Положив меч на колени, Конан наблюдал за женщинами. И ту, и другую можно было назвать красавицами, однако Раина была заметно моложе и, на его взгляд, милее своей госпожи. Но так казалось не всем: Масуф, судя по всему, думал иначе — он смотрел на Илльяну так, что Конану даже становилось как-то не по себе. Бора вел себя достаточно спокойно, и это его спокойствие, скорее всего, было как-то связано с красоткой Мариам, которой мальчик помогал перед их отправлением из крепости.

Илльяна покончила с подвязкой волос и стала снимать с руки кольцо с камнем. Конан протянул руку за ним, но Илльяна, заметив на его ладони свежий порез, неожиданно отстранилась.

— Нет, нет, Конан, этой рукой нельзя. Возьми его другой.

— Да это же просто царапина! Сейчас я промою ее водой и перемотаю чистой тряпицей, только и делов! К тому времени, когда мы окажемся в горах, от нее уже и следа не останется!

— Да я не об этом, — улыбнулась Илльяна. — Рану-то твою я могу и за день вылечить. Дело

в другом: на Камень Курага ни в коем случае не должна попасть кровь.

— Он что — дуреет от нее? — пошутил киммериец, пытаясь тем самым скрыть проснувшийся вдруг страх. Илльяна строго посмотрела на него и совершенно серьезно сказала:

— Можно сказать, что он от нее пьянеет. Едва на Камень попадет кровь — управлять им станет почти невозможно. И еще: считается, что окровавленный Камень Курага, попадая в воду, полностью выходит из-под контроля.

Конан пожал плечами и, взяв кольцо с Камнем в правую руку, опустил его в дорожную сумку. Ему хотелось спросить Илльяну о том, как та собирается оградить Камень от крови в грядущем сражении с Трансформами Эремиуса, но что-то помешало ему задать этот вопрос вслух.

Это «что-то» было телом Илльяны, оказавшимся слишком близко к нему для того, чтобы его могло интересовать что-либо иное. Он поднялся на ноги и принял расхаживать по берегу озерца, пытаясь совладать с собой. Илльяна тем временем нырнула в озерцо и поплыла к дальнему его берегу, у которого плескалась Раина.

Едва вожделение оставило Конана, его посетила донельзя странная мысль. Если Камни Курага живые, если они обладают собственной волей, то не могут ли они в обмен на послушание Илльяны одаривать ее и магическими талантами, и любовью?

Мысль эта мгновенно испортила ему настроение.

— Не надо идти за мной. Бегите! — закричал Якуб.

Дюжина здоровенных мужчин послушно вняла его приказу. За прошедшие два дня они научились многому. Прежде капитаны и сержанты воинства Эремиуса ничем не отличались от находившихся в их подчинении солдат. И положение это стало исправляться только с его, Якуба, приходом. Он должен был научить уму-разуму двенадцать человек, а те, в свою очередь, должны были взять себе по шесть учеников, каждому из которых в свое время следовало воспитать еще шестерых. За два месяца военную подготовку должны были пройти все люди Эремиуса, что превратило бы воинство мага в достаточно грозную силу.

Лишь бы ему научить их стрельбе из лука! Якубу вспомнился его недавний разговор с Эремиусом. Тот был немало поражен, когда увидел перед собой человека, предложившего ему сделать из его людей настоящих воинов, однако тут же согласился с его предложением.

— И еще, Мастер, ваших людей надо обязательно выучить стрельбе из лука! В горах один лучник стоит трех пехотинцев!

— Мы не собираемся сидеть здесь вечно.

— На равнине лучник приравнивается к всаднику!

— Ни один всадник не посмеет приблизиться к Трансформе!

— Может быть, вы правы. Но в случае отступления арьергард может...

— Отступлений больше не будет!

— Вы, вы... Такая уверенность делает вам честь, Мастер!

— Да, я уверен в этом. Ты принес ко мне свои познания — и я доволен этим. Ты принес с собою и новости — и я рад этому. Близок тот час, когда Камни Курага вновь будут вместе!

Эремиус повернулся к Якубу спиной, давая тому понять, что разговор окончен. Не желая раздражать мага, Якуб почел за лучшее исчезнуть.

Чего Якуб не мог понять до сей поры, так это того, почему Эремиусу так не нравится стрельба из лука. Может быть, он боится того, что подвластные ему люди в один прекрасный день перестреляют всех Трансформ из луков? Но ведь он давно превратил этих людей в круглых идиотов, которые о бунте не смогут и помыслить.

Может быть Эремиус просто потерял интерес к проблемам такого рода? Если хотя бы половина рассказов его о Камнях Курага соответствует истине, то в этом нет ничего

удивительного... Якуб улыбнулся. На этом он и поймает Эремиуса.

Он обернулся и посмотрел на бегущих людей. Теперь они уже не выбивались из сил так быстро, хотя бежали с приличной скоростью. Он резко остановился и, развернувшись к ним лицом, достал из-за пояса палку. Преследователи его сделали то же самое и через минуту взяли его в кольцо. Якуб сделал несколько выпадов, пытаясь разогнать их, но тут же получил удар в колено и пах.

В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ НУЖНО БУДЕТ НАДЕТЬ НА СЕБЯ ЧТО-НИБУДЬ ПЛОТНОЕ. С ЭТИМИ СКОТАМИ ТАК ПРОСТО УЖЕ НЕ СЛАДИШЬ.

И тут он получил сильнейший удар в спину, сбивший его с ног. Лицо его исказилось гневом, — чего доброго, эти идиоты его и пришибут ни за что ни про что!

Но тут Якуб увидел, что люди, только что едва не лишившие его жизни, улыбаются.

— Мы сделали все так, как вы нас учили, — сказал один из них. — Пока вы сражались с нашими главными силами, резерв зашел к вам с тыла. Верно?

— Вы просто молодцы, — пробормотал Якуб, похлопав обратившегося к нему воина по плечу. — Теперь мы перейдем к заключительной части занятий.

— Конан, как ты думаешь, что сейчас делает Десса? — дрожащим голосом спросил Масуф.

Конан пожал плечами и промолчал. Он хорошо представлял, чем наполнены ныне дни и ночи невесты Масуфа, однако считал, что говорить об этом самому Масуфу не стоит. Конану же судьба недавней рабыни была безразлична или, вернее, почти безразлична.

Киммериец не был суеверным, однако с какого-то времени он стал считать, что в бою погибают прежде всего те, чьи мысли заняты другими людьми, в особенности женщинами.

— Ты знаешь, Масуф, в Аграпуре у меня есть одна хорошая знакомая, которую близко знает и наш друг Хезаль. Если нам удастся перевезти Дессу к ней (кстати говоря, зовут эту женщину Пилой), то она, Пила, из нее за месяц человека сделает!

Конан повернулся к озеру и увидел, что камень, на котором он недавно сидел, забрызган водой. Потрясло же его совсем не это, — нет, потрясло его то, что обе женщины куда-то исчезли!

Либо они решили сыграть какую-то дурацкую шутку, либо...

Конан все еще стоял на берегу озера, когда вдруг на поверхности его появилась Илльяна. Она плыла прямо к нему.

Он сразу почувствовал, что происходит что-то неладное, но тут она выскочила из воды и, бросившись к нему в объятия, поцеловала его в губы. Киммериец ответил ей поцелуем и прижал к себе ее нагое, мокрое, прекрасное тело...

— Нет... — еле слышно простонала Илльяна и отступила назад, совершенно забыв о том, что стоит на самой кромке берега. Она повалилась на спину, подняв снопы брызг, но тут же встала на ноги и, кашляя, направилась к берегу.

Конан помог ей выйти на берег, стараясь касаться только ее рук. Теперь однако, в этом уже не было необходимости: Илльяна и сама старалась держаться подальше от него.

— Это «нет» не будет вечным. Воля богов... Камни... Мы не можем быть вместе только сейчас, — голос Илльяны дрожал, глаза же ее казались стеклянными. Конан перевел дух и на всякий случай стал смотреть в сторону.

С Раиной он смог поговорить только после того, как искупался в горном озере и сам.

— Раина, или я совсем тронулся, или твоя госпожа захотела, чтобы я возжелал ее.

— Захотела? — хрипло засмеявшись, ответила ему Раина. — По-моему, своего она добилась!

— Ну и что с того? — удивился Конан. — Это ведь не значит, что я после этого обязан переспать с ней?

— Разве?

— Да я лучше украду корону царя Йалдиза! Дело это, конечно, будет не столь приятным, но, с другой стороны, и не столь опасным!

Райна довольно захихикала и отправилась к своей госпоже. Конан проводил ее взглядом и сокрушенно покачал головой. Глаза и голос Илльяны никак не шли у него из головы. Более же всего его мучило то, что она сказала о Камнях Курага.

Они подошли к Долине Демонов за несколько часов до вечерних сумерек. Конан решил дождаться вечера вне ее пределов.

— До наступления темноты нам там делать нечего. Лучше уж найти какое-нибудь укромное местечко да пару часов спать!

— Тем более что в этой жизни спать нам уже не придется! — мрачно заметил Масуф.

Конан покачал головой. Масуф явно искал смерти. Переубедить его было не просто, но имело смысл внушить ему хотя бы ту простую мысль, что без него, Масуфа, спутникам его будет ох как трудно...

Бора уже через несколько минут привел их к месту, подходившему им как нельзя лучше: здесь был и родник, и небольшая пещера с двумя выходами.

— Бора, если ты решишь вступить в ряды славного турецкого воинства, я буду ходатайствовать о том, чтобы тебе с самого начала службы было пожаловано звание капитана! — восхищенно пробормотал Конан.

— Капитан Конан, вы не первый, кто говорит мне об этом! — спокойно сказал мальчик. — Но я не склонен думать об этом сейчас. Прежде всего я должен выручить своего отца. Затем — отстроить родную деревню. О том, что будет потом, сейчас говорить бессмысленно.

Конан удивленно переглянулся с женщинами. Оптимизм Боры казался сейчас таким же неуместным, как и пессимизм Масуфа, правда, слушать мальчика было куда приятнее...

По долине ползли серебристо-серые облака тумана. Конан подполз к краю скалы и, заглянув вниз, прошептал:

— Если эта дорога — лучшая из всех, то не дайте мне, боги, увидеть худшую!

— Я не бог, и горы эти созданы не мной, — зашептал Бора в ответ. Или мы идем этой дорогой, или не идем вовсе!

— Ох, Бора, не жалеешь ты нас! — засмеялась Раина.

На какое-то время настроение у всех улучшилось.

— Ты сможешь здесь спуститься? — спрашивал Конан у каждого из спутников, прежде чем начать спуск. — А как насчет того, чтобы подняться по этому же склону? — Вопрос этот не был задан одному лишь Боре, который вправе был спросить о том же и у самого Конана.

Илльяна и Раина ответили на вопрос кивком головы, Масуф же, заглянув вниз, отполз подальше от края скалы и ответил уверененным «нет».

— Ты понимаешь, что нести тебя на себе мы не сможем? — спросил у него Конан.

— Конечно, конечно! — заволновался Масуф; — Но, может быть в том, что я останусь наверху, все-таки есть смысл? В конце концов, отсюда я смогу вас прикрывать!

— Боюсь, что отсюда ты нас не то что прикрыть, но даже и увидеть не сможешь Идти-то нам придется едва ли не до самого дна долины! — усмехнулся Бора.

— Так оно и есть — утвердительно кивнула Илльяна. — Для того чтобы мои чары сработали, мы должны свести Камни как можно ближе друг к другу!

— Мы уже слышали об этом, — буркнул Конан. — Именно поэтому мы и лезем в эту чертову дыру.

Илльяна на самом деле едва ли не ежечасно говорила своим спутникам о том, что она уже не может бороться с Эремиусом на расстоянии; Ей нужно было приблизиться к нему, иначе все ее попытки бороться с ним обернулись бы пустой трата сил волшебницы и ее Камня и, как следствие этого, потерей мистической защиты от чар Эремиуса.

— Помимо прочего, Эремиус может напустить на нас и своих Трансформ, управлять

которыми он может и без Камня. Мне же без Камня не обойтись.

— Хотелось бы знать, за кого ты нас держишь? Неужели мы не сможем защитить себя и сами, безо всей этой чертовщины? — неожиданно взорвался Конан.

— Только на вас я теперь и надеюсь, — без всякого энтузиазма отозвалась Илльяна.

Спуститься с утеса удалось даже Масуфа. Шуму при этом друзья наделали столько, что впору было проснуться и страже, выставленной где-нибудь в Стигии. Дозорные Долины Демонов, однако, не повели и ухом.

— Может быть, Эремиус решил дать своим людям отдых на то время, пока он будет лечить Трансформ? — озадаченно прошептала Илльяна:

— Вряд ли, — так же шепотом ответил ей Конан. — Скорее всего, он просто сократил число постов. Думаю, с людьми его мы встретимся совсем скоро.

Дальше они шли молча. Туман сгустился и они с трудом различали в темноте друг друга. О том, чтобы стрелять в кого-то из лука, теперь не могло, идти и речи.

— Тсс! — зашипел шедший первым Бора. — Там кто-то стоит!

Не успел Конан сказать ни слова, как раздался свист раскручиваемой пращи, глухой удар и далекий стук.

— Это... — зашептал было Бора, — это...

— Стра-а-а-жа! — раздалось вдруг слева. — Подъем, стража!

Конан негромко выругался. Чего он не любил, так это сражаться в тумане, когда чужих нельзя отличить от своих, а своих от чужих.

На них бежало шестеро воинов, вооруженных пиками и мечами. Конан и Раина приняли эту атаку на себя, разом решив, что Илльяне сейчас сражаться не стоит.

Без особого труда Конан прикончил двух воинов и с удивлением обнаружил, что врагов, желавших сразиться с ним, больше нет. И действительно, враг, явно не ожидавший такого сопротивления, позорно бежал, — об этом говорил быстро удалявшийся топот ног.

Вновь стало тихо.

— Я одного прикончила, — прошептала Раина. — Еще одного поразил камнем Бора. Слушай, Бора, ты не научишь меня пользоваться пращей?

— Поживем — увидим, — отозвался мальчик. — А как дела у Масуфа?

Последний ошарашенно смотрел на окровавленное копье, не зная, радоваться ему или скорбеть. В любом случае чувства эти были уместнее и благороднее недавнего его отчаяния...

— Идем назад! — приказал Конан.

— Трансформ Эремиус еще не поднимал, — тихо сказала Илльяна, явно не согласная с решением киммерийца. Кольцо с Камнем она прикрывала ладонью.

— Теперь это может произойти в любую минуту, — сказал Конан. — Чего мне не хотелось бы, так это попасть в окружение.

Едва он произнес эти слова, как все вокруг озарилось ослепительным изумрудным сиянием. Еще через мгновение туман чудесным образом испарился.

Взглядам друзей открылась залитая зеленым светом долина, с северного склона которой на них шло воинство, состоявшее из полусотни Трансформ.

— К нам идет Эремиус! — взвизгнула вдруг Илльяна.

— Сейчас мы его поприветствуем! — прорычал Конан, снимая с плеча свой тугой лук. — Прекратите болтовню — пришло время заняться делом!

Расстояние меж ними и Трансформами было немалым, но промахнуться мимо столь крупных целей было достаточно сложно. Стрелы, полетевшие из луков Раины, Конана, Илльяны и Масуфа, одна за другой вонзались в дородные тела их страшных противников.

Вонзались, но не причиняли вреда. Конан заметил, что с флангов Трансформ поддерживают

люди. Он стал вести огонь по ним и за одну минуту уложил четверых. Колчан его к тому времени был уже практически пуст.

Трансформы надвигались на них чудовищной неотвратимой волной. Илльяна закатала рукава и принялась творить заклинания. Свет, излучаемый ее Камнем, был настолько ярким, что Конан на мгновение ослеп.

Когда зрение вернулось к нему, он увидел, что Трансформы уже не наступают на них: сбившись в стаю, они принялись жалобно завывать, то и дело всплескивая передними конечностями.

— Я обратила наш страх их страхом! — воскликнула Илльяна. — Но я и сама не понимаю, как это у меня вышло!

— Ты вот что сделай! — прокричал ей Конан. — Пусть они побегают кругом, пока у них ноги не откажут!

Раина послала две своих последних стрелы в неподвижную цель. Одна из ее стрел угодила прямо в глаз Трансформе, издавшей такой ужасный крик, что у Конана мурашки пошли по коже.

Изумрудный свет несколько померк. Источник его находился где-то за спинами Трансформ, и располагался он, скорее всего, в руках самого Эремиуса.

— Отходим назад! Сейчас они нападут на нас! — закричала Илльяна и понеслась с грациозностью оленей вверх по склону.

В тот же миг Трансформы пришли в себя.

Конан бежал вверх, морщась от невыносимой вони и думая о том, какой смерти достоин Эремиус, породивший все это гнусное воинство. Он увидел двух Трансформ, бегущих ему наперерез. Уйти от них он уже не мог.

Первая Трансформа остановилась всего в паре шагов от него. Не дожидаясь ее броска, киммериец бросился на нее с кинжалом наперевес и сильнейшим ударом напрочь лишил ее лица. Чудище захрипело и повалилось на землю, размахивая своими страшными лапами. Конан ударили его еще раз — на сей раз удар его пришелся в живот Трансформы.

За спиной его раздался топот второго чудовища. Конан перепрыгнул через поверженное тело и, отбежав далеко в сторону, оглянулся. Вторая Трансформа стояла на коленях рядом с первой. Она пыталась заткнуть ей рану, из которой фонтаном била кровь.

Спутников своих Конан сумел нагнать только через несколько минут. Бежавший рядом с ним Бора прокричал ему:

— Где-то здесь у них пещера! Здесь и вонь сильнее всего!

— Значит, и хозяева дома! — отозвался Конан. — Представляешь, какой они нам прием устроят! Наверное, и на обед пригласят!

— Так мы же и есть их обед! — засмеялся Масуф, бежавший немного в стороне.

— Вон она! — закричал Бора, указывая рукой на темный провал по правую руку от них. Конан не успел толком рассмотреть его, как вдруг изумрудный свет вновь вспыхнул с такой силой, что он почти перестал видеть. То, что он увидел потом, выглядело на удивление странно и страшно. Масуф неожиданно засветился изумрудным светом и понесся прямо на бегущих за ними Трансформ, в ужасе отхлынувших от склона. Настигнув одну из Трансформ, Масуф легко, словно цыпленку, свернул ей шею, но тут — тут сила его ослабла, свет, излучаемый его телом, померк, сам же он стал прежним несчастным Масуфом... В следующее мгновение его уже рвали на части лапы и пасти Трансформ.

"За все это время Масуф не издал ни звука", — подумалось вдруг Конану.

— Конан! Конан, скорее сюда! — послышался из пещеры голос Боры.

Конан в два прыжка добрался до входа в пещеру, возле которого стояла босая Илльяна, зачем-то державшая в руках свои сапожки. Раина тоже была здесь, она закладывала вход в

пещеру камнями.

— Зачем ты убила Масуфа? — проревел Конан.

— Я не понимаю тебя, Конан.

— Я спрашиваю, зачем ты убила Масуфа?

— Конан, поверь мне, не я убила его. Если я что-то и сказала ему, то это не имеет никакого значения!

— Если это сделала не ты, значит, в смерти его повинны эти проклятые Камни!

Илльяна охнула и неожиданно бросилась на грудь Конана.

— Прошу тебя, не надо! Поверь, я не желала Масуфу зла! Он пришел сюда за смертью, и он нашел ее!

С этим спорить было невозможно, да и времени на споры уже не было. Трансформы были совсем близко, некоторые из них все еще жевали плоть Масуфа...

Илльяна спокойно взирала на чудищ.

— Ну что ж, теперь оборону будете держать вы, а я займусь делом!

— И сколько времени тебе на это самое дело понадобится? — спросил Конан.

Илльяна сняла с себя тунику и стала размахивать ею над головой.

— Смотри, Эремиус! — закричала она. — Смотри, но знай: твоим это тело не будет!

— Сколько времени тебе понадобится, Илльяна? — крикнул Конан. — Или ты уже не слышишь меня?

— И понятия не имею! — фыркала Илльяна и поспешила в глубь пещеры.

Конан заложил входное отверстие еще одним камнем, поднять который вряд ли смогли бы и Трансформы. После этого он отступил назад, стряхнул пыль с ладоней и решил немного передохнуть.

От Камня Курага света было столько, что ему даже приходилось жмуриться. Илльяна, на руку которой было надето кольцо с Камнем, стояла шагах в сорока от него, они произносила заклинание на неведомом Конану языке. Теперь, когда началась ее дуэль с Эремиусом, этого мира для волшебницы уже не существовало.

Конан хотел было подойти к Раине, стоявшей неподалеку, но тут прямо перед его лицом просвистел увесистый камень. Конан вздрогнул и с изумлением воззрился на Бору.

Мальчик улыбнулся:

— Не заслоняй проход, не ровен час, враг появится.

— Ты бы хоть предупреждал...

— Капитан, на это у меня может не быть времени. Вы бы сами вели себя поосторожнее!

Конан рассмеялся. Мальчик был прав.

— Бора, ты лучше не спеши со вступлением в армию. Я и глазом моргнуть не успею, как ты командовать мною станешь!

— Да что вы, капитан! Горца они ни за что в командиры не определят! серьезно ответил Бора.

Они бы говорили еще долго, но тут раздался истощный крик Раины:

— Трансформы! Трансформы!

Эремиус чувствовал, что пот течет по нему ручьями. Суставы заныли с новой силой, но он совладал с болью и смог устоять на ногах. Почти все его оккультные силы были направлены на то, чтобы бороться с Илльяной. По-настоящему управлять Трансформами он уже не мог: достаточно было тем получить ранение или чего-то испугаться, как они тут же выходили из-под его контроля.

Происходило что-то по-настоящему странное. Неужели за эти десять лет Илльяна смогла стать настолько сильной? Нет, нет — этого быть просто не могло! К этому у нее никогда не было задатков!

Эремиус попытался ослабить боль в суставах концентрацией на силе, излучаемой Камнем. Это позволило ему выпрямиться и приступить к очередному заклинанию.

Он не дошел даже до его середины, как боль вспыхнула с новой силой. И только тогда Эремиус неожиданно понял то, чего ему не удавалось понять все эти годы, — он понял, почему ему не дано было победить Илльяну. С ним боролась не только она — с ним боролся и ее Камень и причина у столь прочного союза могла быть только одна.

Впервые за много лет Эремиусу стало по-настоящему страшно.

Казалось, что бою этому конца не будет никогда. От напряжения и усталости у Конана и Раины уже начинало сводить мышцы, а Трансформы все шли и шли нескончаемым потоком.

Конан отер пот со лба и чертыхнулся. В узком проходе появились еще две Трансформы. Одна из них — та, из груди которой торчала стрела, принялась крошить баррикаду, сложенную Раиной и Конаном. Чудище ринулось на нее, и в тот же миг баррикада с грохотом обрушилась, подняв тяжелые клубы пыли.

И тут — тут погруженная в мистический транс Илльяна взлетела и легко коснулась рукой одной из Трансформ. В лицо Конану пахнуло смрадом и жаром, от Трансформы же остались только обугленные кости, от которых поднимался дымок.

Киммериец вспомнил вдруг, что за миг до того, как Илльяна взлетела, чудовище вцепилось своими страшными зубами ей в плечо. Он посмотрел на плечи Илльяны и почувствовал что-то сродни ужасу: на нежных белых плечах ее не было ни царапины!

Илльяна улыбнулась, словно прочитав его мысли.

— Сама я так не умею. Камни... — Конец последней фразы понять было невозможно. Илльяна внезапно посупровела и добавила: — Делать так часто я вряд ли смогу. И все же поддержать вашу атаку я сумею.

— Атаку? — изумился Конан.

— Чему ты удивляешься? Эремиус совсем недалеко. Если мы с Борой прикроем вас с тыла, вы сможете убить Эремиуса и забрать у него Камень. И тогда победа наша будет полной!

— О чем ты говоришь? Какая победа? Ты только посмотри на наши клинки — ими уже и масла не разрежешь!

Илльяна посмотрела на меч так, словно никогда прежде не видела оружия. Взор ее на миг затуманился, она развела руки в стороны, коснувшись кончиками пальцев клинков своих спутников, и застыла.

На глазах у изумленных Конана и Раины клинки их распрымились, лишившись при этом не только покрывавших их в изобилии зазубрин, но и царапин! Конан потрогал лезвие пальцем и поразился еще больше: таким острым оно не было еще никогда!

Эремиус мучительно силился понять, что же происходит в пещере. Трансформы не должны были гибнуть так быстро даже в том случае, если для борьбы с ними использовалась энергия Камня.

Теперь ему уже нужно было спасать самого себя — о чем-то ином до лучших времен можно было и не мечтать.

Киммериец и его спутница вышли из пещеры и направились в его сторону. Трансформы, тут же сообразившие, что враг нападает только на тех, кто оказывается у него на пути, стали с визгом разбегаться в стороны. Люди ступали важно, как боги...

Эремиус сорвал кольцо с Камнем с руки и бросил его наземь. Раздался мелодичный звон. Вместо того чтобы тут же затихнуть, он с каждым мгновением звучал все громче и громче.

Волшебник прижал ладони к ушам, дабы странный этот звон не помешал его концентрации. Если ему повезет — он разом покончит со всеми своими врагами; если нет — он разом потеряет все.

Конан и не предполагал, что он способен бегать так быстро. Теперь он боялся только одного: того, что не сможет совладать с собственными ногами, что несли его по дну долины, туда, где стоял над своим Камнем зажавший руками уши Эремиус.

Теперь от мага киммерийца отделяло всего несколько десятков шагов. Конан преодолел примерно половину этого расстояния, когда вдруг кольцо с Камнем взлетело в воздух. Но теперь оно уже не светилось, нет — теперь оно пело!

Заунывное, протяжное его пение вызывало в сознании Конана престранные образы. Сначала он увидел себя в объятиях грудастой киммерийской бабы. Это видение тут же сменилось другим: в свете того же очага ему виднелись лица чумазых темноволосых сорванцов, как две капли воды похожих на него самого. Он учил их чему-то очень важному. Еще через миг он увидел себя уже седовласым, вершащим справедливый Суд над теми, кто нарушил закон его деревни...

Все это могло принадлежать ему — для этого ему было достаточно встать к Камню спиной, забыть о Камне... об Эремиусе...

Конан замедлил шаги. Он предавал родную Киммерию, и от этого сердце его наполнялось смертной тоскою, неведомой ему прежде...

В сознание его вихрем ворвалась еще одна песнь — песнь триумфа, которую пел Камень

Илльяны. Новые образы закружили пред ним. Он видел себя предводителем огромного воинства, под ним был норовистый иранистанский жеребец, огромные северные звезды немо взирали на него... И еще видел он развалины древнего города, затерянного в пустынях, и гордых прекрасных амазонок, ищущих его любви...

Конан усилием воли изгнал из своего сознания все эти образы, заставив замолчать оба Камня. Они, а вместе с ними и их хозяева, хотели подкупить его. Но этого не удавалось еще никому, — он, Конан-киммериец, поступал так, как подсказывали ему долг и совесть — иных советчиков у него не было.

Убивать создателя Трансформ Конан не собирался, — такая смерть была бы для того не наказанием, но наградой. Конан поступил иначе. Он нанизал кольцо с Камнем на меч и поднял меч так, что кольцо съехало к рукояти.

Эремиус упал наземь, спрятав лицо в ладонях. Конан бросил на него взгляд полный презрения, и, подняв меч над головой, побежал назад.

Они прошли уже полпути, когда вдруг Илльяна упала, лишившись чувств. Конан приложил ухо к ее губам и почувствовал ее дыхание. Передав кольцо с Камнем Раине, которая тут же надела его себе на левую руку, он взвалил тело волшебницы себе на плечи и дальше уже поднимался вместе с нею.

— Капитан, позвольте мне пойти вперед и поискать путь попроще, обратился к нему Бора. — Боюсь, что так вам этот подъем не осилить!

Откуда-то снизу послышались дикие нечеловеческие крики, полные боли и ужаса. В следующее мгновенье их уже заглушил кошмарный рев Трансформ.

— Что это было? — дрожащим голосом спросил Бора.

— Я думаю, об Эремиусе мы больше не услышим, — отозвался Конан. Готов биться об заклад что им позавтракали его собственные воины, то бишь Трансформы.

Бора поежился.

— Прашу свою далеко не убирай, — добавил Конан. — Луков у нас теперь уже нет.

— Да и мечи наши уже не те, что прежде, — задумчиво пробормотала Раина.

Конан удивленно посмотрел на нее.

— Что ты хочешь этим сказать?

— После всего того, что я за эти дни увидела, меня даже от ее волшебства тошнит! О Камнях же этих я и говорить не хочу!

Они выбрались на гребень и дальше шли уже по тропе. Преследовать их никто не пытался. Камни же, похоже, спали, ибо утомиться они должны были ничуть не меньше своей новой владелицы.

К тому времени, когда им стал виден Повелитель Ветров, Илльяна оправилась уже настолько, что могла идти и сама. Как и прежде, она была совершенно раздета, но теперь чувствовалось, что ночная прохлада ей уже не безразлична, — ее била крупная дрожь.

Бора понял, что теперь для согрева Илльяне нужна обычная человеческая одежда, и протянул ей свою куртку. Она закуталась в нее и, гордо подняв голову, изрекла:

— Мы благодарны тебе, мальчик.

Конан нахмурился и хотел было ответить на слова волшебницы грубой шуткой, однако в последний момент решил почему-то от нее воздержаться. Дальше они шли молча.

Бора шел, поражаясь про себя выносливости и стойкости своих спутников. Киммерийцу и Раине пришлось выдержать многочасовую схватку с Трансформами, Илльяне же все это время приходилось бороться с Эремиусом, что наверняка было ничуть не проще, — сейчас же все они шли как ни в чем не бывало по крутым горным тропам, не отставая от него ни на шаг.

На рассвете они уже находились неподалеку от того места, где были оставлены снаряжение и провиант. Конан внезапно поднял руку в предупредительном жесте.

— Всем спрятаться! Для начала я схожу туда в одиночку! — сказал киммериец так тихо, будто кто-то мог его подслушивать.

— Нам хотелось бы знать... — начала Илльяна, но Конан, нахмутившись, перебил ее:

— Всему свое время. Вам придется немного подождать.

Раина и Конан обменялись взглядами. Раина легонько толкнула свою госпожу в спину и повела ее к кустикам, росшим неподалеку.

Бора последовал за ними.

Отсутствовал Конан совсем недолго. Вернулся он так же бесшумно, как и ушел, что для человека его размеров было совсем не просто.

— Там сидит шестеро воинов Эремиуса. Вооружены они пиками и мечами луков, похоже, нет. Думаю, что серьезной опасности они не представляют.

— Вам бы только убивать! — фыркнула Илльяна.

Конан посмотрел на нее выразительно, но уже без прежнего удивления.

— Лучше скажите мне, госпожа, неужели вы собираетесь появиться в крепости в таком виде?

— В крепости? Что нам делать в крепости?

— Клянусь бородой Эрлика! Да как...

— Не богохульствуйте.

Даже заговори Илльяна по-стигийски, Конан не удивился бы больше.

Нахмурилась на сей раз и Раина.

— Простите нас, госпожа, — сказала она. — Мы думаем только о вашем здоровье!

— Очень мило с вашей стороны. Мы подумаем о вашем предложении.

Илльяна посмотрела в глаза Конану и едва заметно кивнула головой.

Она вела себя так, словно была королевой. Королевой, рядом с которой был и ее Избранник — ее Камень.

НЕ КАМНИ — КАМЕНЬ!

Бора почесал голову и стал собирать в сумку голышки, готовясь к новому сражению.

Как Конан и ожидал, настоящего сопротивления противник оказать им не смог.

Не прошло и минуты, как повержены были пять воинов из шести.

Бора перевел взгляд на шестого, последнего воина и застыл от изумления:

— Якуб?!

Киммериец резко обернулся и изготовился ко встрече с противником.

— Доброе утро, Конан! — насмешливо приветствовал его Якуб. — Я не успел выучить этих людей всему тому, что я знаю сам. Но отомстить за них я смогу!

— Ты уверен в этом? — спросил Конан, возвращая свой меч в ножны. Мне кажется, что нам лучше разойтись миром. Я слишком уважаю твоего отца, чтобы убивать тебя. Будем считать, что ссоры между нами не было.

— А как же мои люди?

— Твои люди? — презрительно усмехнулся Конан. — Эти создания, скорее, похожи на цепных псов! Кто они тебе, Якуб?

— Оскорбляя их, ты оскорбляешь меня!

— Ах ты, дерньмо поганое...

Бора стал снимать с пояса прашу, но тут же ему на плечо легла рука Раины. Другой рукой она выхватила у него прашу и спрятала ее за спину.

— Ты что? — возмутился мальчик. — Неужели ты на его стороне?

— Не позорь Конана, Бора. Якуб...

— Якуб обесчестил мою сестру! Он обесчестил весь наш род!

— Ты сможешь биться с ним один на один?

— Конечно, нет! — пожал плечами мальчик. — Он меня тут же нашинкует дольками.

— Вот и не лезь в это дело. У Конана с Якубом свои счеты. Якуб — сын капитана Хаджара. Если в Аграпуре узнают о том, что мы видели его здесь, предателем объянят и самого Хаджара, что, несомненно, бросит тень и на Конана. Конан должен убить его хотя бы для того, чтобы спасти доброе имя своего командира.

— Ну а если поединок выиграет не он, а Якуб?

— Тогда его вызову я. Убирай свою прашу — иначе я ее на куски изрублю!

Бора рассвирепел и прошипел с неожиданной злобой:

— Шла бы ты, проститутка боссонская, в...

Звонкая пощечина вывела дуэлянтов из задумчивости. Поединок начался.

Впоследствии Бора признавался, что он хотел воспользоваться прашой не потому, что ему хотелось защитить Конана, но потому, что он считал своим долгом отомстить человеку, запятнавшего честь его семьи.

О Конане в эту минуту он особенно не думал, хотя тому после ночи, проведенной в долине, было явно не до поединков. Якуб же, в отличие от него, в это утро был в прекрасной форме, что не просто уравнивало шансы противников, но даже обеспечивало ему, Якубу, известное преимущество, ибо фехтовал он ничуть не хуже Конана.

Поединок длился уже несколько минут, когда Илльяна наконец соблаговолила взглянуть на дерущихся. Она тут же состроила гримаску и, отвернувшись, принялась рыться в сумках, доверху набитых ее нарядами. И тут поединок принял неожиданный оборот. Конан внезапно открылся, что могло стоить ему жизни, и, едва не выронив меч из руки, попытался поднырнуть под удар Якуба, направленный ему в голову. Этот маневр, едва не стоявший киммерийцу жизни, закончился для него удачно: теперь он стоял так близко к своему противнику, что тот при всем своем желании не смог бы воспользоваться против него мечом. Якуб хотел было отскочить назад но Конан ловко подсек его, выбив при этом из его руки оружие. Рука Якуба потянулась было за кинжалом, но киммериец тут же наступил на ее запястье, одновременно приставив меч к горлу противника.

— Якуб, я понимаю, что ты остался в долгу у этих людей. Но должник не только ты, должник и я, — только я должен не им, а твоему отцу. Возвращайся к нему и уходи вместе с ним в такую страну, где вас никто не знает.

— До такого поста, как сейчас, он уже никогда не дослужится, прохрипел Якуб. — Ты слишком много хочешь!

— Ты так считаешь? — тихо спросил Конан. Несмотря на утреннюю прохладу, пот тек по его лицу ручьями. Бора заметил вдруг, что киммериец серьезно ранен в левое плечо.

Якуб открыл рот и хотел ответить Конану, но вдруг тело его охватило ставшее уже за эти дни привычным зеленое сияние. Якуб завопил и выгнулся дугой.

Через мгновенье тело его опало. Оно уже не светилось, изо рта же его сочилась струйка алой крови.

Бора развернулся, мысленно приготовившись к тому, что сейчас он встретится лицом к лицу с чем-то ужасным.

И каково же было его удивление, когда он увидел перед собой не монстра, но царственно восседающую на одеялах Илльяну. В руке она держала поблескивающий изумрудным светом Камень Курага.

Конан знал, что Илльяна объявила им войну. Точнее, не сама Илльяна, но Илльяна и Камни. Понять это было не просто, особенно после всего того, что им довелось пережить, сражаясь на одной стороне.

— Раина, дай-ка мне второй Камень, — обратилась волшебница к своей служанке. — Пришло время соединить их воедино.

Раина посмотрела на кольцо, надетое на ее руку, так, словно видела его впервые. Она сняла его и стала с интересом рассматривать зеленоватый камень, чем-то похожий на изумруд.

Конан стоял совершенно недвижно, боясь выдать себя неосторожным движением или словом. Он не знал, какими именно силами должны были одарить Илльяну, а вместе с нею и мир, Камни Курага, но это его и не интересовало. Он твердо знал только одно: если он не сможет уничтожить их сейчас, он не сделает этого никогда.

И тут у Раины не выдержали нервы — она швырнула кольцо вверх, надеясь на то, что, упав

на скалы, Камень Курага непременно разобьется. Конан сделал немыслимый прыжок и успел подхватить кольцо прежде, чем оно упало на камни.

Теперь нельзя было терять ни минуты. Он смочил Камень кровью из раны и тут же швырнул его в ручей, шумевший в паре десятков шагов от того места, где он стоял сейчас.

Все произошло настолько быстро, что Ильяна не только не смогла помешать ему, но даже и не попыталась этого сделать.

Он вынул меч из ножен. Против той силы, которая стояла за Сокровищем Курага, бороться с мечом в руках было по меньшей мере нелепо. Но он понимал это и сам. Единственное, чего он теперь хотел, — так это достойно встретить смерть.

Конан почувствовал, что он погружается во что-то странно тягучее и холодное, в ледяной мед сковывающий его движения и проникающий вовнутрь, обжигая холодом сердце...

Где-то совсем рядом хрюпала Раина.

Ему вдруг захотелось лечь на землю. Он ляжет и немного полежит; Раина же — эта подлая, коварная предательница Раина — превратится в жалкую ледышку, а затем и вовсе сгинет. И тогда место Раины займет прекрасная мудрая Ильяна — страстная, любвеобильная Ильяна... От него не требуется ровным счетом ничего, — ничего, кроме одного, — он должен повиноваться своей королеве...

Как просто. Прямо-таки до смешного просто.

— Я тебя знаю, — прохрипел из последних сил Конан. — Я тебя знаю, как бы тебя ни звали. Но тебе меня ни за что не понять!

Он почувствовал, как к членам его возвращается жизнь. Чувство холода не исчезало, но тело вновь было послушно ему. Он направился к Раине, широко раскрытые глаза которой смотрели прямо на него. Та попыталась поднять руку, но тут же застонала от боли. Кто-то мстил им, и этим «кем-то» могли быть не только Камни, вернее, не одни только Камни.

— Бора! — закричал Конан что было сил, но крику этому так и не суждено было покинуть его уста — он замер, не успев прозвучать.

Конан почувствовал, как кто-то схватил его за горло мертвящей страшной хваткой. Он попытался разжать незримые пальцы этой страшной руки, уперев подбородок в грудь и напрягши мышцы шеи. Хватка от этого не ослабла. Конан почувствовал, что еще немного — и он задохнется...

И тут он вновь услышал шум ручья. Ему казалось, что он бредет против течения по ледяной горной реке, вода в которой доходит ему до груди... Напрягшись, он сумел совладать с течением и, взяв Раину за руку, потянул ее за собой. Внезапно сопротивление движению исчезло, а вместе с ним исчезло и ощущение холода. Теперь им — ему и Раине — было жарко. Они шли по дну пересохшего ручья, от которого поднимались густые клубы пара. Конану вспомнились вдруг слышанные им в детстве рассказы о вулканах.

— Бежим! — закричал он.

Раина попыталась выдернуть руку из его руки и посмотрела на него молящим взглядом. Она все еще хотела остаться со своей госпожой. Конан до боли сжал ей пальцы, надеясь, что боль сможет привести ее в чувство, и потянул ее за собой на ближайший склон, круто уходивший вверх. Невесть откуда появившийся Бора подхватил ее под другую руку, после чего она перестала сопротивляться.

Они перевалили через холм, перебежали еще одну долину и стали взбираться на высокую гору. Конан и сам не знал, куда они бегут, он отчетливо понимал, что не бежать нельзя.

Где-то за холмом раздалось громкое шипение, переросшее в свист. В небо поднялись клубы пара, подсвеченного зловещим изумрудным светом. И тут они услышали крик Ильяны — протяжный, исполненный страдания и боли крик...

В то же мгновенье земля у них под ногами содрогнулась.

— Бежим к оврагу! — закричал Конан.

Уже через несколько секунд они лежали на дне неглубокого оврага, глядя на поднимающийся в небо серо-зеленый столб дыма, в котором угадывались чудовищные формы, что тут же распадались, обращаясь во что-то не менее чудовищное, но и столь же эфемерное.

Невыносимый грохот, от которого, казалось, должен был рухнуть небесный свод внезапно смолк. Установилась тишина, прерываемая время от времени звуком падающих сверху каменьев.

Один из таких камней, размером с голову человека, упал в паре шагов от Конана. Киммериец сокрушенно покачал головой и беззлобно ругнулся. Он посмотрел на своих спутников: Бора с интересом разглядывал столб дыма, Раина же горько плакала.

— И с чем же вы остались? — поразился Мишрак. — Если не ошибаюсь, на троих у вас были один кинжал, одна праша и одни штаны, верно?

— Верно. Но нам помогли, — ответил Конан. — Вначале они, конечно, помогать нам не хотели...

— Кто это — они?

— Четыре бандита, — вмешалась в разговор Раина. — Эти бандиты зачем-то взяли в плен пожилую женщину и ее дочь, бежавших из деревни, уничтоженной Трансформами.

— Вы их что — освободили?

— Разумеется. Бора и я подползли к их лагерю, Раина же забралась на соседний пригородок и немного покрасовалась на его вершине, после чего туда отправилась пара бандитов. Одного из них уложил Бора, второго убрал я. Третий бандит на счету Раины, умудрившейся двинуть его так, что уже не встал. Ну а четвертого — четвертого, если мне не изменяет память, порешила эта шустрая бабулька.

Рожи угрюмых телохранителей Мишрака растянулись в ухмылках.

— И что же было потом?

— Потом? Потом мы надели на себя их одежду и, прихватив их нехитрый скараб, отправились в крепость. По дороге нам встретились люди Хезала, которые проводили нас до самой Заставы Земана. Вроде все.

— Все, да не совсем! — возразил Мишрак. — Насколько мне известно, вы покинули Заставу Земана в спешке, прихватив с собою некую девицу по имени Десса. Это так?

— Дело в том, что в крепости ожидали прибытия людей Ахмая. Памятая о том, что было во время первой нашей встречи с ними, мы решили не пытать судьбу и унести ноги прежде, чем нам, их укоротят.

Мишрак кашлянул.

— Допустим, ты говоришь правду. Но где эта девица теперь?

— Как? Разве я не говорил вам об этом? Она у Пилы!

— У Пилы? Кстати, о Пиле. Это правда, что она купила ту таверну, в которой все это время работала?

— Этого я сказать вам не могу: чего не знаю — того не знаю!

— И знал бы, так ведь все равно бы мне не сказал! Кого-кого, а тебя, Конан, я насквозь вижу!

— Вы вправе говорить что угодно, но я на самом деле ничего об этом не слышал. Пила хранит свои секреты куда лучше нас с вами!

— Ну, ладно! — вздохнул Мишрак. — Слушать тебя, конечно, интересно, да вот только не все ты говоришь!

Конан вздрогнул от неожиданности.

— Как вы можете говорить это людям, которые только что едва не погибли, выполняя ваше поручение?

— На это у меня есть основания, Конан. Ты не хочешь рассказать мне о своей встрече с Якубом?

Конан вздрогнул вновь, вызвав тем самым смех Мишрака.

— Нет, нет! Ты только не подумай, что я волшебник! Просто порой я могу услышать и то, чего человек мне прямо не говорит. Не будь у меня этого таланта, я служил бы не здесь, а где-нибудь совсем в другом месте!

Обмануть Мишрака было действительно невозможно, и Конан решил быть откровенным до конца.

— Прежде чем Якуб погиб, я предлагал ему уйти из этой страны вместе с его отцом, капитаном Хаджаром. Но он ответил мне отказом.

— Как ты думаешь, а не может ли быть предателем и сам Хаджар?

— Будь он совершенно невинен, он не стал бы распространять эту сплетню о гибели сына.

— Тонкое замечание. Но ты не думаешь, что к этой мысли его мог подвести сам Якуб?

Конан растерялся.

У него начинало складываться впечатление, что Мишрак пытается найти подтверждение лояльности Хаджара царю и закону.

Но разве само по себе это не абсурдно?

Зачем тогда говорить о Хаджаре?

Пусть себе живет, как и жил.

Конан пожал плечами и буркнул:

— Не знаю.

На этом аудиенция была закончена. Мишрак поблагодарил их за труд на благо отечества, вручил им мешок с золотом и тут же куда-то исчез. Конан, которому все это уже порядком надоело, хотел было швырнуть мешок в фонтан, но Раина, зашипев, схватила его за руку и вывела в коридор.

— Если золото не нужно тебе, это не значит, что оно не нужно никому!

Конан, к этому времени уже забывший и думать о недавних обидах, возразил ей, сказав, что золото нужно всем.

Покинув Квартал Шорников, они направились к лучшей гостинице Аграпура и сняли там номер с огромной широченной кроватью.

Конан и Раина провели вместе две ночи и день. Наутро второго дня Конан обнаружил, что в номере он остался один.

Ничуть не удивившись исчезновению северянки, он решил заняться делами насущными. Он отправил деньги Боре, Пиле, Дессе и Рафи, заказал себе новый меч и наконец посетил всех своих аграпурских друзей.

Раина, однако, так и не появлялась. Конан решил вернуться к занятиям с рекрутами, с тем чтобы хоть так развеять тоску, что день ото дня становилась все сильнее и сильнее.

И вот на восьмой день, под вечер, когда Конан со своим взводом ехал к казармам, он увидел Раину, ехавшую за богатым караваном.

— Раина! — вскричал киммериец, едва сдерживая себя от того, чтобы не заключить ее в объятия прямо на улице. — И куда это ты собралась?

— В Аквилонию, — улыбаясь, ответила ему северянка. — Если ты помнишь, в Боссонию мне возвращаться нельзя. Вот я и думаю попытать счастья у соседей. Если повезет, выйду замуж за какого-нибудь купца, нарожаю ему детей, займусь домом...

— За купца? Да ты, наверное, смеешься?

— Ничего подобного. Я уже десять лет в дороге. Хочется теперь и на одном месте пожить. По крайней мере, буду знать, где мои кости схоронят.

— Ну у тебя и заботы! — усмехнулся киммериец. — Что до меня, то мне ничего другого не надо, как...

— Знаю, знаю! — засмеялась Раина. — Я вот еще о чем вспомнила. Ты ничего не слышал о Хауме и Хаджаре?

— Ничего.

— Тогда слушай. Хаума лишен всех должностей в связи со слабым здоровьем. Где он сейчас

находится, я не знаю. Хаджар же отправлен в Аквилонию как полномочный представитель царя Йалдиза. Он должен будет перенять у аквилонцев их ратный опыт. Говорят, что лучше них на свете воинов нет.

"Ай да Мишрак!" — подумал Конан. Мудрее поступить было просто невозможно. Как говорится, и волки сыты и овцы целы!

— Раина, а может быть, купец твой подождет?

— И сколько же ему придется ждать?

— Ну хотя бы пару недель.

Раина громко засмеялась и, чмокнув его в щеку, поспешила за караваном. Конан смотрел ей вслед до тех пор, пока она не скрылась за поворотом.